Шевырёв и Пушкин

Г.В. ЗЫКОВА, кандидат филологических наук

Славянофилы, как известно, много писали о подражательности, вторичности русской культуры послепетровского времени. Менее известно, что некоторые из них видели в этой "переимчивости" не слабость, а силу молодого народа.

В статье 1841 года "Сочинения Александра Пушкина" С.П. Шевырёв писал: "Чудное сочувствие Пушкин имеет со всеми гениями поэзии всемирной – так легко было ему усваивать себе и претворять в чистое бытие русское их изящные свойства! Это в Пушкине черта национальная: как же было ему не отражать в себе характер своего народа!" (Москвитянин. 1841. Ч. V. № 9. С. 247). Современный исследователь оценил эти слова так: "Шевырёв первый в истории русской критики, предвосхитив Достоевского, скажет о протеизме Пушкина" (Питолина Н.В. Шевырёв о Пушкине // Проблемы современного пушкиноведения. Л., 1986. С. 121). Необходимо добавить, что Шевырёв впервые высказал и подробно развил этот взгляд на творчество Пушкина за десять лет до москвитянинской статьи, в дневнике 1830 года. К дневнику Шевырёва (РО РНБ, ф. 850, № 16–17) ученые обращались, но в опубликованных исследованиях мы нашли только одну фразу о занимающей нас теме: по словам В.А. Мартынова, в дневнике Шевырёва «объявляется, что "вторичные" литературы должны начинать свое развитие с осмысления того, что принесли "на сцену" другие народы» (Мартынов В.А. Шевырёв и русская литературная критика 1820-1830 годов // Канд. дисс... Л., 1988. С. 145). Нам кажется, что материал заслуживает более подробного разговора.

24 апреля 1830 года Шевырёв пишет: «Влияние Байрона на Пушкина доказывается у нас более духом произведений последнего, чем всего менее можно доказывать, потому что Пушкин в этом отношении пигмей перед Геркулесом Альбионским. Яснее, очевиднее доказывается это пристрастие. (Далее следует французский перевод строфы 65 из 6 песни "Дон-Жуана". Приводим стихи в переводе Т.Г. Гнедич:

Красавицы роскошно отдыхают, Как пестрые прекрасные цветы, Которые томятся и вздыхают В садах волшебной южной красоты. Одна, слегка усталая, являет Прелестное создание мечты, Как нежный плод, причудливый и редкий, Свисающий с отяжелённой ветки.)

Всё это сокращено Пушкиным в следующие стихи:

"Цветут за окнами теплицы" ("Бахчисарайский фонтан") (...) Песнь татарская вся внушена следующими стихами (114–115 строфы из 8 песни). Весь Бахчисарайский фонтан внушен эпизодом Гюльнары в Д. Жуане. Эвнух напоминает Бабу.

Хорошо бы написать сочинение: *Шпион на Парнасе*, – и выставить все покражи, происшедшие со времен Омира.

Заметно очень влияние другого гения на Пушкина – Державина. Вот примеры:

То Академик, то Герой, То мореплаватель, то плотник, Он всеобъемлющей душой На троне вечный был работник.

Не внушено ли это стихами Державина:

Оставя скипетр, трон, чертог, Быв странником, в пыли и в поте, Великий Пётр, как некий бог, Блистал величеством в работе. ("Вельможа")

И хрупкой под ногами лист. Водоп⟨ад⟩. Эпитет Пушкина к снегу взят отсюда.

 Π ила визжит в Кавк \langle азском \rangle плен \langle нике \rangle не ново. Визг пил мы слышали ещё в Водопаде Державина».

Запись, как видим, весьма злорадная. Шевырёв в то время осознаёт себя соперником Пушкина.

Несколько позже, 15 мая 1830 года, Шевырёв указывает на ещё несколько позже, 15 мая 1830 года, Шевырёв указывает на ещё несколько пушкинских "покраж" – на этот раз из Шекспира (о замеченных Шевырёвым соответствиях между хрониками Шекспира и "Борисом Годуновым" см.: Шекспир и русская культура. М.-Л., 1965. С. 220; автор главы – Ю.Д. Левин), – но тон записей резко меняется, и заметки о Пушкине завершаются рассуждением об уникальной исторической роли русского народа: "Русской народ не назначен для изобретения, а для окончательного усовершенствования того, что изобрела Европа (...) На что же мы укажем, какой род собственно наш? – Ода взята Ломоносовым у французов, сатира Кантемира у Горация, трагедия Озерова у французов, Борис Годунов у Шекспира. – К нам идут все роды. (...) Всякой народ, уже имея свои роды, веками утверждённые, нелегко приемлет чужие. У нас же всему право гражданства, всему – до мелодрамы и водевиля. (...) И как легко всё у нас приживается! У нас будут

лучшие переводы и лучшие образцы во всех родах, но мы не изобретём своей формы (русской). Русские последние выходят на сцену Европы с тем, чтобы всё докончить". 2 сентября 1830 года Шевырёв определяет характер русского искусства как "протеизм в высшей степени" (ф. 850, № 17, л. 19 об.).

В подобном роде о переимчивости русских писал несколько позже А.С. Хомяков (см. его ответ на "Философические письма" П.Я. Чаадаева: Символ. 1986. № 16). Видимо, славянофилы восприняли предложенное Ф. Шлегелем различение культур естественных (греки) и искусственных. Ср. у Шевырёва: "У Гомера ⟨...⟩ всё свежими глазами снято с самой природы; Вергилий смотрел на неё уже глазами Гомера; Дант глазами Вергилия – и так далее. Теперь спрашивается: в которые глаза смотрят на неё новейшие поэты? — Как дорог нам Гомер!" (ф. 850, № 17, л. 3; запись от 19 июля 1830 года). Концепция Шлегеля вообще была достаточно популярна среди любомудров: так, ещё в 1825 году её излагал Н.М. Рожалин в своей книге "Рассуждение о духе, характере и силах древних стихотворцев, ораторов и историков, или О главных отличительных чертах греческого и римского красноречия, о средствах и способах, которыми оно воспитывалось, созревало и действовало" (М.; опубл. под именем А. Мещерского).

В построениях Шевырёва ощущается дух несколько архаической, почти классицистической состязательности, рационалистическое представление о примате единого идеала над многообразием его живых воплощений.

"Протеизм" Пушкина, видимо, соотносится для Шевырёва с его "объективностью", противостоящей, в частности, лиризму Байрона (см. статью Шевырёва "Обозрение русской словесности за 1827-й год" // Московский вестник. 1828. № 1).

Склонность видеть везде заимствования или цитаты была чревата для Шевырёва-критика некоторой опасностью: поэты вдруг оказывались все на одно лицо, и Лермонтов походил на Пушкина, разве что тон разговора о Лермонтове менее почтительный: "Сквозь всё это постороннее влияние трудно нам доискаться того, что собственно принадлежит новому поэту и где предстоит он самим собою. ⟨...⟩ Лермонтов как стихотворец явился на первый раз протеем ⟨опять то же слово!⟩ с необыкновенным талантом..." (Москвитянин. 1841. № 4). Признав Пушкина поэтом "объективным", а не лирическим, Шевырёв не заметил и у Лермонтова того лиризма, который и объединял заимствованные слова. Однако было бы неверно воспринимать этот отзыв как отрицательный (что, кажется, обычно и делается): сознательного намерения обругать Лермонтова мы здесь не найдём, если прочитаем статью на языке самого Шевырёва.

"Житие Петра Мытаря" в обработке Л.Н. Толстого

А.А. ДОНСКОВ, профессор Оттавского университета (Канада)

В начале июня 1885 года Л.Н. Толстой написал П.И. Бирюкову: "Житие Петра Мытаря надо бы изложить и издать. Беликов не сделал этого? Я было начал делать из него народную драму, но затерял начало, да если бы и нашёл, то постарался бы докончить в драматической форме" (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1934. Т. 63. С. 255).

Пётр Петрович Беликов сотрудничал в "Посреднике", пересказывая жития святых с церковнославянских оригиналов Димитрия Ростовского. Бирюков писал о нём: "Странный человек, покушавшийся на самоубийство; живший на Афоне, заражённый немного пашковством, но

всё-таки остававшийся православным и льнувший к нам по инстинкту добра" (Там же. Т. 85. С. 216). В 1886 году "Посредник" выпустил две книжки Беликова: "Житие Павлина Ноланского" и "Житие Петра, бывшего прежде мытарем", с рисунками А.Д. Кившенко.
Эти сведения необходимы для того, чтобы повести разговор о вы-

правленном Толстым тексте беликовского изложения "Жития Петра...", не привлекавшем до сих пор ничьего внимания и хранящемся ныне в московском Государственном музее Л.Н. Толстого (ГМТ).

Упомянутое Толстым в письме к Бирюкову потерянное "начало" драматической обработки этого сюжета было позднее найдено в одной из книг Яснополянской библиотеки (П.А. Бессонов. Калеки перехожие) и опубликовано в 1918 году. Новый толстовский текст пьесы "Пётр Хлебник", продиктованный 15 июля 1894 года дочери Марии Львовне для домашнего спектакля, тоже не печатался при жизни писателя и появился лишь в 1919 году. Тема о богатом человеке, раздавшем своё имение, ушедшем из дома и затем, по собственному его желанию, проданном в рабство, волновала Толстого и биографически, и творчески.

Находящийся в ГМТ текст – сделанный В.Г. Чертковым с автографа Беликова – представляет собой список с широкими пробелами между строками и обильной, буквально на каждой странице, правкой Толстого. Очевидно, что копия предназначалась для дальнейшей работы над го. Очевидно, что копия предназначалась для дальнеи прасоты над нею. О том, что практика такого рода существовала в "Посреднике", говорит, например, история пьесы Д.Д. Кишенского "Пить до дна – не видать добра" (см.: Донсков А.А. Л.Н. Толстой – редактор пьесы из народной жизни // Филологические науки. 1995. № 1).
Вышедшая в свет книжка с "Житием Петра..." учла всю правку Тол-

стого.

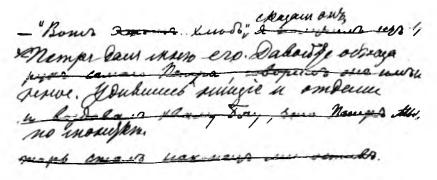
Любопытно, что, изменяя многое, Толстой почти совсем не сокращал текст: условие краткости, обязательное для "Посредника", уже было соблюдено автором П.П. Беликовым. Правку в целом можно охарактеризовать как стилистическую, но по ней-то, как и по работе Толстого над собственными сочинениями, только и можно постигнуть секреты подлинного мастерства.

Толстой повсюду зачеркнул лишние, стандартные слова. Стал усердно просить изменено на: стал просить; в крайней досаде – на: в досаде; с лютой досадою – на: с досадою; совершенно быть узнанным - на: быть узнанным; всячески старался - на: старался; которых впоследствии отпустил – на: всех отпустил и т.д. Вообще слог, стиль упрощался, освобождаясь от книжных оборотов. Вместо: В сие мгновение Толстой написал: И тут; вместо: многоценную одежду – дорогую одежду; вместо: всевозможные обиды – жестокие обиды; вместо: полученные за неё деньги употребил на покупку себе простой одежды,

остальное отложил на своё пропитание — стало: на эти деньги купил себе дешёвую одежду и остальное отложил на пищу; вместо: от печали не вкушал целый день пищи — не стал есть; вместо: скорбя и вздыхая — плача и вздыхая; вместо: Меня ты одел оною. Я хвалю добрую в тебе перемену: ты Меня, от зимы гибнущего, одел — стало: ты одел Меня ею, когда я погибал от холода. Я радуюсь на перемену в тебе; вместо: Пребывая в Зоиловом доме — Живя в доме Зоила; вместо: сего святого мужа — этого святого человека.

Во всяком художественном тексте Толстому важна верность, точность, наглядность жизненных, особенно психологических деталей. У Беликова, например, было: И согласились нищие и обещались дать ему за это несколько монет. Толстой уточнил: И согласились нищие дать ему за это каждый по одной мелкой монете. У Беликова мытарь, не найдя камня, бросил хлеб в нищего, и тот взял его; Толстой изменил: подхватил. Дальше у Беликова:

"- Вот этот хлеб я получил из рук самого Петра, - говорил он им и воздавал хвалу Богу, что Пётр мытарь стал наконец милостив".

Толстой между строк написал своё: "- Вот хлеб, - сказал он, - Пётр дал мне его. Давайте обещанное. Удивились нищие и отдали по монетке".

Заболевший Пётр видит сон: чёрные бесы и светлые ангелы кладут на чашки весов его злые и добрые дела. У Беликова: Бесы неистово хохотали и руками плескали, видя тяготу грехов; но вскоре были посрамлены: ангелы положили брошенный в лицо нищего хлеб на пустую чашку весов, и она перетянула другую чашку, наполненную грехами. Толстой нарисовал картину более наглядную и выразительную: Захохотали бесы и захлопали руками, и пошла чашка злых дел вниз. Но ещё не дошла чашка до земли, как один из ангелов положил на другую [чашку] сторону брошенный в лицо нищего хлеб. И вдруг перекачнулись весы, и один хлеб перетянул все злые дела. В самом конце, когда узнанный земляками Пётр незаметно скрывается, у Беликова ска-

зано: Все начали искать его, но не нашли. Так, безлично – все. Толстой изменил: И гости и хозяин стали искать Петра, но уже не нашли его.

Авторские описания Толстой заменял внутренними монологами, приближая читателя к переживаниям героя.

У Беликова было: Проснувшись, мытарь удивился и начал ублажать убогих. Толстой переделал: Проснувшись, Пётр долго сидел на постели, думая о том, что он видел. Хозяин, Зоил, стыдился иногда, видя трудолюбие и смирение нового своего раба; Толстой изменил: умилялся. Другие слуги ругали и били Петра; он же всё это терпел в молчании. Толстой сказал точнее: но Пётр никогда не гневался и не обижался и терпел всё в молчании. Продав господина своего Зоилу, слуга отправился в Константинград (раздать вырученные за Петра деньги); Толстой изменил: простился с господином своим и пошёл в Царьград.

На каждой странице рукописи — правка Толстого, улучшающая стиль, делающая его чистым литературно и подлинно народным. Всего несколько примеров. У Беликова: находился близ смерти. Будучи в этом состоянии; изменено: был при смерти. И в болезни своей. У Беликова: все злые дела, соделанные Петром в течение жизни своей; изменено: все злые дела Петровы, всё то, что он наделал в жизни своей. Дальше впал в крайнюю бедность переделано: остался нищим. Любопытно, что выражение Беликова: рабов своих освободил Толстой изменил так: тотчас же стал... рабов своих отпускать на волю.

Сделано также много перестановок слов, нередко – в пользу инверсий.

Остаётся сожалеть, что эта замечательная работа не вошла в специальную книгу 1965 года "Толстой-редактор" (хотя в ней И.А. Покровская в "Списке произведений, редактированных Л.Н. Толстым", сообщала о рукописи с правкой писателя и о её местонахождении), и надеяться, что в академическом издании Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого она будет опубликована полностью.

"Русские Гамлеты" в поэзии XX века

ЛЛ. БЕЛЬСКАЯ, доктор филологических наук

История "русского гамлетизма" насчитывает свыше полутора столетий, начиная с романтиков, видевших в шекспировском герое воплощение рефлексии, разъединение мысли и воли, разлад с жизнью и борьбу со злом (Левин Ю.Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988; Журавлёва А.И. "Гамлетовский элемент" в "Герое нашего времени" М.Ю. Лермонтова // Русская речь. 1994. № 4), и кончая современными поэтами, для которых Гамлет давно стал одним из "вечных спутников", "архетипом интеллектуального героя". Если в русской литературе XIX века гамлетовские типы появлялись преимущественно в прозе и драматургии (Грибоедов, Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Гаршин, Чехов), то в нашем столетии они "перекочевали" в поэзию (А. Блок, А. Ахматова, М. Цветаева, Б. Пастернак).

Вдохновляясь творениями Шекспира, поэты "серебряного века" перевоплощаются в его персонажей, самоотождествляя себя с ними: Ахматова – с Офелией («Читая "Гамлета"», 1909), Блок – с Гамлетом ("Я – Гамлет. Холодеет кровь...", 1914). Для обоих на первом плане в "Гамлете" – любовь: "Я люблю тебя, как сорок/Ласковых сестёр" и "И в сердце – первая любовь/Жива – к единственной на свете". И оба вносят в её описание автобиографические нотки: ахматовская героиня добивается взаимности ("Озарила тень улыбки/Милые черты", "Всякий вспыхнет взор..."), блоковский герой винит в разлуке с любимой не себя, а внешние обстоятельства ("Тебя, Офелию мою./ Увёл далёко жизни холод"). Кроме того, у Блока любовная драма отягощается восприятием "страшного мира", коварного, враждебного, несущего гибель от отравленного клинка.

Блоковское стихотворение звучит и как монолог Гамлета, и как признание лирического героя ("И гибну, принц, в родном краю/Клинком отравленным заколот"), но последний, выступая двойником датского принца, не повторяет его характера, хотя близок к нему по мироощущению и судьбе. Ахматовский же принц вначале ведёт себя, как шекспировский, и почти дословно цитирует его слова, правда, в сокра-

щённом виде: "Ну что ж, иди в монастырь/Или замуж за дурака...". Блок, сохранив жизнь Офелии, предрекает гибель Гамлета – и собственную. Ахматова вообще изображает гамлетовскую ситуацию как вечную, неумирающую: "Принцы только такое всегда говорят,/ Но я эту запомнила речь./Пусть струится она сто веков подряд/Горностаевой мантией с плеч" и одновременно примеривает на себя роль Офелии, но не упоминает её имени: «И как будто по ошибке/Я сказала: "Ты..."», зато переделывает на женский лад слова Гамлета о сорока тысячах братьев, превратив их в сестёр ("как сорок ласковых сестёр").

К этому поэтическому дуэту присоединяется и, как кажется, откликается на него Марина Цветаева в своём "Диалоге Гамлета с совестью" (1923). Также сосредоточившись на любовной драме, но объясняя её не жизненными невзгодами (как Блок), а неумением Гамлета по-настоящему любить, не братской, а мужской любовью: "Но я её любил,/Как сорок тысяч братьев/Любить не могут!" — "Меньше/Всё ж, чем один любовник". Не в пример предшественникам Цветаева не ставит себя на место шекспировских персонажей, но в карающем голосе совести ("Гамлет!/На дне она, где ил...") слышатся авторские интонации. Как и Ахматову, её интересуют только любовные переживания, но не Офелии, а Гамлета, и в его уста поэтесса вкладывает шекспировское сравнение, близкое своим гиперболизмом её темпераментной натуре и преобразованное, преуменьшенное сдержанной Анной Ахматовой: не сорок тысяч братьев, а сорок сестёр...

Если блоковское стихотворение строится на антитезах и оксюморонах (коварство и любовь, холодеет кровь и холод жизни, жива и гибну, родной край и отравленный клинок), то цветаевское – на повторах и градации: "На дне она, где ил/И водоросли..." – "На дне она, где ил:/Ил!" – "На дне она, где ил"), настойчиво утверждается, что Офелия погребена там, где утонула, чтобы ужаснуть Гамлета ("Но я её любил,/Как сорок тысяч братьев/Любить не могут!" – "Но я её любил,/Как сорок тысяч..." – "Но я её – любил??". Этой трагической экспрессией и обвинительным напряжением цветаевская интерпретация гамлетовской темы разнится от ахматовской и блоковской. У Ахматовой, заметим, оба героя живы и проходят испытание любовью, а блоковская Офелия его не выдерживает, но виноват в этом "холод жизни".

В отличие от шекспировского Гамлета, который подавляет в себе чувство любви и отрекается от неё из-за того, что в распавшемся мире и вывихнутом веке нет ни благородства, ни чести, ни верности, ни преданности, русские Гамлеты всеми силами души любят или стремятся полюбить и смотрят на любовь как на главное содержание жизни. Правда, у Цветаевой есть два стихотворения, написанные от лица Офелии и обращённые к Гамлету ("Офелия — Гамлету" и "Офелия — в за-

щиту королевы", 1923), в которых он, "девственник" и "женоненавистник", обвиняется в неспособности любить и понять, простить чужую страсть: "Принц Гамлет! Довольно царицыны недра/ Порочить... Не девственным — суд / Над страстью", "Не Вашего разума дело/Судить воспалённую кровь".

воспалённую кровь".

По-иному трактует образ шекспировского героя Борис Пастернак (стихотворение "Гамлет", 1946), однако преемство блоковского гамлетизма здесь несомненно. Как и Блок, Пастернак прибегает к лирическому "я" (я вышел, я ловлю, я люблю), но оно не просто раздваивается ("Я — Гамлет"), а множится: авторство стихотворения отдано Юрию Живаго; герой романа "Доктор Живаго" ощущает себя Гамлетом и произносит философский монолог о жизни и смерти, о смысле человеческого существования и одновременно чувствует свою общность с Иисусом Христом и перефразирует его слова из молитвы в Гефсиманском саду. "Если только можно, Авва Отче, Чашу эту мимо пронеси" (ср. в Евангелии от Марка, 14; 36: "Авва Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты"). Пастернаковский Гамлет, как и блоковский, сознаёт враждебность мира и предвидит близость и неотвратимость конца жизни, но у Пастернака отсутковскии Гамлет, как и блоковскии, сознает враждебность мира и предвидит близость и неотвратимость конца жизни, но у Пастернака отсутствуют темы любви и предательства, а на смену коварству приходит фарисейство, то есть лицемерие и ханжество ("всё тонет в фарисействе"). А в отличие от шекспировского героя пастернаковский не считает себя борцом с мировым злом и хотел бы избежать трагедийной развязки ("И на этот раз меня уволь"). Концепция Шекспира "мир – театр, люди – актёры" лежит в основе стихотворения Пастернака, которое

люди — актёры" лежит в основе стихотворения Пастернака, которое разыгрывается, как театральная пьеса: сцена с подмостками и дверным косяком, затихший гул зала, бинокли зрителей, актёр играет роль, "идёт другая драма", "продуман распорядок действий". Лирический сюжет движется от выхода на подмостки к встрече с миром, к осмыслению своего жизненного пути ("Что случится на моём веку"), беседе с Богом ("Я люблю твой замысел упрямый") и приятию жизни.

"Гамлет" Пастернака восходит ещё к одной литературной традиции — к лермонтовской и, в частности, к элегии Лермонтова "Выхожу один я на дорогу...", откуда и мотив одинокого пути ("Я вышел", "я один"), и общение человека с космосом ("На меня наставлен сумрак ночи..."), и элегический 5-стопный хорей. И подобно лермонтовскому лирическому герою пастернаковский испытывает одиночество не только среди людей (как у Шекспира), а и в космическом пространстве, но не жаждет ни избранничества, ни героизма, и этим он похож на самого Пастернака, который был противником "зрелищно-биографического самовыражения" и "романтической манеры" и предпочитал говорить об окружающем мире как бы от его имени, ибо вселенная и природа знают о человеке больше, чем он о них: "Я ловлю в далёком отголо-

ске /Что случится на моём веку", "На меня наставлен сумрак ночи/Тысячью биноклей на оси".

Итак, "я" в стихотворении Пастернака вбирает в себя и актёра, играющего Гамлета, и шекспировского героя, и Христа, и самого автора с его представлениями о единстве искусства и жизни, человека и природы.

Пастернаковский Гамлет с горечью убеждается, что его судьба предопределена, и он ничего не в силах изменить: "Но продуман распорядок действий,/И неотвратим конец пути". И единственное утешение – не забыться и заснуть, как у Лермонтова, а понять и поверить в вековую народную мудрость, сформулированную в русской пословице: "Жизнь прожить – не поле перейти". Таков ответ русского поэта на вопрос Гамлета "Быть или не быть?" – жить до конца, как бы ни было трудно, всё предвидя и принимая, ни от чего не отрекаясь. «Последняя строка позволяет "войти" в текст, стать его персонажем любому», так как тривиальная и неопровержимая истина касается всех и понятна каждому (Золян Сурен. "Вот я весь...". К анализу "Гамлета" Пастернака//Даугава. 1988. № 11. С. 102–103).

Если у Шекспира представлен человек Возрождения, который, исполняя волю отца, берёт на себя ответственность за судьбы мира и полагается при этом только на себя, то у Пастернака христианин, верующий в Божий промысел и пытающийся проникнуть в него, чтобы разгадать человеческое предназначение.

После Пастернака гамлетовская тема в русской поэзии приобретает всё более объектный характер, поэты перестают отождествлять себя с шекспировскими персонажами, обычно говоря о них в 3-м лице либо обращаясь на "ты" и осовременивая их. Так, Борис Слуцкий представляет "Гамлета этого поколения" (в одноимённом стихотворении) "воплощённой местью", исполняющим свои приговоры, стоя по колени в крови, — с явным отсветом сталинской эпохи.

Ни сомнений и ни угрызений, ни волнений и ни размышлений знать тот Гамлет не знал нипочём, прорубаясь к победе мечом.

По другую сторону баррикад, в "стане погибающих" оказывается Гамлет у Юрия Айхенвальда ("Гамлет в 1937 году", 1961) – в Соловках, с кайлом в руках и "королевским достоинством" в душе, умирающий на "призрачной койке". Его Дания сдалась без боя, и он получил в наследство звание короля – без земли.

Датским принцем Нельзя называться без Дании. Вот земля и лопата – Ваше "быть иль не быть". Датский принц, Что нелепей, смешнее, бездарнее, Чем о званье, признанье своём Не забыть!?

Другим видит шекспировского героя Давид Самойлов ("Оправдание Гамлета") – тоже решительным, но умным, ищущим и добивающимся справедливости.

Бей же, Гамлет! Бей без промашки! Не жалей загнивших кровей! <...> Не от злобы, не от угару, Не со страху, унявши дрожь, — Доверяй своему удару, Даже если

себя убьёшь!

Поэт противопоставляет Гамлета злодеям, стрелявшим в Пушкина и Лермонтова, "образцовым, шикарным" воинам-гвардейцам и – уж совсем неожиданно – браконьерам, не жалеющим о выпущенных пулях. Самойловский Гамлет потому медлит, что не хочет быть разрушителем, и миг его промедления удивителен, ибо это "миг молчания, страсти и опыта", когда он "глядит в перископ времён", постигает "законы сердец", познаёт причины и следствия. Так Гамлет в сущности перестаёт быть рефлектирующим героем и начинает походить на пророка, провидца.

В момент раздумья и промедления показывает Гамлета и Наум Коржавин ("Гамлет", 1966), но интерпретирует это иначе: "Время драться./Но бой невозможен". Почему? Первое объяснение в духе Шекспира: "Всё распалось — ни мести, ни чести", второе — бессилие героя, заточённого в стенах клетки, опутанного стальной сеткой, "где весь напоказ", и бессмысленность сопротивления. Перенося Гамлета в своё время — период брежневского застоя и наделяя собственным печальным опытом (тюрьма и ссылка), автор предостерегает его от решительных действий ("будь осторожен"), понимая непробиваемость режима ("Смысла нет. Пустота. Ничего") и всё-таки советует внимательнее всмотреться в происходящее: "Что-то длится, что сердцем он знает./Что-то будет потом"; "Только длится — неведомо что"; "Что-то длится... Что стоит всего". Потому-то Гамлет и стойт на месте, хотя пришло "время мстить" и "время драться", — надо уметь выжидать и надеяться на "что-то".

У Александра Кушнера ("Нет, не одно, а два лица", 1969) Гамлет размышляет не о времени, не о противоборстве с миром, а о своей общ-

ности с людьми, забывая о своей исключительности и сострадая чужим страданиям:

В Лаэрте Гамлет видит боль, Как в перевёрнутом бинокле. А если этот мальчик – моль, Зачем глаза его намокли? <...> И, оглянувшись, весь в слезах, Ты видишь: рядом кто-то плачет.

Чем же привлекает шекспировский Гамлет русских поэтов? Если в XIX веке его сближали с типом "лишнего человека", то в XX — уподобили русскому интеллигенту, который находится в разладе со своей эпохой, в противостоянии к властям, имеет мятущуюся душу и раненую совесть, сомневается в своём праве вершить суд над людьми. Однако у разных авторов Гамлеты настолько отличаются друг от друга и от оригинала, что можно говорить о многочисленных и многообразных вариациях и модификациях этого классического образа.

Если поэты 50-60 годов модернизировали шекспировского героя и использовали его образ в публицистических целях, то в последующие десятилетия происходит "возвращение" к Шекспиру, обнаруживая тем самым новые прочтения его трагедии. Так, по мнению В. Рецептера, "записавшего" монолог Тени отца Гамлета ("Перед спектаклем"), она призывает сына не к мести, а к жизни, к борьбе с "вечной низостью" и к стойкости во имя добра — даже если всё напрасно: "только выстоять, выстоять — наша судьба,/выход наш и опасная наша игра/ для напрасного слова во имя добра…".

Наиболее обстоятельное и оригинальное истолкование судьбы и характера Гамлета находим в стихотворении Владимира Высоцкого "Мой Гамлет" (1972), в котором автор опирается на свое исполнение роли шекспировского героя в спектакле московского Театра на Таганке. В отличие от Блока Высоцкий не провозглащает себя Гамлетом, а изображает "своего Гамлета" (как некогда Цветасва – "Моего Пушкина"), но не отстранённо, а перевоплощаясь в него, то есть "я" раздваивается: вначале поэт – "Я только малость объясню в стихе – /На всё я не имею полномочий...", потом сам Гамлет – "Я шёл спокойно прямо в короли/ И вёл себя наследным принцем крови". Поэт прослеживает эволюцию героя от азартных, злых и жестоких забав детства и бесчинств юности к душевному и духовному взрослению, к неразрешимым сомнениям и противоречиям: "Не нравился мне век, и люди в нём/Не нравились, – и я зарылся в книги. <...> Но толка нет от мыслей и наук,/Когда повсюду – им опроверженье".

Вспоминает Высоцкий гамлетовский вопрос "быть или не быть", определяя его как "вычурный", и пастернаковский зачин "Гул затих": "Зов предков слыша сквозь затихший гул,/ Пошёл на зов, — сомненья

крались с тылу,/Груз тяжких дум наверх меня тянул,/ А крылья плоти вниз влекли, в могилу". Поражает парадоксальность этих образов – груз дум поднимает ввысь, а крылья плоти опускают вниз. Парадоксальны и дальнейшие авторские размышления: месть Гамлета осмысливается как его падение, как насилие и пролитие крови, а не как борение с несправедливостью и победа над злом – "Я пролил кровь как все – и, как они,/ Я не сумел от мести отказаться", "Но я себя убийством уравнял/С тем, с кем я лёг в одну и ту же землю". А гамлетовская самооценка противостоит у Высоцкого мнению окружающих:

Я Гамлет, я насилье презирал, Я наплевал на датскую корону, – Но в их глазах – за трон я глотку рвал И убивал соперника по трону.

Концовка же стихотворения, тоже основанная на парадоксах и антиномиях, – это взгляд со стороны и философское обобщение:

Но гениальный всплеск похож на бред, В рожденье смерть проглядывает косо. А мы всё ставим каверзный ответ И не находим нужного вопроса.

Добавляя новые штрихи к портрету шекспировского персонажа, — Высоцкий создаёт действительно своего Гамлета, в котором просвечивают авторские черты (вплоть до "глотку рвал") и который вписывается в наше время: "главарь" "высокопоставленных детей" убеждён, что люди чем выше, тем "жёстче и суровей", ощутил отвращение к "дневному свинству", отказался от дележа "наград, добычи, славы, привилегий", но его прозрение граничит с житейской глупостью ("прозевал домашние интриги"), дилемма "быть — не быть" остаётся неразрешённой, и возвыситься над посредственностью не удаётся. "А мой подъём пред смертью — есть провал". Не оспаривал ли тем самым Высоцкий суждение Пастернака: "Но поражение от победы/ Ты сам не должен отличать"?

По-своему переписывает диалоги Гамлета с Офелией Виктор Соснора ("Гамлет и Офелия"), предоставляя влюблённым вновь объясниться между собой. Он жалуется ей на то, как неуютно жить на свете и предлагает уплыть "в ту страну, где благодать", а она отвечает: "Благо дать – и умереть. /Человек – боль и беда". Он называет её сестрой, она его – братом, и Гамлет рассказывает сказку о счастливых брате и сестре, которых "никто не карал". А заканчивается разговор переходом от сказки к были:

Ничего нет у меня – ни иллюзий и ни корон, ни кола и ни коня, лишь одна родина – кровь. Другой "скачок" — от сна к яви — совершается в стихотворении Юнны Мориц "Ты, Гамлет, спишь!.." (1979), построенном в форме обращения автора к герою — ты, тебя, тебе, твой. Вначале беседа ведётся с мальчиком о его сне ("Ты, мальчик, видишь сон"), в котором передана фабула шекспировской пьесы: "в отчем доме бродит призрак отчий", изменница-мать "нежит" убийцу, друзья шпионят — и герой погибает ("Твой гроб летит под парусом холщовым"). Но это сновидение не сбывается, а оборачивается "шествием змеящихся в мозгу подспудных жизней", то есть жизней, оставшихся под спудом, без применения, выдуманных. И пора от воображаемой действительности перейти к реальной, не героической, а обыденной: "Протри глаза! Тебе давно пора/Вернуться к будням, более суровым..." Окружающее тем более ужасно, что Гамлет уже состарился — "Ты стар, и рот твой шамкает и мямлит". Именно в яви, а не во сне предстоит ему встреча с любящей и ожидающей, но безумной Офелией:

Офелия дрожит на берегу И ждёт тебя, тростинкой притворяясь. И песни полоумные поёт, Так жутко, жалобно и грозно повторяясь!.. Тростинка подлая – она одна не врёт!

Вот с чем столкнулся оставшийся в живых Гамлет, — старость, сумасшествие преданной Офелии и её пророческие песни. И в том-то и "подлость", что это правда и подлинная жизнь. Итак, реализуя гипотезу: что стало бы с Гамлетом, останься он жив, — Юнна Мориц, с одной стороны, дегероизирует его, а с другой, предсказывает ему мрачное будущее, худшее, чем гибель в расцвете лет.

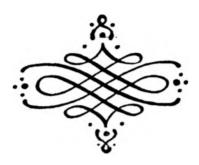
Так меняются лики русских Гамлетов – от романтического принца до шамкающего старца. И последней точкой сведения с пьедестала шекспировского героя можно счесть (на сегодняшний день) появление его подвыпившего двойника, читающего знаменитый монолог в московском метро (Эльмира Котляр. "Гамлет"):

Подвыпивший оратор в метро читает из "Гамлета": "Быть или не быть?". Добродушное кольцо вокруг героя. С противоположного конца станции приближается милиционер: "Гражданин, давайте не будем!"

(Антология русского верлибра. М., 1991. С. 266).

Пожалуй, близок к этому "оратору" Гамлет в восприятии современной Офелии у Андрея Вознесенского ("Песня Офелии", 1957): "Мой Гамлет приходит с угарным дыханьем, пропахший бензином, чужими духами...".

Каким будет следующий "русский" Гамлет?..

"Это был не я"

О стихотворении Д. Самойлова "Поэт и старожил"

Л.Г. ФРИЗМАН, доктор филологических наук

Стихотворение "Поэт и старожил" — одно из высших творческих свершений Давида Самойлова. Произведение это при всей кажущейся простоте на самом деле во многом загадочное, и вряд ли его "секреты" будут когда-нибудь раскрыты до конца.

Отметим прежде всего глубинную полемичность стихотворения. Это особенно подчёркивало его исходное заглавие — "Поэт и гражданин". Но как свидетельствует В.С. Баевский, "ему (Самойлову) не дали так его (стихотворение) напечатать — то ли редактор, то ли цензор. И он придумал старожила. Впоследствии он имел возможность восстановить заголовок, но уже не захотел, как это нередко бывает у поэтов".

И первоначальный замысел Самойлова, и негодование цензора (или: "нерешительность" редактора?) понятны. Поэт переводил в иной, сниженный план заглавие знаменитого стихотворения Н.А. Некрасова. В некрасовской формулировке гражданин – сознательный член общества, подчиняющий личные интересы общественным. Самойлов разрушил высокое значение этого слова уже в первом стихе: "Скажите, гражданин..." Риторический ореол мгновенно исчезал, и слово являлось в своей обыденной одежде.

Отказавшись от начального, конечно, гораздо более значимого заглавия стихотворения, Самойлов, однако, сберёг эпиграф, также насквозь полемический:

^{...} не для битв...

^{...} для молитв...

⁽Рифмы из стихотворения Пушкина)

Как\увидит читатель в дальнейшем, у Самойлова отношения Поэта с битвами и молитвами совсем не те, что у Пушкина. Не забудем, что и стихотворение "Поэт и толпа", и особенно его заключительная строфа, из которой взяты "рифмы" самойловского эпиграфа, вызвали горячие споры уже в середине прошлого века. Их цитировали поборники так называемого "чистого искусства", звучат они из уст Поэта и в стихотворении Некрасова, а Гражданин отвечает на них своими сентенциями: "Будь гражданин! служа искусству,/Для блага ближнего живи..." На них изливал желчь Писарев...

Стихи Самойлова тоже содержат возражение Пушкину, но совсем иного рода, с других позиций, с иными выводами. Понять "Поэта и старожила" можно, на наш взгляд, лишь в историко-литературном контексте, не только в связи со стихами "Поэт и толпа" и "Поэт и гражданин". В этом же ряду "Разговор с Анакреоном" Ломоносова, "Разговор книгопродавца с поэтом" Пушкина, "Поэт и друг" Веневитинова, "Журналист, читатель и писатель" Лермонтова, "Разговор с фининспектором о поэзии" Маяковского и др.

Настроившись на волну всех этих произведений, легко быть повергнутым в шок уже первыми строками стихотворения Самойлова:

теоП

Скажите, гражданин, как здесь пройти До бани?

Трудно представить, чтобы Поэты Пушкина, Некрасова, Маяковского обратились к Книгопродавцу, Гражданину или к Фининспектору с подобным вопросом. Во всех этих произведениях, при очевидных различиях между ними, Поэт — фигура абстрактная, персонифицирующая одну функцию: создание высоких творений; он выразитель определённого круга идей и понятий, но никак не конкретная личность, обладающая "низкими" пристрастиями и уж тем более физиологическими потребностями...

Книгопродавец говорит Поэту о готовности купить его поэму, обратить её "листочки" "в пук наличных ассигнований", он понимает, в чём состоит "завидный удел" его собеседника:

Поэт казнит, поот венчаст; Злодеев громом вечных стрел В потомстве дальном норажаст; Героев утешает он...

Гражданин в свою очередь внушает Поэту, что тот "избранник неба, глашатай истин вековых" и что его долг – "служить искусству", "свой гений подчиняя чувству всеобнимающей Любви".

А Старожил вообще не знает, с кем его свела судьба. Он сразу приступает к разработке привычной и излюбленной темы: как бы провес-

ти время в пивной. Он быстро приходит к заключению, что приевжий — "парень простой", у которого можно разжиться "двумя рублями", а там "её" пивком подкрасить, а ещё лучше — наведаться к сестре нового знакомого:

Она бы нам поставила закуски. И вместе погуляли бы по-русски.

Лишь узнав, что планы эти неосуществимы (у приезжего здесь "родни и вовсе нет"), спустя добрых три десятка строк Старожил осведомляется:

А сам ты кто?

Поэт

Поэт.

И тогда Старожил начинает вести себя примерно так же, как Книгопродавец и Толпа у Пушкина или Гражданин у Некрасова: он выражает готовность поруководить творчеством поэта, направить его в нужную сторону, указать на образцы:

> Могу и тему дать! А ты её возьмёшь на карандашик... Есенин был поэт! Моя старушка, Мол, в старомодном ветхом шушуне... Как сказано!.. А Пушкин? "Где же кружка?.."

На протяжении всего разговора собеседники почти не слышат друг друга. Старожил не принимает Поэта за своего: "Вот то-то вижу, будто не из наших!" Ему нужно одно: "пивная", "мага́зин", "погулять порусски" — все его идеи и предложения крутятся вокруг этого. Поэта перспектива выпить занимает мало. Погружённый в свои мысли, он явно стремится отделаться от назойливых расспросов, откликается на них почти автоматически. На реплику "У нас не скучно!" отвечает: "Да". Вряд ли потому, что успел найти в этом городе много развлечений. Скорее, от безразличия: ему говорят, что здесь не скучно, — он не возражает. Лишь при имени Лорки он как бы пробуждается, впервые услышав что-то для себя внятное:

Поэт

(очнувшись) Что? Федерико?..

Старожил, естественно, ничего не понявший, знающий только Лоркуофициантку, отзывается по-своему:

Ей цена-то грош! Конечно, все при ней: станочек, грудь... Эй, Лорочка, товарищу поэту И мне подай два раза винегрету! Уже, видимо, захмелев ("Хорошо сидим!"), он невзначай обращается к Поэту:

А ты бы рассказал про что-нибудь.

Тут-то и прозвучит самое главное. Самое главное для этого стихотворения и совсем несхожее с тем, что мы видели в произведениях предшественников Самойлова. Его герой не пускается в рассуждения о значении поэзии и долге поэта. Он не объясняет своему собеседнику вслед за Пушкиным, что поэт — тот,

...кто про себя таил Души высокие созданья И от людей, как от могил. Не ждал за чувство воздаянья!

Не провозглашает, подобно Веневитинову, что поэт -

...тот, кто с юношеских дней Был пламенным жрецом искусства, Кто жизни не щадил для чувства, Венец мученьями купил...

Не напоминает, как Маяковский, об "испепеляющем жжении" поэтических слов:

Эти слова

приводят в движение

тысячи лет

миллионов сердца.

Ничего подобного мы в стихотворении Самойлова не найдём. Вместо этого звучит рассказ о ничем не примечательном, можно сказать, будничном эпизоде войны, о том, как немецкие солдаты расстреляли пленного. Весь он состоит из коротких, как бы отрубленных друг от друга предложений. Таких коротких, что их вместилось 71 в 55 стихов: 6 предложений состоят из одного слова (не считая служебных), 19 – из двух, 22 – из трёх, 15 – из четырёх и лишь 9 – из пяти и более слов. Своеобразие синтаксиса повлияло и на особенности лексики: много глаголов, существительных и местоимений, а прилагательных, определений относительно мало. Это накладывает отпечаток на тональность рассказа. На первом плане бесстрастная информация, а эмоциональное, оценочное скрывается вглуби.

Кроме пленного и немецких солдат в сцене участвует безмолвный персонаж – месяц. Сначала он, ещё "бесплотный полумесяц", "легко висел на воздухе пустом". Потом "вверху плыл... налегке, но словно наливался". Затем стал "розов, как янтарь". И, наконец, "наверху налил-

ся и косо плыл по дыму, как ладья". Так же обыденно, как это е¢тественное преображение месяца на темнеющем вечернем небе, и всё, что происходит на земле.

Лишь несколько минут назад немцы относились к пленному беззлобно, ему даже дали сухарь. "Похоже, от них не надо было ждать беды". Но вот один из них что-то говорит другим. "Что – непонятно".

Выслушав рассказ Поэта, Старожил спрашивал: "Ты это видел?" Его интересует достоверность услышанного. Правду говорит собеседник или привирает? Если сам видел, значит правда. От него напрочь ускользнуло, что большую часть рассказанного Поэтом увидеть невозможно, даже находясь рядом и глядя во все глаза. Это рассказ о том, что переживал пленный, что он думал и чувствовал.

Нога не мучила. А только мёрэла. <...>
Хотелось инть. Нога была чужои. <...>
Есть не хотелось. Думал о своих. <...>
Он думал о себе, как о ноге:
Душа была чужой, но не болела.
Он сам не мёрз. В нём что-то леденело. <...>
Пленный без испуга
Соображал. И понял. Было туго
Вставать. <...>
Фото было жаль. <...>
И он подумал: это хорошо! <...>
Он сразу нонял. <...>

Всего этого нельзя увидеть. Можно только пережить. Тот, кто это пережил, уже ничего не расскажет. Но тот, кто не пережил, рассказать тоже не сможет, во всяком случае так, как это сделал Самойлов. Поэт отвечает Старожилу: "Это был не я". Он мог сказать и другое: "Это был я". Как сказал Александр Твардовский в стихотворении "Я убит подо Ржевом"...

И это вдруг его приободрило. <...>

Додумать не успел.

Трудно поверить, что Владимир Высоцкий не видел того, о чём пел в своих военных песнях ("Штрафные батальоны", "Сыновья уходят в бой", "Он не вернулся из боя", "Чёрные бушлаты", "Мы вращаем Землю"). Но поэтическое видение оказывается глубже бытового, которым ограничен Старожил.

Что же значат эти важнейшие, завершающие стихотворение слова? Это был не я, то есть не я был тем, кто упал под немецкими пулями? Или я не был тем, кто это видел? Поэт не даёт однозначного ответа на эти вопросы. Это ускользание смысла. конечно, входило в творческий замысел.

И еще: "Как Моисеев куст, пылал костёл". С этой строкой в стихотворение входит Бог. Бог, которого, однако, никто не видит, которому никто не молится. Вот тебе и "...не для битв... для молитв..."! Битва упоминается многократно: "Бой утихал вдали", "За лесом выцветали шумы боя", "Какая неудачная атака!". А молитв нет. Моисеев куст — это, конечно, Неопалимая Купина. Костёл, стало быть, должен бы гореть, не сгорая. Но он сгорает. "Ещё дымился костёл". А прежде-то "пылал". Значит, пылал не как Моисеев куст. И это противоречие значительно, и это ускользание смысла таит в себе глубокий смысл.

В разговорах Поэтов с Книгопродавцем, с Другом, с Гражданином, с Фининспектором ни с какой лупой не найдёшь ни малейшей затуманенности или двусмысленности. Недаром эти стихотворения Пушкина, Веневитинова, Некрасова, Маяковского принято называть творческими декларациями. В них присутствует ораторский пафос. В них вложена сила убеждения. И уж, конечно, в них всё ясно до конца. Иначе и быть не может. А у Самойлова и может, и есть. Он и этим зримо полемизирует со своими предшественниками.

"Поэт и старожил", конечно, продолжает классический ряд стихотворений подобного типа. Но написапное как бы вослед, оно вослед не идёт. Оно занимает в этом ряду своё, уникальное место.

Харьков

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

"Читатель Вяч. Иванова должен отнестись к его стихам с вдумчивой серьёзностью, высматривать, угадывать их затаённую звучность, должен допрашивать его творчество, должен буравить эти рудые, часто неприветливые, иногда причудливые скалы, зная. что оттуда брызнут серебряные ключи чистой поэзии". Так в самом начале нашего столетия знакомил русскую публику с новым для неё поэтом Валерий Брюсов. "В Вячеславе Иванове, - писал он, - мыслитель и искатель всё же преобладает над непосредственным творцом. Непосредственного стихийного в его стихах меньше, чем у многих других, второстепенных поэтов, и это нередко придаёт его стихам некоторую тяжесть. (...)Наконец, постоянная величавость тона, его упорная приподнятость не раз переходит в излишнюю и неприятную, напыщенность. (...)Ему равно близки все времена и страны, он собирает свой мёд со всех цветов. Он владеет сонетом с изысканностью итальянских мастеров, его создателей; он строг и силён в терцинах, свободен и классически ясен в гекзаметрах и элегических дистихах; он усваивает русской поэзии строфы алкеевские и сапфические, придавая удивительную лёгкость этим чуждым размерам, сродняя их с русским стихом; он то приближается к стройности пушкинских напевов, то возобновляет хмельные звуки Языкова, то по-новому пользуется складом наших народных песен..." (Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. б. С. 301, 295).

Язык Вяч. Иванова Брюсов тогда же назвал "жреческой ризой" его поэзии. Этот язык нередко чрезмерно отягощён филологической учёностью; поэту присуща пышная, красочная и по-своему оригинальная архаическая лексика, сложные инверсии, тяжёлая медлительность и "густота" стиха, в котором, по замечанию современного исследователя, как бы воплощена идея "вечного" русского языка "от Иллариона и Епифания Премудрого до словаря Даля". Действительно, из поэтов

двадцатого столетия только у Вяч. Иванова встречаешь столь обильно рассыпанные: вир, хрящ, рало, вено, иворий, клада, ристать, чарый, исхитить, мусикийский, лиет, скимен, стремный, сельный, круглосенный. Литературные зоилы и пародисты на первых порах даже называли Вяч. Иванова новым Тредьяковским. О напевности стиха поэт вроде бы и не заботится, его строка часто состоит из коротких, жёстко сомкнутых слов. Однако этой жесткостью и твердостью Вяч. Иванов порой великолепно передаёт и материал, и характер взятого предмета. Недаром критики иногда сближали его поэзию с искусством камнереза, камнесечца.

Облик России в стихах Вяч. Иванова на первых порах появлялся не столь уж часто, обычно он рисовал картины античности, итальянский пейзаж, горы и моря южной Европы. Его творчество этого периода было определено как "скитания славянина по чужим странам и далёким векам".

Принадлежа ко второй волне символистов ("младосимволисты"), Вяч. Иванов выступил – наряду с Андреем Белым – ведущим теоретиком символизма и был одной из центральных фигур в дискуссиях и спорах символистов на рубеже десятых годов двадцатого столетия, когда символизм уже клонился к упадку и переживал кризис.

"Истинный символизм не отрывается от земли... Он не подменяет вещей и, говоря о море, разумеет земное море", – писал Вяч. Иванов. Поэт даже применял термин – "реалистический символизм", хотя и не указывал на ощутимые его примеры. При этом Вяч. Иванов настаивал на первостепенном значении восприятия, отклика на духовные прозрения поэта со стороны его аудитории, без чего миссия поэта была бы бессмысленна. Эта идея прекрасно выражена в его стихотворении "Альпийский рог". Три книги статей Вяч. Иванова ("По звёздам", "Борозды и межи", "Родное и вселенское"), в которых излагались его взгляды на искусство и литературу, ныне стали библиографической редкостью и почти недоступны читателю. Во вторую из них входят ценные этюды о Ф.М. Достоевском, несомненно повлиявшие на позднейших исследователей творчества великого писателя.

Вячеслав Иванович Иванов (1866—1949) провёл своё детство и юность в Москве, где он родился в семье землемера, затем мелкого чиновника, скончавшегося, когда будущему поэту было четыре года. Мальчик остался на попечении матери, глубоко религиозной и оказавшей на сына большое влияние. Окончив гимназию с золотой медалью (особенно увлекаясь древними языками и античностью), юноша поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Начиная с гимназических лет, по скудости средств в семье, ему приходилось постоянно давать уроки, почти не оставляяя себе свободного времени. В университете Вяч. Иванов пережил полосу жгучего интере-

са к революционерам и революции, а также кризис веры в Бога. Он даже совершил попытку к самоубийству. Перейдя уже на третий курс, Вяч. Иванов оборвал учение и уехал в Берлин, где занимался в семинаре знаменитого историка Теодора Моммзена. Через несколько лет подготовил при Берлинском университете диссертацию о государственных откупах в древнем Риме, написанную на латинском языке. В эти годы он много ездил по Западной Европе, жил в Риме, Париже, Афинах, в Швейцарии, в Англии, побывал в Палестине и в Египте. Штудировал литературное наследие русских славянофилов, религиозно-философские труды Владимира Соловьёва, с которым встречался в один из наездов в Россию, был увлечён работами Ф. Ницше. Собирал материалы о культуре Диониса в античности (пожизненная тема научных изысканий Вяч. Иванова), в 1903 году читал лекцию о Дионисе в Высшей школе общественных наук для русских в Париже, где познакомился с Валерием Брюсовым. Стихи писал только "для себя", между делом, хотя в 1898 году напечатал несколько стихотворений в русских журналах.

В 1905 году Вяч. Иванов возвратился в Россию и осенью того же года поселился в Петербурге. Его квартира в верхнем этаже огромного дома ("башня" Вяч. Иванова) на углу Таврической и Тверской улиц стала одним из центров литературной и интеллектуальной жизни северной столицы. На "средах" у Вяч. Иванова бывало множество поэтов, именитых и начинающих, приходили выдающиеся философы, актёры, музыканты, художники. Широко развёртывается литературная деятельность Вяч. Иванова – поэта, переводчика, драматурга, философа, критика. Он быстро обрёл признание как виднейший теоретик символизма. С ним дружат (временами расходясь и охладевая) Блок и Брюсов, Кузмин и Волошин, Ремизов и Городецкий, Гумилёв и Хлебников, В "башне" на "средах" он – тонкий, красноречивый собеседник, чарующий эрудит, вкрадчивый ловец человеческих душ. Трепетные почитатели называют его Вячеславом Великолепным. В их глазах он – мистагог, руководитель дионисийских таинств, иерофант — верховный жрец посвящённых. При всём этом Вяч. Иванов мог пригласить к себе в неурочное время начинающего литератора и часами терпеливо и досконально разбирать его только что напечатанную работу, как это было с прозаиком Борисом Зайцевым или поэтом Модестом Гофманом.

Первый поэтический сборник Вяч. Иванова "Кормчие звезды" вы

Первый поэтический сборник Вяч. Иванова "Кормчие звезды" вышел в России в 1902 году. Затем последовали книга лирики "Прозрачность" (1904), два тома сборника "Cor ardens" ("Пламенеющее сердце", 1911; 1912), "Нежная тайна" (1912), автобиографическая поэма "Младенчество" (1918). Редко откликавшийся на злобу дня, Вяч. Иванов, однако, выступил в революционном 1905 году с весомыми стихотворениями, клеймящими царизм, – "Цусима", "Палачам", "Люцина". Октябрь-

ский переворот 1917 года он принял вполне покорно, участвовал в просветительской работе, вёл занятия в секциях Пролеткульта, служил в театральном отделе Наркомпроса, с осени 1920 года, перебравшись на юг, был профессором на кафедре классической филологии в Бакинском университете. Однако, внутренне чуждый революции, в августе 1924 года по научной командировке с семьей уехал в Рим и навсегда остался в Италии. Через два года он принял там католичество. "Чтобы стать до конца православным", "чтобы дышать обоими лёгкими христианства" – так объяснял он этот свой шаг.

Долгое время, до 1936 года, Вяч. Иванов сохранял советское гражданство и советский паспорт, что серьёзно мешало его академической карьере; держался в стороне от политической эмигрантской кухни. Преподавал в колледже в городе Павии, потом в ватиканских учебных заведениях. Стихов писал немного. К 1936 году относятся его "Римские сонеты" (как бы дополняя замечательные "Зимние сонеты", написанные ещё в России, в 1919 году), затем "Римский дневник 1944 года", просторечивый, далёкий от какой-либо выспренности, проникнутый старческим смирением. Поэт пережил военное лихолетие, оккупацию вечного города немецкими войсками. Он готовит свод своих избранных стихотворений "Свет вечерний" для посмертного издания, вышедшего в Оксфорде в 1962 году. С фанатическим упорством пишет стихами и прозой начатую ещё в России "Повесть о Светломире Царевиче".

Скончался Вяч. Иванов жарким июнем 1949 года, девяноста трёх лет. В России он был почти забыт. Печатались, за редчайшими исклю-

Скончался Вяч. Иванов жарким июнем 1949 года, девяноста трёх лет. В России он был почти забыт. Печатались, за редчайшими исключениями, лишь его переводы, иногда без указания имени переводчика. Тем не менее, среди старшего поколения литераторов были люди, несшие живую память о Вяч. Иванове. В пятидесятых—шестидесятых годах автору этих строк во время уличной прогулки с воодушевлением читал наизусть сонеты Вяч. Иванова, начиная с "Собора святого Марка", поэт-переводчик Владимир Державин. Собирал и переписывал в тетрадки стихи Вяч. Иванова литературовед и переводчик Игорь Поступальский. Первым отдельным изданием стихотворений в послесталинское время явилась книжка в малой серии Библиотеки поэта, подготовленная С.С. Аверинцевым (1976). За рубежом, в Брюсселе, издано четырёхтомное собрание сочинений поэта (1971—1987). Не исключено, что время ещё востребует стихи Вяч. Иванова, и он не останется у нас только "поэтом для поэтов". А без его превосходных, по-своему уникальных переводов из поэзии Петрарки, древнегреческих лириков и трагиков в нашем литературно-издательском деле и по сию пору обойтись невозможно.

Н.В. Банников

Альпийский рог

Средь гор глухих я встретил пастуха, Трубившего в альпийский длинный рог. Приятно песнь его лилась, но, зычный, Был лишь орудьем рог, дабы в горах Пленительное эхо пробуждать. И всякий раз, когда пережидал Его пастух, извлекши мало звуков, Оно носилось меж теснин таким Неизреченно-сладостным созвучьем, Что мнилося: незримый духов хор, На неземных орудьях, переводит Наречием небес язык земли.

И думал я: "О гений! как сей рог, Петь песнь земли ты должен, чтоб в сердцах Будить иную песнь. Блажен, кто слышит". И из-за гор звучал отзывный глас: "Природа – символ, как сей рог. Она Звучит для отзвука; и отзвук – Бог. Блажен, кто слышит песнь и слышит отзвук". 1902

Возврат

С престола ледяных громад, Родных высот изгнанник вольный, Спрядает светлый водопад В теснинный мрак и плен юдольный.

А облако, назад – горе Путеводимое любовью, Как агнец, жертвенною кровью На снежном рдеет алтаре. 1902

Любовь

Мы – два грозой зажжённые ствола, Два пламени полуночного бора; Мы – два в ночи летящих метеора, Одной судьбы двужалая стрела!

Мы – два коня, чьи держит удила Одна рука, – одна язвит их шпора; Два ока мы единственного взора, Мечты одной два трепетных крыла.

Мы – двух теней скорбящая чета Над мрамором божественного гроба, Где древняя почиет Красота.

Единых тайн двугласные уста, Себе самим мы – Сфинкс единый оба. Мы – две руки единого креста. 1901

Осенью

Ал.Н. Чеботаревской

Рощи холмов, багрецом испещрённые, Синие, хмурые горы вдали... В жёлтой глуши на шипы изощрённые Дикие вьются хмели.

Луч кочевой серебром загорается... Словно в гробу, остывая, Земля Пышною скорбью солнц убирается... Стройно дрожат тополя.

Ветра порывы... Безмолвия звонкие... Катится белым забвеньем река... Ты повилики закинула тонкие В чуткие сны тростника.

1903

Озимь

Как осенью ненастной тлеет Святая озимь, – тайно дух Над чёрною могилой реет, И только душ легчайших слух Незадрожавший трепет ловит Меж косных глыб, – так Русь моя Немотной смерти прекословит Глухим зачатьем бытия...
1904

Осень

Что лист упавший – дар червонный; Что взгляд окрест – багряный стих... А над парчою похоронной Так облик смерти ясно-тих.

Так в золотой пыли заката Отрадно изнывает даль; И гор согласных так крылата Голуботусклая печаль.

И месяц белый расцветает На тверди призрачной – так чист!.. И, как молитва, отлетает, С немых дерев горящий лист... 1905

Загорье

Здесь тихая душа затаена в дубравах И зыблет колыбель растительного сна; Льнёт лаской золота к волне зелёной льна И ленью смольною в медвяных льётся травах.

И в грустную лазурь глядит, осветлена, – И медлит день тонуть в сияющих расплавах, И медлит ворожить на дремлющих купавах Над отуманенной зеркальностью луна.

Здесь дышится легко, и чается спокойно, И ясно грезится; и все, что в быстрине Мятущейся мечты нестрого и нестройно,

Трезвится, умирясь в душевной глубине, И, как молчальник-лес под лиственною схимой, Безмолвствует с душой земли моей родимой. Июнь 1907

Нищ и светел

Млея в сумеречной лени, бледный день Миру томный свет оставил, отнял тень.

И зачем-то загорались огоньки; И текли куда-то искорки реки.

И текли навстречу люди мне, текли... Я вблизи тебя искал, ловил вдали.

Вспоминал: ты в околдованном саду... Но твой облик был со мной, в моём бреду.

Но твой голос мне звенел, – манил, звеня... Люди встречные глядели на меня.

И не знал я: потерял иль раздарил? Словно клад свой в мире светлом растворил, –

Растворил свою жемчужину любви... На меня посмейтесь, дальние мои! Нищ и светел, прохожу я и пою, – Отдаю вам светлость щедрую мою. Осень 1906

Собор Святого Марка

Царьградских солнц замкнув в себе лучи, Ты на порфирах тёмных и агатах Стоишь, согбен, как патриарх в богатых И тяжких ризах кованой парчи,

В деснице три и в левой две свечи Подъемлющий во свещниках рогатых, — Меж тем как на галерах и фрегатах Сокровищниц початки и ключи.

В дарохранительный ковчежец Божий Вселенная несёт, служа жезлам Фригийскою скуфьей венчанных дожей,

По изумрудным Адрии валам; И роза Византии червленеет, Где с книгой лев крылатый каменеет. 1911

писсоП

Весенние ветви души, Побеги от древнего древа, О чём зашептались в тиши? Не снова ль извечная Ева, Нагая, встаёт из ребра Дремотного первенца мира, Невинное чадо эфира, Моя золотая сестра?

Выходит и плещет в ладони, Дивясь многозвёздной красе, Впивая вселенских гармоний Все звуки, отзвучия все; Лепечет, резвясь, Гесперидам: "Кидайте мне мяч золотой". И кличет морским нереидам: "Плещитесь лазурью со мной". Февраль 1915

Каменный дуб

Из "Римского дневника 1944 года"

Когда б не развязались чресла, Колено не изнемогло,

Отдохновительные кресла Я променял бы на седло.

Когда бы взбалмошную старость Хранительный не прятал кров, Мой вольный бег делил бы ярость Голубоглазую ветров.

Теперь же мне одно осталось: Невидимым, как дух иль тать, Скитаньем обманув усталость, С вожатой-Музою – мечтать. 15 апреля

* * *

Вечный город! Снова танки, Хоть и дружеские ныне, У дверей твоей святыни, И на стогнах древних янки

Пьянствуют, и полнит рынки Клект гортанный мусульмана, И шотландские волынки Под столпом дудят Траяна. Волей неба сокровенной Так, на клич мирской тревоги, Все ведут в тебя дороги, Средоточие вселенной! 28 июня

* * *

Я зябок, хил: переживу ль Возврат недальний зимней злости? Согрей на долгий срок, июль, Мои хладеющие кости.

Сбери мне топлива запас Под клетью продувной лачуги, Чтоб музам отдал я досуги, Когда небесный Волопас Закрутит северные вьюги. 3 июля

* * *

Лютый век! Убийством Каин Осквернил и катакомбы. Плуг ведя, дрожит хозяин – Не задеть бы ралом бомбы.

Век железный! Колесницы Взборонили сад и нивы. Поклевали злые птицы Города. Лежат оливы.

Оскудели дар елея И вино, людей отрада. Было время: веселее Сбор справляли винограда. 20 сентября

О неизданном дневнике князя В.Ф. Одоевского

Два года назад в журнале "Русская речь" (1994. № 5) был опубликован небольшой фрагмент некогда так и оставшегося в рукописи романа Владимира Федоровича Одоевского "Самарянин". Напомним: текст под заголовком "Школьный учитель" сохранился в записной книжке видного прозаика и мыслителя, а сам блокнот обрел покой в одном из московских архивов. В том же архивном фонде есть, однако, и другие записные книжки автора "Русских ночей" — но и они, кажется, не становились объектом пристального внимания историков и филологов. И напрасно: некоторые страницы книжек весьма любопытны. Например, те, которые можно назвать дневником или путевыми заметками князя. Согласитесь — ведь неизданный дорожный дневник самого В.Ф. Одоевского, друга Пушкина, Жуковского и Гоголя, — вещь нешуточная. Посему об этих-то заметках, возникших в 1857 и 1858 годах, стоит поведать ныне читателю. И будет предстоящий рассказ по неизбежности лишь поверхностным обзором.

В указанные сроки князь предпринял два продолжительных заграничных путешествия. Посетил Страсбург, Эмс, Веймар, Берлин, Дрезден, Ниццу и иные города и веси Европы. Судя по всему, русский паломник не расставался ни на миг с записной книжкой, держал её в кармане платья и чуть ли не на ходу заносил в неё различнейшие сведения. По крайней мере, на части заметок лежит несомненная печать сиюминутности. Пять книжек заполнил В.Ф. Одоевский, и чаще всего действовал торопливым и притупившимся карандашом. Правда, порою на смену карандашу приходило перо, почерк тотчас же становился опрятнее, а сама заметка пространнее — очевидно, дневник распахивался в гостинице. А потом, спустя страницу — снова карандаш, и выясняется, что он царапает бумагу в купе железнодорожного вагона или на почтовой станции: меняют подставу лошадей, и князь выкроил очередную минуту для дневника. Приходит с докладом к проезжающему услужливый или безразличный смотритель — а запись уже готова: несколько строк, слова беспощадно сокращены, другие может прочесть только сам автор. И путешествие продолжается...
Разумеется, писал В.Ф. Одоевский не обо всём увиденном, но с раз-

Разумеется, писал В.Ф. Одоевский не обо всём увиденном, но с разбором. Есть в его путевом дневнике заметки сугубо описательные; так, он оставил краткие повествования о легендарных часах Страсбургской колокольни и статуе Иоганна Гутенберга в Майнце, поведал о богатой коллекции гравюр в Дрезденской галерее и о деталях лютеранского богослужения в Эмсе. Скрупулёзно отмечались в дневнике и встречи со знаменитыми европейцами: Ф. Листом, Ж. Оффенбахом, принцем Орлеанским, семейством Бисмарков... Парадоксально, что и вдали от родных очагов князь сталкивался со своими соотечественниками едва ли не чаще, нежели с французами, немцами и прочими "туземцами". Во всяком случае, при знакомстве с блокнотами возникает именно такое ощущение — сплошь и рядом попадаются беглые записи о беседах с великой княгиней Еленой Павловной, композитором и дирижёром А.Г. Рубинштейном, актером А.Е. Мартыновым, поэтом Я.П. Полонским, крупным государственным деятелем А.В. Головниным и другими "историческими лицами", а то и с безвестными русскими обывателями, открывающими для души Европу, а для тела — ее целительные воды. Справедливости ради тут же отметим, что В.Ф. Одоевский замечал и обывателя европейского, пристально изучал его быт и нравы и высказывался, как водится, лапидарно: "Должно заметить для русских, что магазинщик Ітмегтал и портной Franz Kant — суть ужасные канальи и берут с нас втридорога". Но подобных ремарок в дневнике немного. Все-таки были в тех землях и другие Канты, да и князю, по-видимому, было в ту пору не до шуток.

В трудный, критический час оставлял он родину и в столь же трудный и критический – возвращался... Недавно скончался император Николай I, и по традиции августейшая смерть породила вереницу слухов и домыслов. Бесславно завершилась Крымская кампания, поставившая Россию в унизительное положение на международной арене. Мощная бюрократическая машина империи все чаще давала сбои, отовсюду поступали донесения о неслыханном разложении чиновничества. Глухо роптали окраины, что-то зрело в кичливой Польше. Тогда-то и взошел на престол Александр II, и люди терялись в догадках: выдюжит ли? сумеет ли задержать страну "над бездной" и повернуть её вспять? Тревога и смутная надежда – вот, пожалуй, доминанта русского бытия в начале нового царствования. Тревога и боль – основное содержание путевых заметок В.Ф. Одоевского. Именно боль за поруганное отечество – первопричина его резкой, порою даже чрезмерной, критики всего и вся. Тон записей князя о России уныл, суждения суровы и горьки, приговоры похожи на окончательные. И это – друг Пушкина, автора "Бородинской годовщины"?...

Да, именно так. В.Ф. Одоевский никоим образом не уронил звания русского писателя. Боль и страдания – это очищение, это "чувство доброе" и созидающее. В каждой строке дневника князя – только эта боль. И надлежит уважать ес, и – что крайне важно – отличать от ненависти. Той самой разночинной разрушительной ненависти, что выходила тогда на большую дорогу и все громче подавала голос – и су-

против "родного пепелища", и супротив "отеческих гробов". Да и всяческих любомудров наподобие князя В.Ф. Одоевского с его никчемной дневниковой болью новые литераторы не жаловали. Впрочем, князь платил им той же монетой, о чем свидетельствует и его дорожный дневник.

Наверное, когда-нибудь путевые заметки В.Ф. Одоевского за 1857 и 1858 годы удастся издать полностью, "академически" – день за днем, с включением хозяйственных и родственных им записей, с солидными комментариями. Дневник путешественника вполне заслуживает таких почестей. Но и публикация отдельных фрагментов ценного памятника культуры представляется корректной. Тем более, если среди множества записей можно сравнительно безболезненно вычленить особый корпус отличающихся жанровым своеобразием. А таковой корпус в дорожном дневнике князя как раз есть, и значимость его преувеличить трудно.

Речь идет о группе заметок, составленных В.Ф. Одоевским в излюбленной им манере. Это небольшие фрагменты характера, как правило, философического; поводом для появления на свет любого из них служит либо мелькнувшая мысль, либо эпизод жизни: встреча, беседа, открывшаяся взору картина... Такой прием князь с успехом применил, в частности, в "Психологических заметках" и "Гномах XIX столетия". Гномы 1857 и 1858 годов не всегда отделаны окончательно, но и в таком виде могут рассматриваться как самобытное литературное произведение. Добавим, что отголоски этих гномов слышны в некоторых позднейших трудах мыслителя.

А труды эти, увы, завершались. Князь В.Ф. Одоевский и по возрасту, и по взглядам принадлежал к прошлой, пушкинской эпохе. Там он был – свой. Здесь же – лишь постоялец. И его дневник — яркий образчик исповеди задержавшегося человека, на которого искоса, с досадой и нетерпением, поглядывают новые бесцеремонные хозяева.

Но человек все пишет и пишет – чаще всего торопливым и притупившимся карандашом...

Михаил Филин

^{*} Вот как определял современник суть жанра: "Первоначальная истина, непосредственно к некоторым случаям примененная, излагалась древними мудрецами в отдельных гномах, или мыслях" (Давыдов И.И. Вступительная лекция о возможности философии как науки. М., 1826. С. 33).

Из записной книжки 1857 года

Бедовое дело: желать подправить большое эло — маленьким...

Мимо ходящие идеи.

Понедельник, 18 февраля / 2 марта. В Париже я прожил всего 3 дня, из них один поневоле, ибо в воскрессные префектура закрыта, и прежде понедельника не могли визировать моего паспорта. Из того, что я мог здесь поизучать, замечаю, что здесь больше лжи в жизни, нежели в Петерб(урге), только ложь искуснее и, след(овательно), преступнее.

Понед (ельник), 4/16 марта. Знание ценится приложением; приложение универсальностью. Иначе будет пустопорожняя учёность Иосифа Местра¹.

Ницца. Воскресенье. 10/22 марта. Сегодня 2 месяца, как я выехал из России. Многое просветлело в моём разумении, но многое провижу ещё темно. Надобно поизучать Париж.

Понедельник, 25 марта / 6 апреля. Поговаривают ограничить владения Папы — одним Римом. Я предвещаю следующее: в случае революции во Франции необходимо загорится вся Италия, и, во-первых, Рим; Папа должен будет уехать; куда ему деваться? Нет места ни во Франции, ни в Пьемонте; он спасется в Вене, и там будет центр римского католицизма — и русского раскола.

Самое бедовое дело: предусмотрительность без отваги и отвага без предусмотрительности. Но есть нечто хуже; это: сопряжение непредусмотрительной отваги с неотважного предусмотрительностию.

Разница между нами и Европой: там по узким улицам возят огромнейшие возы, мы — боимся с маленькими возами ездить по огромнейшим дорогам.

25 августа / 6 сентября, воскресенье. Веймар. Иногда ошибка больше показывает ученость, нежели не-ошибка. Иной, не задумываясь, пишет: "скептики"; другой напишет раз: "скептики", в другой — "сцептики". Эта ошибка знаменательнее не-ошибки. Другое дело — какойто (человек) махнет: "септики".

На месте правительства я бы учредил журнал: "Анти-Герцен"3.

3/15 сентября, вторник. Кёнигсберг. В явлении железных дорог есть для людей сознательная сторона — приехать скорее. Есть и бессознательная; то есть инстинкт единения (взаимного ограничения), а — может быть — и приуготовление к такому сопряжению людей и обстоятельств, коих предугадать нельзя. Так паука вызывает инстинкт ткать паутину пред хорошею погодою. Предположение, что в хорошую погоду больше налетит мух, было бы уже умозаключением, коего нельзя предполагать в пауке.

В Пруссии (нрэб) вы предупреждены обо всем надписями — на станции, внутри вагонов... Стоит взять глаза в зубы и прочесть. Многие из наших недовольны этим; одним хотелось бы с кем-нибудь покалякать, как на Пошехонской дороге, порасспросить. Калякать и отвечать на вопросы здесь никому некогда: у всякого время считанное — читайте! Другие говорят: "Да я не знаю по-немецки". — Так зачем же вы едете в Германию, на кую пользу? В ней ничего не поймете без языка, да и с языком не все раскусите. Многое кажется и смешно, и глупо — а на деле очень умно.

В "Школьном учителе" — вывести сцену кузнецов, которые с испокон века жили под горою для починки экипажей и которых промысел прекращается от устройства жел(езной) дороги. Их грусть о прошедшем времени; жалуются, что их разорили.

Жел(езная) дорога образует даже баранов: от экипажей они бегают, от поезда — никогда.

Судьба спасает лишь четвероногих ослов, но не двуногих.

Предмет для стихотворца: отчаяние бедуина, хотевшего обскакать паровоз.

Есть у нас города, в которых замечается лишь скотское бесчувствие. Вы подумали: бедность? — ничего не бывало! На зажиточном доме оборвалась ставня — так и висит; ворота, крыльцо покосило — так и стоят...

Из записной книжки 1858 года

23 мая. Выехали из Петербурга в 12 1/2 пополуд(ни).

- В Ящере собака ласкалась к мальчику.
- Хорошенькая собака как зовут?
- Бурка, только безглазая.
- Отчего?
- Кузнецы разожгли тигло, да накололи глаз.
- За что?
- Так, баловали, пьяные были.
- О, всемогущее вино, веселие Героя!5
- 26 мая / 7 июня.
- Есть ли у вас погреб? спросил я на станции.
- Есть.
- A есть лед?
- --- Нет.
- --- Отчего?
- Дом от Путей Сообщения.
- Так что же?
- Не позволяют класть льда в погреб потому что от того дом портится.
- О, великий, остроумный Клейнмихель! Узнаю тебя. Простому смертному такая тонкость не вошла бы в голову.

Вообще на станциях, даже в первоклассных, как Вилькомирская⁷, как везде у нас, внутренний беспорядок и нелепость, прикрытые наружным благоприличием и даже великолепием. Клейнмихель строил станционные дворцы напоказ государю⁸ — а о прочем и заботы не было.

Есть минуты в русском характере, когда ум, погруженный в какойлибо предмет (озадаченный), входит в совершенное *безмольие ума* — что выражается словами: ротозеть, зевать, ротозея, зевака.

В Пруссии всё *прилажено* одно к другому — следствие ряда опытов давнего просвещения.

^{10/22} июня, вторник. Грустно видеть вокруг себя все незнакомые

лица, вполне к тебе равнодушные, но все-таки лучше, нежели видеть вокруг себя не равнодушные, но враждебные лица, которые подмечают каждый шаг твой, каждое слово, чтоб употребить его на пользу своей зависти...

18/30 июля. Висбаден. Наш хозяин (нрэб) не мог выдумать ничего умнее для нашего удовольствия, как красить вот уже 3-й день перила на лестнице, так что все себе марают и руки, и платье. Немцы глупы в сравнении с нами; в голове у них какой-то кисель из бутерброда — с трудом понимают всякую безделицу. Между тем у них — куда ни посмотри — умные вещи; и далеко еще нам до них. От большого до малого: у Висбаденского сквера воротца, которые затворяются сами, очень просто.

Необходимо, необходимо у нас гражданское уложение, которое бы способно было доставить нам: 1. Наиболее способных людей и деятелей и а) образовать Думу по выбору правительства, б) журналы сей Думы публиковать со всеми мнениями и позволить о том печатать критики (сколько бы способных людей открылось, сил способных); и 2-е. Из сей Думы по выборам от дворянства, купечества и крестьянства избрать кандидатов в Окончательную Думу, которая составит окончательную редакцию⁹.

Дорога между Веймаром и Иеной. Ветер. Нижние ветви итальянских тополей по дороге прижимаются к стволу, как бы ища защиты, а между тем сами его защищают. Так бывает и не между деревьями.

Северная сторона тополей покрыта мхом; южная — ветвями, которые ищут солнца. Паразитный мох не ищет солнца, прячется от него, а между тем спокойно живет на щёт дерева, словно иезуит. 10

Есть же у нас охотники довольствоваться ярлыками!

Правда — что душистая трава: чем больше ее давить, тем сильнее пахнет.

Штрафная книга в немецких почтовых дворах выставлена напоказ; при ней — в исправности чернила и перья; смотритель подвергается штрафу за то даже, если чернила и перья не в исправности.

У нас штрафная книга запрятана, и смотритель обижается, когда об ней спрашиваешь. Один из них дал мне тому курьозное объяснение: "Да ведь, батюшка, всякие проезжают; иной как увидит штрафную книгу — невесть что про себя вздумают".

Государственному соображению от плута можно всего требовать, всякой подлости; а честный человек не на все согласится... Так и различают людей: первые у него — благонадежные, вторые — либералы.

Рассказывали анекдот про Наз(имова)¹¹, что когда представили в цензуру перевод Данте, то он сказал: "Бог знает, что это такое; во-первых, это не комедия; во-вторых, совсем не Божественная".

8/20 сент ⟨ября⟩ 1858, понед ⟨ельник⟩. Берлин. Снилось мне ночью, что вбили мне два гвоздя в голову — и на эти гвозди вешают все грустные слухи из России, и Астрахань 12, и Кяхту 13, и прочие грусти. Так было больно — кажется, я вчера простудил голову, и материальный ревматизм облек собою духовное чувство.

9/21 сентября, вторник. Берлин. Опять мне начали сниться психологические сны, чего давно уже не было.

Снилось мне, что я сочинил книгу на французском и русском языке "Du dedoublement de l'interieur", "О внутреннем раздвоении", где с совершенною точностию объяснил процесс самопознания, или субъективно-объективного воззрения на душу в минуту мышления, словом: как мы можем в одно и то же время и мыслить, и рассматривать процесс мышления. Начал я книгу исторически, доказывая, что вся метафизика не стоит выеденного яйца, оттого что не объяснила еще процесс мышления; что видеть свое мышление есть отличие человека от животных; что животные мыслят, но не видят, как они мыслят. Отсюда я выводил бессмертие души: умирает животный дух, но та стихия, которая видит мышление, живет и по смерти, что я объяснял примером человека, который потерял ногу, а у него на той ноге чешется палец; пальца нет, как и всей ноги, но воззрение на нее (!) существует.

Все это казалось мне весьма убедительным. 14

15/27 сентября, понедельник. Вержболовская станция. 15 Нищие, жиды, грязь, суетня, нитки вместо постромок, веревочная сбруя... Едва сделали несколько шагов — стой! Лошадей перепрясть, опять суетня... Какое действие все это должно производить на иностранца при самом первом шаге в Россию! Это не в пример хуже и вреднее "Колокола". Что за характеристическая, блистательная неурядица! Между тем на ямщике — род мундира, как в Пруссии. Снаружи — цыфра, внутри —

нуль... Кругом самым скверным образом вспаханная земля. О rus*! О Русь! 16

Человеческий род, развиваясь, производит новую породу людей, столь же отличных от человека, сколь человек от обезьяны; они вроде херувимов — состоят лишь из одной головы, говорят на языке непонятном, или, лучше сказать, передают свои мысли лишь одной физиологии; глаза их имеют свойство сильного зажигательного стекла, которым они обороняются от людей, желающих их поймать.

Вот в маленьком виде принцип воздействия зла. Состояние наших гостиниц есть следствие состояния наших проезжающих. Разумеется, достается и невинным, но не без наказания и виноватые.

Наука доброведения должна доказать, что a = a, что истина необходима для личного благосостояния человека, что безнравственный поступок есть не-истина, нелепость (замечательное слово по отношению к истине и к изящному), обращающийся во вред каждому индивидууму.

Добросовестность — есть условие общественного благоустройства. Следственно, добросовестность есть условие частного счастия.

Что говорит наука. то уже высказала религия. Следственно, наука и религия связаны неразрывно.

20 сентября, суббота. Немезида¹⁷ является не потому, что не достало у человека уменья от нее отделаться, но потому, что она есть естественный продукт недоброго в нашей жизни. "Игроки" Гоголя повторяются чаще, нежели кажется.

Стреляй в каменную стену (нелепость) — пуля отлетит тебе в лоб.

Есть казнь и в сем мире.

Как у вас нет ни рукомойника, ни стакана? — спросил я на станции.

Проезжие бьют, — отвечал служивый. — И не платят...

^{*} деревня (лат.).

Добродеяние (благотворительность) есть термометр просвещения, а просвещение — добродеяния.

Неразумная любовь и разум без любви* — односторонние факторы, уроды, человек, родившийся с желудком, но безо рта, которому надобно прорезать рот, чтобы он мог жить.

NB. В ребенке чувство любви не развивается прежде пробуждения его разума.

Без убеждения в бессмертии души — нет любви.

Примечания

Печатается по автографам, хранящимся в рукописном отделе Государственного Музея музыкальной культуры им. М.И. Глинки (ф. 73, ед. хр. 739—743).

- 1. Местр Жозеф (Иосиф) де, граф (1753—1821) французский политический деятель, философ и публицист.
- 2. По-видимому, автор произвел это слово от латинского «scientia», то есть знание, наука.
- 3. Об отношении князя В.Ф. Одоевского к А.И. Герцену и его антиправительственной деятельности подробнее см., напр.: *Михайловская Н.М.* К истории одной записи В.Ф. Одоевского (Из архивных материалов) // Русская литература. 1976. № 4. С. 150—154.
- 4. О работе князя над этим романом см.: *Медовой М.И*. Неосуществленный замысел В.Ф. Одоевского // Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков. Л., 1971. С. 156—167; Русская речь. 1994. № 5. С. 31—36.
- 5. В данной фразе видится завуалированная "парфянская стрела", метящая в писателей и публицистов демократического лагеря, которые порою чрезмерно восхваляли быт и нравы простолюдинов.
- 6. Клейнмихель Петр Андреевич, граф (1793—1869) главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями.
 - 7. Вилькомир город на литовской границе.
 - 8. Имеется в виду император Николай I.
 - 9. Разговоры и споры о "гражданском уложении" были повсемест-

^{*} нелюбовный разум? (прим. В.Ф. Одоевского).

ными в первые годы царствования Александра II; главным пунктом дискуссий неизбежно становился вопрос о крепостном праве. Как видно из данной записи, князь В.Ф. Одоевский заходил в своих размышлениях довольно далеко и по существу вел речь о представительной форме правления. Известно, что в те же годы в обстановке сугубой тайны шла правительственная подготовка к Великой реформе.

- 10. В 1850-е годы князь неоднократно выступал публично и против расширения католического влияния в Европе и России, и против иезу-итов как наиболее ревностных адептов такой политики.
- 11. Назимов Владимир Иванович (1802—1874) попечитель Московского учебного округа, с 1855 года виленский генерал-губернатор.
- 12. В 1858 году в Астрахани специальная правительственная комиссия вскрыла вопиющие злоупотребления в управлении губернией, казнокрадство и т.п.
- 13. Имеется в виду резкое обострение в ту пору русско-китайских отношений, в первую очередь по пограничным вопросам. Кяхта русский город на границе с Китаем.
- 14. Ср. с фрагментом "Психологических заметок" (1843) князя В.Ф. Одоевского: "Жаль, что мы не изучаем законов того особого мира, в который мы переходим во время сна: мы забываем сию особую форму нашего бытия и из представлений сна помним только то, что ближе к миру нашего бодрствования".
 - 15. Вержболово станция на Варшавской дороге.
- 16. Эти два восклицания эпиграф ко второй главе пушкинского "Евгения Онегина".
- 17. Немезида в греческой мифологии богиня возмездия, карающая за преступления.

Борис Савинков: "...вдумайтесь в мои слова"

А.В. НИКОЛАЕВА, кандидат филологических наук

Стилистическая предопределенность официального языка эпохи господства коммунистической идеологии вызывает в нас вполне обоснованную негативную реакцию. Но справедливо выступая за очищение языка от политических штампов и клише, мы нередко забываем о том, что жесткая цензура эпохи социализма безжалостно отметала и выбраковывала любые произведения, в которых не было обязательно-ритуальных языковых формул новой идеологии. Поэтому требовалось все внимание читателя, чтобы за ними услышать истинный голос автора. Показать, насколько важно отделять внутреннее от внешнего, навязанного извне, мне хотелось бы на примере статьи известного политического деятеля и писателя Бориса Савинкова.

Савинков прославился как один из организаторов террористических актов (убийство великого князя Сергея Александровича, министра В.К. Плеве). Романтическим ореолом окружала его и достаточно громкая писательская слава: повесть "Конь бледный" (1909), роман "То, чего не было" (1914), повесть "Конь вороной" (1923). После победы революции писатель эмигрировал, вел активную деятельность по разоблачению большевистского режима. А затем, 16 августа 1924 года, был схвачен при нелегальном переходе советской границы. Суд предъявил ему обвинения в организации "вооруженных восстаний на советской территории в период 1918–1922 гг." и приговорил Савинкова к расстрелу. Председатель ВЦИК М.И. Калинин заменил осужденному высшую меру наказания лишением свободы. Луначарский отвел узнику почетную роль придворного летописца, так как прекрасно понимал, что к словам Савинкова прислушивается все образованное человечество. Восславить советский режим голосом одного из самых яростных его противников – вот о чем мечтал "самый культурный министр". Имя Савинкова оказалось в центре общественного внимания. Человеку в неволе предоставляется для творчества большая свобода, чем когдалибо в его жизни. Большего лицемерия и придумать нельзя.

Савинков понимал, что жизнь его напрямую зависит от того, насколько лояльны будут его тюремные произведения. В заключении он пишет несколько рассказов и статей. Чтобы понять, насколько меняется индивидуально-авторский стиль под давлением заказанных тем, мы должны провести сопоставительный анализ произведений, написанных

в тюрьме, с работами другого периода. Но встает вопрос, что с чем сравнивать. Ведь короткие, вымученные рассказы периода неволи нельзя ставить в один ряд с написанными ранее повестями и романом. Поэтому мы остановимся на рассмотрении публицистических произведений. Для большей доказательности возьмем тексты, написанные с наименьшим временным перерывом. Статьи, созданные в тюрьме (1924), мы будем сопоставлять с очерками из книги Савинкова "Борьба с большевиками" (1920).

Книга\ "Борьба с большевиками" (Литература русского зарубежья: Антология. Т. 1, книга вторая. М., 1990) составлена из очерков мемуарного плана, в которых автор описывает события 1917–1918 годов. Повествование ведется в сдержанной, лаконичной манере. Нет лирических отступлений, сравнений, образов. Соблюдена тональность военного рапорта или отчета: "Бой в Рыбинске был бесповоротно проигран, но Ярославль продолжал держаться. Я послал офицера к полковнику Перхурову, чтобы сообщить ему о рыбинской неудаче. Офицер до полковника Перхурова не доехал: он был арестован большевиками..."

Интонация официального донесения подчеркивается использованием оборотов канцелярского характера: "Поэтому было решено, что оставшиеся силы рыбинской организации будут направлены на партизанскую борьбу с целью облегчить положение полковника Перхурова в Ярославле. В ближайшие после 8 июля дни нами был взорван пароход с большевистскими войсками на Волге. Эти меры затруднили перевозку большевистских частей со стороны Петрограда..."

Автор намеренно избегает любых оценок, факты должны говорить сами за себя. Для Савинкова настоящая публицистика — это прежде всего реальные события и факты. Даже диалоги в очерках похожи на запротоколированные показания на суде:

- "В одной из деревень я спросил:
- Россию уничтожают?
- Уничтожают.
- Церкви грабят?
- Да, грабят.
- Попов расстреливают?
- Да, расстреливают.
- Вас расстреливают?
- Да, расстреливают.
- Хлеб отбирают?
- Почему вы не восстаете?"

Реплики персонажа почти дословно повторяют реплики автора. Поэтому та информация, которая дается в диалоге, выглядит особенно убедительной. Автор берет на себя задачу – выразить политические пристрастия определенной части общества, отразить ее роль в исторических событиях. Поэтому и нет в тексте открытого выражения авторских симпатий и антипатий. Более того, людей как героев повествования нет вообще. Есть определенно обозначенные и расставленные фигуры политической игры. Военные, буржуи, товарищи:

- «- Кто едет?
- Свои.
- Буржуи?
- Нет, "товарищи"»

Большую роль в создании настроения играют отдельные детали, на первый взгляд несущественные эпизоды: «И только когда митинг был уже в полном разгаре, мы открыли пулеметный огонь по холму... Тогда наш капитан скомандовал: "К седлам", – и мы выехали на холм, где только что происходил митинг. У меня не было шинели. Я взял одну. Она была в крови»

Отношение самого автора к происходящему высказано ненавязчиво. Для характеристики новой власти он использует активно внедряемую этой властью в русский язык революционную лексику:

- «- Так вы не буржуй?
- Я же вам сказал, что я "товарищ".
- А ваши спутники?
- Тоже "товарищи".
- Ну, это другое дело... А то третьего дня мы поймали двух белогвардейцев... Много их тут шляется...»; «Здесь, в глуши Казанской губернии, среди малограмотных и живущих за сотни верст от железной дороги крестьян, я часто слышал то слово, от которого я отвык в городах. Это слово Россия. После чужих и иностранных слов "интернационал", "капитализм", "пролетариат", которыми так богата теперь русская городская речь, было радостно слышать людей, говоривших о Родине"; «Эти "товарищи" все время произносили угрозы по адресу "грязных буржуев"»; «На другой день в большевистских газетах появилось сообщение о том, что "гидра контрреволюции" раздавлена».

Необходимо помнить, что данное произведение написано в эмиграции, где в этот период считалось просто необходимым клеймить большевиков в самых резких выражениях. Очерки Савинкова на фоне белоэмигрантской публицистики отличаются сдержанным тоном и лаконичным изложением. Именно благодаря этому повествование выглядит объективным и непредвзятым. Писатель владеет словом, умеет убедить читателя в своей искренности, умело подбирая факты и делая нужные акценты.

Тем более поражает резкое изменение манеры изложения в статье, под названием "Почему я признал Советскую власть", написанной в тюрьме. Казалось бы, основные приемы и методы организации публи-

цистического произведения, созданного одним и тем же человеком, должны найти свое выражение в той или иной степени и в этой работе. Но ничего подобного не произошло. И на уровне предметном, и на сюжетно-фабульном, и на уровне идей мы замечаем резкое изменение авторского подхода к построению текста.

Если в очерках "Борьба с большевиками" нам предложена развернутая и аргументированная картина противостояния двух политических систем, то в статье "Почему я признал Советскую власть" представлен довольно сумбурный монолог потерянной личности, полностью изолированной от внешнего мира. Поэтому речь идет исключительно о внутреннем состоянии самого автора. Никакой аргументации, никаких фактов и событий, никакой цельной системы политических взглядов. Писатель, привыкший отстаивать свои убеждения путем создания объемной картины событий, не может воспользоваться этим приемом уже в силу того, что он физически изолирован от этого мира. Поэтому статья его по форме больше напоминает очерк-рассуждение, чем очеркисследование. Все повествование строится по принципу не временной, а политической последовательности: «Большевики расчистили дорогу для монархистов... расстреливая, убивая и "грабя награбленное", они проявили неслыханную жестокость... На белой стороне – честность и верность России, порядок и уважение к закону, на красной – измена, буйство, обман и пренебрежение к элементарным правам человека. Так я думал тогда» (Савинков Б.В. Почему я признал Советскую власть, М., 1924. С. 3).

За этим, столь недвусмысленным отрывком следует другой, должный продемонстрировать определенную трансформацию авторских взглядов: «Кто верит теперь в Учредительное собрание? Кто осуждает заключенный большевиками мир? Кто думает, что Октябрьский переворот расчистил дорогу царю? Кто не знает, что расстреливали, убива-

ворот расчистил дорогу царю? Кто не знает, что расстреливали, убивали и грабили не только большевики, но и мы? Наконец, кому же не ясно, что мы не были "рыцарями в белых одеждах"» (там же).

Никаких утверждений. Текст выполнен в интонации вопроса. Вопросительная интонация здесь -- эффективное средство передачи эмоционально-оценочного отношения автора к тому, о чем идет речь: "Сказанное выше не требует доказательств. И если бы дело шло только об этих, второстепенных причинах, мы, конечно, давно бы сложили оружие и признали Советскую власть. Но мы - русские. Мы любили Россию, то есть русский народ. Мы спрашивали: с кем же этот народ? Не захватчики ли власти -- большевики? Не разоряют ли они родину? Не приносят ли они в жертву Россию Коммунистическому Интернационалу? И где завоеванная Февральской революцией свобода?" (там же).

Совершенно ясно, что писатель говорит о своей собственной системе взглядов. Искренность интонации подкупает читателя. Но автор

вынужден говорить о том, что далеко от него. Он не был свиде телем советского строительства. Все, что он может сделать, — это обратиться к цифрам советской статистики. На общем фоне эмоционального монолога они выглядят чем-то лишним и малодоказательным "Возьмите цифры. Сравните посевную площадь за 16, 22 и 23 годы... К каким выводам вы придете?" И следующая за статистическим обзором фраза автора сводит значение цифр на нет: "Да. Россия разорена войной и величайшей из революций".

Автор открыто не говорит о своих взглядах. Изложение выглядит обезличенным. Весь текст распадается на две части – ту, в которой писатель говорит о своих личных впечатлениях и переживаниях, и ту, в которой он пытается показать свою преданность новой власти. Личная позиция автора не оставляет сомнений, как и его политическая принадлежность другому лагерю: "Мы все побеждены Советской властью... Россия уже спасена... Но если бы даже Россия погибла, эмигрантскими разговорами ее не спасешь".

На фоне таких, полных пессимизма рассуждений, необоснованной выглядит заключительная фраза очерка. "Мы любим Россию и потому признаем Советскую власть".

Автор словно спохватывается, вспоминает о своей задаче. Но от имени кого он говорит? Что стоит за этим "мы"? Группа советских заключенных? Ведь на протяжении всего текста можно было сделать вывод о том, что за публицистическим "мы" скрывается позиция русских эмигрантов («мы любили Россию» — «"они" грабили награбленное», «мы побеждены Советской властью»).

Писатель не смог совместить две разные идеологические позиции. Тюремная камера не лучший аргумент в пользу большевизма. Поэтому в присущей автору манере объективного рассказа-отчета Савинков строит лишь ту часть повествования, в которой идет речь о его личной системе взглядов и борьбе с большевиками. Писатель пытается искусственно очертить область своего присутствия. Изображает себя как конкретного человека, знакомя читателя с некоторыми подробностями из своей биографии.

Та часть очерка, в которой должно быть отражено признание советской диктатуры, написана в интонации постоянного восклицания. Видимо, восклицательные знаки должны были восполнить недостающую убедительность и экспрессию: "И именно потому, что народ не с нами, а с Советской властью, и именно потому, что я русский, знаю только один закон — волю русских крестьян и рабочих, я говорю так, чтобы слышали все, довольно крови и слез, довольно ошибок и заблуждений, кто любит русский народ, тот должен подчиниться ему и безоговорочно признать Советскую власть!"; "Мы любим Россию и потому признаем Советскую власть!";

Примечателен тот факт, что в отрывках, написанных с позиции самого автора, используется экспрессивно окрашенная лексика ("презирал эту власть", "неслыханная жестокость", "буйство", "захватчики"). Там же тде Савинков агитирует за Советы, – газетные штампы, пустые, ничем не подкрепленные слова. Нет указаний на личное отношение писателя к тому, о чем идет речь: "Советская власть, укрепившись, объединила в равноправный союз народы бывшей Российской Империи. Она стремится к усилению и процветанию СССР. Пусть во имя Коммунистического интернационала... Россия станет завтра освободительницей народов".

Такой тип повествования нельзя назвать индивидуально-авторским, так как он не несет в себе никакого указания на индивидуальный стиль. Можно сказать, что перед нами определенный вид трансформации авторской речи, которая произошла в силу того, что писатель вынужден стать на позиции, которые он не разделяет и не понимает. Стилистический анализ помогает доказать, что нельзя без ущерба для авторского стиля подчинить произведение идеологической схеме, которая отлична от мировоззренческой концепции самого писателя.

Савинков покончил жизнь самоубийством в тюрьме, так завершился его диалог с теми, кто пытался насильственно навязать ему свою точку зрения. Писатель не смог принять чужой образ жизни, чужое мировоззрение ни как человек, ни как творец. Все это говорит о том, что привнесение в текст взглядов и убеждений, не принадлежащих автору, отражается на стиле произведения, принципах его построения. Мы могли бы снять с многих писателей времен диктатуры обвинение в сухости и казенности их языка, отличить с большей точностью истинное от навязанного извне. Савинков в письме к единомышленнику, другу, с которым вместе работал в эмиграции, Б.С. Философову, просит: "... вдумайтесь в мои слова. Вдумайтесь..." Это было одно из писем, написанных в тюрьме. Сказать открыто было ничего нельзя. Оставалось надеяться, что друзья вдумаются, прочтут между строк. И мы, современные читатели, должны уметь видеть за внешним внутреннее.

Совет по русскому языку при Президенте Российской Федерации

В целях обеспечения развития и распространения русского языка, являющегося государственным языком Российской Федерации, культурным достоянием народов России, Указом Президента Российской Федерации от 7 декабря 1995 года создан Совет по русскому языку при Президенте Российской Федерации. Этот консультативный орган призван рассматривать предложения и принимать решения по вопросам поддержки и развития русского языка.

Руководство Советом по русскому языки осуществляют В.Г. Кинелев, заместитель Председателя Правительства РФ, Е.П. Челышев, академик-секретарь Отделения литературы и языка РАН и В.С. Меськов, заместитель председателя Госкомвуза России.

В составе Совета по русскому языку видные ученые, писатели, государственные деятели, ректоры и деканы высших учебных заведений,

В составе Совета по русскому языку видные ученые, писатели, государственные деятели, ректоры и деканы высших учебных заведений, директора академических институтов, такие, как академики Д.С. Лихачев, Н.И. Толстой, О.Н. Трубачев; С.Н. Красавченко, первый заместитель Руководителя Администрации Президента РФ; Ю.Н. Караулов, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; В.Г. Костомаров, ректор Института русского языка им. А.С. Пушкина, президент МАПРЯЛ; Н.Н. Скатов, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; А.Г. Асмолов, заместитель министра образования РФ; В.Д. Шадриков, заместитель председателя Госкомвуза России; В.А. Садовничий, ректор МГУ им. М.В. Ломоносова; писатель В.Г. Распутин и многие другие.

Намечены основные направления деятельности Совета, которые состоят в следующем:

информирование Президента Российской Федерации о проблемах развития русского языка;

разработка предложений по основам государственной политики в области русского языка;

внесение предложений и рекомендаций по поддержке русского языка как государственного языка Российской Федерации, расширению использования русского языка в межнациональном и международном общении, повышению культуры владения русским языком;

выработка предложений по улучшению подготовки специалистов, деятельность которых связана с профессиональным использованием русского языка;

подготовка рекомендаций по развитию фундаментальных и прикладных научных исследований в области русского языка;

содействие созданию эффективной системы популяризации знаний о русском языке через средства массовой информации и путем издательской деятельности в области русского языка.

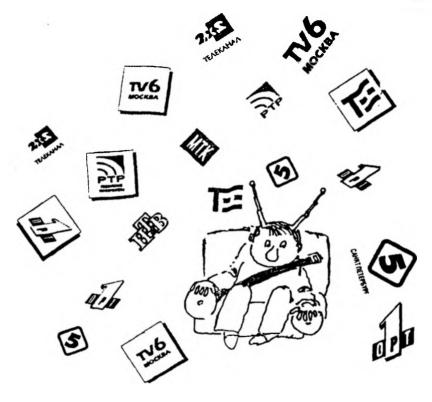
В настоящее время в Совете подготовлена Федеральная целевая программа "Русский язык".

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписка на журнал "Русская речь" принимается во всех отделениях связи.

Индекс журнала 70788 в Каталоге Федерального Управления почтовой связи (ФУПС).

Жители Москвы и Московской области имеют возможность оформить подписку в редакции (тел.: 290-23-78).

СЛУШАЕМ РАДИО И ТЕЛЕВИЗОР

О.А. ЛАПТЕВА, доктор филологических наук

Они звучат в нашем доме постоянно и говорят, говорят..., пожалуй, не меньше, а то и больше, чем мы сами. И мы вольно или невольно слушаем все подряд. Наш дом переполнен этой речью – русской, конечно, но настолько разной, порой настолько непохожей на нашу собственную, что можно стать в тупик: как же к этому отнестись? Нередко возникает несогласие, протест, даже возмущение: это же неправильно, просто некультурно. Этому ли нас учили с детства? Слишком часто наш слух царапают всякого рода оппибки.

И в обществе возникает отпор такой речи, растет ее неприятие. В редакции летят письма, появляются газетные заметки, публикуются в

печати и звучат по тому же телевизору пародии. Смысл всех протестов сводится к одному: мы хотим правильной речи, элементарной грамотности! Естественное и простое желание. Поэтому возникает насущная необходимость разобраться в услышанном, оценить его лингвистически, соотнести с литературной нормой.

Проще всего открыть словарь-справочник и грамматику, отметить речевое несоответствие им и заключить: это неправильно и неграмотно. Но здесь возникает принципиальное препятствие. Дело в том, что такого рода культурно-речевые пособия (пожалуй, кроме Орфоэпического словаря) созданы с ориентацией на письменную литературную речь и по ее материалам, мы же воспринимаем речь устную. Ее явления во многом обязаны совпадать и соответствовать книжно-письменной и общелитературной норме современного русского литературного языка. Во многом, но далеко не во всем. У речи устной есть свои законы, письменной речи не известные. Тот и другой тип литературного языка опирается на разные психофизиологические механизмы мозговой деятельности. Поэтому отождествлять их во всем было бы ошибкой. И далеко не все устные отступления от литературной нормы неприемлемы.

Есть и еще одно обстоятельство. Сама письменно-литературная норма находится в постоянном движении и изменении. Начала этого движения восходят прежде всего к устно-речевой стихии. При взаимодействии огромной массы говорящих возникают частотные случаи языкового явления, которое, будучи до этого ненормативным, становится таковым и вытесняет узаконенный прежде вариант. По общественной необходимости, не без воздействия моды и языковых предпочтений в литературный язык входят новые слова – из иностранных языков, и из жаргонов и просторечия, иногда из диалектов. Литературная норма, консервативная по своей природе (ее предназначение - обеспечивать устойчивость и преемственность литературного языка), сопротивляется таким процессам, но все же со временем меняется. В таком двуединстве ее поведения заключается великая мудрость развития: неспешное и необходимое по обстоятельствам общественной жизни изменение избавляет норму от угрозы стать окостенелой, омертветь. Если бы это произошло, литературный язык не смог бы в каждый отдельный период своего развития выражать все оттенки и смыслы речевого общения, возникающего вновь и вновь с изменениями в обществе. Так было на протяжении всей истории существования русского литературного языка.

Электронные средства массовой информации, войдя буквально в каждый дом, сильно, если не сказать революционно, изменили самый характер речевого взаимодействия в обществе. Ведь слушание – это одна из сторон такого взаимодействия. И оно стало качественно иным. Ес-

ли раньше сфера общения человека ограничивалась его семьей, знакомыми, территорией его местонахождения, социальной средой, к которой он принадлежал, и другими подобными факторами, то теперь через радио- и телевизионный полигон проходит неисчислимая масса круглосуточно говорящих людей, речь которых становится языковым окружением каждого человека наряду с теми кругами общения, которые существовали и прежде. Радио и телевидение стремятся охватить жизнь общества без поправок на расстояния, социально-возрастную и профессиональную стратификацию, и мы получаем немыслимую ранее возможность много времени проводить на этом речевом ристалище. Мы слушаем без конца и своей реакцией взаимодействуем с услышанным.

Те, кого мы слушаем, делятся по меньшей мере на две категории: речевых профессионалов и непрофессионалов, хотя грань между ними, конечно, условна. Профессионалы – это дикторы, ведущие, комментаторы, обозреватели, корреспонденты, тележурналисты и, естественно, артисты. Но и их речевой "продукт" неодинаков. Многое зависит от того, позволяют ли они себе хотя бы частично импровизировать или все целиком читают с листа. В последнем случае возможность отступления от усредненной литературной нормы минимальна и сводится к ненормативному произнесению или ненормативному ударению (изменению фонетического облика слова). А в первом – такая возможность велика и разнообразна: она может касаться всех уровней языка – фонетики, грамматики, словообразования, лексики. Однако профессионализм и здесь остается сдерживающим началом и должен быть направлен на то, чтобы в речи если и появились, то не прямые ошибки, а лишь устно-речевые особенности. Но это – в теории. На практике же, к сожалению, теле- и радиожурналисты допускают много ненормативных явлений и демонстрируют не слишком высокую речевую культуру. Журналисты обычно стараются, чтобы их речь перед камерой была непринужденной, спонтанной. Все это делает вероятность появления всевозможных и разнообразных отступлений от литературной нормы очень высокой.

Непрофессионалы тоже оказываются перед камерой почти постоянно. Они — участники многочисленных круглых столов, бесед, интервью, выступлений. Их речевой опыт и степень знакомства с литературной нормой различны. Во-первых, они происходят из разных мест России (и не только России), и потому их речь может сохранять (и обычно сохраняет) остатки территориальных диалектов. Во-вторых, у них очень разный опыт публичных выступлений.

Предваряя этими вступительными замечаниями дальнейшее обозрение услышанного по радио и телевидению, вернемся к нашей статье "Говорят с телеэкрана" (Русская речь. 1993. № 5), где мы обратили вни-

мание на существование не только книжно-письменной и усредненной литературной нормы и ошибочных отклонений от нее, но и таких отклонений, которые могут выражать намечающуюся тенденцию дальнейшего языкового развития или воплощать иной тип литературной нормы — устный (или разговорный). Таким образом, отклонение от нормы может быть: 1) ошибкой, 2) новым явлением и 3) устно-литературным (устно-разговорным) явлением. Первое должно отвергаться, второе и третье — допускаться. Различие между вторым и третьим связано со сферой распространения: второй тип отклонения касается всего литературного языка в целом, а третий — лишь устной литературной речи или, уже, речи разговорной. Эти различия имеют принципиальное значение для речевой культуры и будут учитываться в нашем обозрении услышанного.

Поведение фонетической нормы

По радио и телевидению говорят люди, произносительные навыки которых складывались с детства под воздействием речи той социальнотерриториальной среды, из которой они вышли. Последующее образование, расширение круга общения и перемены места жительства могли повлиять на эти навыки, но не настолько, чтобы они изменились полностью и во всем совпали с узаконенной произносительной литературной нормой. В основе этой нормы, как известно, лежит старомосковский тип произношения. Однако огромное число говорящих, приобщенных к литературному языку через образование, но не могущих полностью освоить московскую произносительную норму, определило формирование более широкой, чем московская, усредненной произносительной нормы. Она более толерантна к ряду явлений и включает в себя допустимые варианты, но, конечно, не принимает ярких диалектных фонетических особенностей (не взрывное, а фрикативное г, словесное ударение, оглушение в на конце слова не в ф, а в у неслоговое, черты оканья и яканья, схема протяженности гласных в разных по отношению к ударению слогах и многое другое).

В идеале у "речевых профессионалов" всего этого быть не должно. На практике же ненормативные фонетические особенности в их речи появляются часто, тем более, что многие из этих журналистов работают не в центральных, а в региональных студиях, где звучащая по радио или с телеэкрана речь не полностью порывает связи с окружающим территориальным диалектом. Если же говорить о непрофессионалах, то приходится отметить еще большее количество разного рода особенностей в их речи.

В пределах же самой нормы можно наблюдать предпочтение к одному из допускаемых ею вариантов, что при постоянном повторении и распространении создает некоторую тенденцию изменения.

Таким образом, в нашем обзоре современного состояния произношения на радио и телевидении мы должны обратить внимание как на взаимосоотношение нормативных вариантов, так и на ненормативные явления, а также выявить случаи расширения московского типа произношения до усредненного. Прозвучавшие отрезки речи будут приводиться не анонимно, а, когда есть возможность, с указанием на автора речи. Это важно, по крайней мере, в трех отношениях: 1) одно из качеств литературной нормы – ее "освящение" авторитетами: если говорит человек известный и популярный, это само по себе может стать причиной подражания его речи и потому – распространения ее особенностей в обществе; 2) современное речевое взаимодействие включает в себя множество вполне конкретных определенных лиц, и паспортив в себя множество вполне конкретных, определенных лиц, и паспортизованные записи могут стать, таким образом, подлинным историческим свидетельством; 3) адресация укажет на принадлежность говорящего к "речевым профессионалам" или к обычным категориям лиц; иногда возникает возможность давать географические, социальные, возрастные и другие подобные сведения.

жж или ж'ж'?

жж или ж'ж'?

Эти фонемы могут прозвучать в словах визжать, вожжи, дождик, дребезжать, дрожжи, езжу, жужжать, позже и в некоторых других. В радио- и телевизионной речи часты приезжать, дожди, позже и еще сожжены; согласно старомосковской норме в этих словах должно произноситься ж'ж', согласно усредненной – жж (кроме дожди). Обе эти возможности предусмотрены справочниками в качестве вариантов. В современной диалектной речи разнообразия в этих сочетаниях больше – они могут звучать и как ж'д', и как ж'д'ж, причем твердый и мягкий варианты не различают севернорусские и южнорусские говоры, а свойственны отдельным диалектным группировкам. Яркие диалектные звучания обычно исчезают на пути к микрофону или телеэкрану — во время школьного обучения. Поскольку они мягкие, у говорящего появляется стремление заменить их противоположным твердым как более литературным, то есть жж. Такое произношение поддерживается и южнорусским жж. В результате количество звучаний с жж по радио и телевидению намного превышает количество звучаний с ж'ж', что вполне соответствует более широкому характеру усредненной нормы. Из двух вариантов явно, на наших глазах побеждает твердый, и нетрудно предугадать, что со сменой одного-двух поколений москвичей мягкий вариант исчезнет вовсе. А теперь — реальные записи:

Раньше люди приежжали зарабатывать.Пюди уежжали (ТВ, 1-й канал, "Утренняя звезда". ведущий); За полмесяца мы обычно объежжали все игровые площадки Германии (Радио России, говорит молодой руководитель ансамбля "Джаз-балалайка" А. Паперный); чуть пожже;

приежжые (Радио России); приезжает... не доежжает (РТР, "Моя Россия", Г.А. Явлинский); миллионы людей приежжают сюда (НТВ, "В поисках приключений", ведущий); были подожжэны помещения (РТР, "Вести", корреспондент); Я в половине девятого заежжала (РТР, "Подробности", Н.И. Ельцина); Сожжэно несколько автомашин (РТР, "Вести", корреспондент); Люди уежжали и уежжают в поисках надежды (Виталий Вульф); Об этом мы узнаем пожжэ (РТР, "Подробности", профессор Б. Грушин); днем пожжэ (НТВ, "Итоги", Э. Мацкявичус); Над Петербургом, а пожжэ и над Москвой пройдет атмосферный фронт (РТР, "Погода", Нат. Кулакова); Мы проявили такую инициативу: вышли на министерство культуры и стали выежжать в госпиталь Бурденко (Радио России, интервью артистки); Это президент сказал, уежжая в отпуск (НТВ, "Итоги", Евг. Киселев); Не раз приежжал к нам, мечтал вернуться на родину (РТР, "Вести", корреспондент); Она жужжыт, не поет (НТВ, "Намедни", Св. Куницына, эстрадная певица); Приежжаем (Александр Гордон ведет передачу "Нью-Йорк, Нью-Йорк"). А в передаче "Малая Невка" из Петербурга звучит "Рож'ж'ество Спасителя", но "дома украшать еловыми ветками и можжэвельником" – в устах разных ведущих.

Редкое слово *дрожжи* отмечено несколько раз с твердым жж. Ведущая программы "Домашняя академия" произносит то *дрожжэй*, то *дрож'ж'ей*. Слово *дожди* обычно произносится с жд, и лишь Наталья Кулакова, говоря о погоде, верна старомосковской норме: *дожжи*, *дош'*.

Случаев мягкого произнесения намного меньше: чуть *пож'ж'е*, чем мы планировали (ОРТ, Вл. Березин о программе передач); уже уеж'ж'ать (Радио России. От первого лица говорит молодой парень, раненный в Чечне); А сейчас приеж'ж'ают? (ТВ, "Земля людей", корреспондент); обож'ж'енных, из обож'ж'енной глины (Радио России, ведущая рассказывает о керамике).

шн или чн?

Произношение этого сочетания согласных еще до революции различало речь Москвы и Петербурга: московское шн, петербургское чн. В реальном употреблении оказывается лишь небольшой список слов: балалаечник, булочная, булочник, горничная, достаточно, конечно, коричневый, молочная, молочник, порядочно, суточный. К нашим дням чн заметно потеснило шн, и все же слова булочная и молочная продолжают в Москве и Петербурге, как и прежде, произноситься по-разному. Произношение шн сейчас воспринимается как устаревшая старомосковская норма, либо как просторечие. При этом интересно, что современная норма не одинаково относится к возможности произнести шн в

разных словах: u, но не u, рекомендуется произносить в словах κ оричневый и суточный, наоборот, u, а не u рекомендуется произносить в слове κ онечно, для слова κ орядочно оба варианта считаются равноценными. Основным считается вариант с чн (при допустимом устаревшем шн) для слов молочный, балалаечник. горничная, достаточно. Наоборот, основным считается вариант с шн (не устаревшим!) при допустимом чн в словах булочная и молочник. Можно запутаться? Но эти нормативные рекомендации основаны на существующей речевой практике.

вой практике.

Естественно, в радио- и телевизионной речи приходится встречаться с несоблюдением этих рекомендаций. Когда Наталья Гундарева и Елена Яковлева в сериале "Петербургские тайны" произносят горнишная, это воспринимается как стремление имитировать старую речь (но правомерно ли? Ведь дело происходит в Петербурге). Но так же это слово звучит и в переведенном на русский язык фильме "Если наступит завтра" – без убедительных причин. Ведущий "Вестей" Дмитрий Борисов говорит: Сегодня утром горняки Воркуты начали сутошную предупредительную забастовку. В фильме "Игра всерьез" звучит достатошно. Ведущая передачи по радио "Россия" произносит балалаешник.

е или ё?

e или \ddot{e} ? Буквой \ddot{e} обозначается звук o после мягкого согласного (или \ddot{u} – этот случай мы здесь не берем). В древнерусском языке ему соответствовал звук e, который затем под ударением и перешел в o. Эта простая закономерность осложнилась тем обстоятельством, что в древнерусском языке был, кроме e, близкий по звучанию звук, обозначаемый буквой \ddot{b} (ять). В древнерусском языке они не путались, потому что при всем сходстве звучали по-разному, и такое положение до сих пор сохраняется в некоторых говорах. С течением времени в безударных слогах e и s ять (перед ними всегда был мягкий согласный) совпали по звучанию, а под ударением e стало звучать как o ([o] обозначает мягкость предшествующего согласного), если после него шел твердый согласный, а s o o как o o0 после него шел твердый согласный, а o0 o0 говоременном литературном языке и существуют бу-- как 'e. Поэтому в современном литературном языке и существуют буквы e и \ddot{e} , хотя последнюю на письме для простоты не употребляют. Примета ясная: если под ударением e (перед твердым согласным), то в дореволюционной книге на этом месте печатали sпроизносилось как е.

Ясная, да не совсем. Здесь произошло свое осложнение. Некоторые старинные слова с *ятем* стали, не по правилу, вести себя, как слова с *е*, то есть ударный *ять* в них перешел в 'о. Вот список таких слов: гнезда, звезды, седла, цвел, изобрел, приобрел, позевывать, запечатлен. Остальные же слова с буквой ять звучали со звуком е. Их очень много, список составить невозможно, но вот некоторые для примера: веять,

ветер, веник, вече, вещий, свежий, зверь, деть, деятель, надеяться, дева, дело, дед, лезть, лестница, клеть, лелеять, млеть, плесень, плешь, слеп, склеп, хлев, месиво, хлеб, месяц, мешкать, змей, сметь, смех, нем, нет, отнекиваться, петь, пеший, не к спеху, реять, речь, репа, редька, зреть, приобретение, прение, стрелы, стреха, сеять, семя, бремя, сесть, сосед, сеча, сени, сеть, цельй, цель, цены, цепь, цеп, некто, нечто, некоторый, некий, тесто, затеять, несколько, некогда.

Немудрено, что при складывании современной произносительной нормы не удалось избежать некоторой путаницы и неясных случаев. И тем не менее в литературном языке норма установилась и существует. Но нередко нарушается. Обратимся к услышанному:

Но говорил он с селянами об экономической стихии, принесшей немало бед ("Вести", корреспондент. Должно быть принёсшей); внесшим наиболее весомый вклад (Рос. ун-ты, Гуманит. новости, вед. О. Стефановская. Можно только – внёсшим); С осуждением вмешательства, повлекшего за собой кровопролитие, выступил... (Вести, А. Сапожников. Должно быть только повлёкшего).

В форме причастия прошедшего времени с суффиксом – w – возможно и обратное явление – \ddot{e} вместо нормативного e: "В коммерческих киосках яркие коробочки нередко имеют истёкший срок хранения" (Вести, корреспондент). Поскольку речь идет об окончании временного промежутка, должно быть истекший, а форма с \ddot{e} имеет иной смысл – это образование от истечь в значении "вытечь". Когда же Дмитрий Великанов говорит в "Новостях" Радио России за истекшие сутки, он следует норме; "Антинародным режимом, довёдшим страну до нищеты и унижения" (сказал А.В. Руцкой на митинге 9.V.1994. Это неправильная форма, следует доведшим). Подобное можно встретить и в прилагательных: "То недоумённое, то строгое лицо" ("Итоги", говорит редактор газеты "МН" Жилин. Надо — недоуменное). А прилагательное никчемный ведет себя наоборот: в переводе фильма "Дживс и Вустер" оно звучит без \ddot{e} , норма же требует никчёмный. "До Самотечной площади", — сказал участник вечера в честь 70-летия Б. Окуджавы, переданного по 1 каналу ТВ 28.VI.1994. Сказал без \ddot{e} , потому что ориентировался на глагол течь (e перед мягким согласным в o не переходило), а надо бы на форму тёк (перед твердым согласным — переходило). Все москвичи говорят Самотёка, Самотёчная.

Трудности вызывает глагол блекнуть, поблекнуть. Основные нормативные формы – блёкнуть, поблёкнуть, поблёкший, блёклый, а соответствующие формы с е считаются допустимыми, особенно в поэтической речи.

В существительных подобная же картина: нормативно произношение манёвры (из-за французского происхождения слова), но афера (тоже из-за французского происхождения – в этих словах во французском

разные звуки), головешка. При этом в слове манёвры произношение с е допустимо. В реальной же речи нередка путаница: ведущий И. Выхухолев в "Новостях" произносит $a\phi epa$, а в интервью в тех же "Новостях" звучит $a\phi epa$.

В фильме "Мастер и Маргарита" произнесено головешки, ведущая передачи "Русские календарные обряды" из Петербурга говорит: "Если парень и девушка бросали головешку, то вместе бежали ее догонять"; ведущая "Новостей 2 × 2" сообщает: "К трем часам дня от декораций студии Мосфильм остались на съемочной площадке одни головешки" — небывалое единодушие в употреблении единственно нормативного варианта.

Из более редких случаев приведем: заболевания сальмонеллезом ("Вести", ведущий Мих. Пономарев. Должно быть ё, ср.: бруцеллёз, туберкулёз, фурункулёз и под.); постарался изобразить, как поблескивает под абажуром бок рояля (НТВ, "Продюсер". Можно только – поблёскивает).

Часто приходится слышать слово бытие. С употреблением в нем e или \ddot{e} связан разный смысл: в первом случае это философский термин, в котором возможно только e, во втором это – "жизнь, существование", и можно произносить и \ddot{e} , и e.

В суффиксе страдательных причастий прошедшего времени -еннсейчас звучит ё, но поэты еще и в XIX веке рифмовали его со звуком е. Ср. у Пушкина: "Тогда-то, свыше вдохновенный, раздался звучный глас Петра: За дело, с Богом! Из шатра, Толпой любимцев окруженный, Выходит Петр".

Как мог заметить читатель, мы оставались в пределах литературной нормы, возможных и невозможных отступлений от нее и ее вариантов. Такая норма носит общелитературный характер и простирается на все сферы функционирования литературного языка в устной форме. Мы рассмотрели лишь три фонетических явления. О других — мы расскажем в следующий раз.

О КОЛИЧЕСТВЕННОЙ МЕТАФОРЕ

В.А. СЕРГЕЕВ

Метафорические обозначения – важные средства выражения эмоциональной реакции человека. Функциональные стили в разной степени приемлют эмоциональность и оценочность и, следовательно, в неодинаковом объеме используют метафоры. Они преобладают в наименее официальных и наиболее индивидуализированных стилистических жанрах — в научно-популярных, публицистических (очерк, памфлет, фельетон), в художественной литературе и разговорной речи, т.е. там, где появляется возможность выразить авторскую оценку.

Количественная метафора – один из типов общеязыковой (наряду с метафорами цвета, качества, интенсивности, формы и т.п.), который служит средством количественной характеристики предметов и действий. Количественная оценка может выражаться средствами различных уровней языка: морфемный (хватать—расхватать, целовать—перецеловать); грамматический (использование грамматического значения вида: качать—качнуть, делать—поделывать и числа: песок—пески); синтаксический (Сколько раз Вам повторять!); лексический (человек—толпа, проблема—бездна проблем). Выражение количественного значения на лексическом уровне может происходить как за счет использования слов в их прямом значении (вагон угля), так и при их метафоризации (вагон проблем), во втором случае оно происходит в рамках оценки.

"Резкое разграничение положительного и отрицательного, света и тени, соответствующее деление языковых средств на положительно- и отрицательно оценочные, закрепление их в этой функции составляет отличительную особенность газетно-публицистического стиля" (Солганик Г.Я. Лексика газеты. М., 1981) и накладывает отпечаток на функционирование количественных метафор в газете: метафорическое выражение количества происходит здесь одновременно с выражением качества. Концентрированный характер газетной речи способствует совмещению количественных и качественных характеристик в рамках одного слова: водопад обвинений ("Известия"), водопад дам (Н.В. Гоголь), клубок интриг ("Аргументы и факты"), клубок дел (А. Блок). Социальная оценочность газеты способствует совместному выражению количества и качества (водопад обвинений; клубок интриг—"много, плохо"). В художественном стиле метафорическое выражение количества не предопределяет обязательного выражения качества.

Сопоставим наиболее частотные метафорические именные сочетания в трех функциональных стилях (научном, публицистическом и художественном). Научный стиль: армия слов, арсенал понятий, багаж понятий и слов, ковер цветов, круг глаголов, аппарат суффиксов; публицистический стиль: армия торговцев, батарея мешков, бульон мнений, волна запросов, каскад статей, клубок интриг, обвал заявлений, табун БМВ, колода претендентов, эпидемия травм; художественный стиль: веер ресниц, горох звезд, караван дубов, колос взоров, рой дум, семья гор, стена солдат, флот голов, хор светил.

Как видно из примеров, функциональные стили обладают различными пределами метафоризации. Официально-деловой стиль накладывает запрет на использование метафорических обозначений количества. В научном стиле круг используемых количественных метафор ограничен авторской индивидуальностью, областью научного знания (гуманитарные, точные и естественные науки) и строгостью научного жанра: в строгих жанрах науки метафоричность представлена крайне слабо, в нестрогих—метафорическая образность значительно стерта. Число авторских метафор крайне незначительно. Немногие живые количественные метафоры научной речи встречаются лишь в научно-популярных текстах гуманитарного направления.

В газетно-публицистическом стиле отмечается гораздо большее число живых количественных метафор, чем в научном стиле. Такие именные метафорические обозначения количества, как бульон мнений, табун БМВ, букет перегрузок, полчища насекомых, лес кранов.

именные метафорические обозначения количества, как бульон мнений, табун БМВ, букет перегрузок, полчища насекомых, лес кранов, батарея мешков все чаще появляются на страницах газет. Тем не менее, авторские количественные метафоры в газете – скорее исключение, чем правило. В основном, газетная публицистика ограничивается использованием так называемой клишированной образности, т.е. частотно использует количественные метафоры, которые со временем теряют свое метафорическое значение и переходят в штамп: круг людей, армия торговцев, клубок интриг, цепь поступков, бездна экономичетили проблем. ских проблем.

Отличительной чертой количественных метафор художественной литературы является их уникальность. Наряду с метафорами, переносное значение которых фиксируется словарем (груды вестей, тьма сведений, круг впечатлений), художественная литература, и, в особенности, поэтическая речь, широко использует авторские количественные метафоры, в которых противопоставляется обыденное видение мира необыденному, вскрывающему индивидуальную сущность предмета: колос взоров, горох звезд, хор светил.

Уникальность метафорических обозначений количества в художественной литературе заключается не только в использовании авторских количественных метафор (куст голов, конница нервов), но и в

том, что семантический потенциал метафор художественной литературы шире значения публицистической метафоры. Если количественная метафора в публицистике ограничивается двумя категориальными значениями — количественным и качественным (негативно-позитивным), например, армия торговцев, то метафоры в художественной литературе могут включать в себя несколько значений: пена цветов.

Неодинаков в публицистическом и художественном стиле характер объектов количественной метаморфизации. Художественный стиль: стая тополей (Багрицкий), теней (Заболоцкий), песков (Гумилев), лет (Мандельштам), дубов (Белый), стихов (Ахматова); публицистический стиль: стая ребятишек; художественный стиль: клубок облаков (Жигулин), отрицаний (Мандельштам), дел (Блок), змей (Аверченко); публицистический стиль: клубок проблем ("МК."), интриг ("МК."), дел ("Известия").

Метафоризованные количественные обозначения в газете тематически однородны и в основном сводятся к нескольким лексико-тематическим группам: общетехническая лексика с количественным значением (широкий спектр аппаратуры, цепь поступков); медицинская лексика с количественным значением (эпидемия травм, хроническая безработица); лексика с количественным значением, отражающая реалии животного и растительного мира (лес кранов, стая цыганских детей, косяк девиц); географическая, метеорологическая, астрономическая лексика с количественным значением (волна митингов, каскад статей, дождь наград, море затрат, созвездие ученых, галактика светил, приток фирм, гора заявлений, стальное половодье, река денег, шквал контрактов); лексика с количественным значением, относящаяся к сфере военного дела (батарея мешков, арсенал средств, полчи-ща насекомых, нашествие людей, отряд журналистов, армия торговцев); архаизмы и историзмы с количественным значением (когорта интеллигентов, династия господ, кладезь кинофотодокументов, империя развлечений, клан господ); количественные лексемы со значением геометрической фигуры (круг людей, пирамида диктаторов); бытовая лексика с количественным значением (клубок интриг, багаж ролей, пачки телевизоров); окказиональные количественные лексемы (ворох сведений, горсть женщин, колода чиновников).

(ворох сведений, горсть женщин, колода чиновников). Из глагольных количественных метафор в газете преобладают метафоры со значением покрытия большой площади, наполнения, концентрации в одном месте. При выражении количества глагольными лексемами, помимо лексического, часто задействуется морфемный уровень языка (префикс с количественным значением + количественное значение самой метафоризованной лексемы): облепить: "Цыганята облепили иностранцев со всех сторон"; высыпать: "Словно кем-то заранее предупрежденные, везде навстречу колонне высыпали люди"; за-

³ Русская речь 4/1996

хлестнуть: "Жалобы автовладельцев захлестнули районные суды"; нашпиговать: "Их тела были буквально нашпигованы осколками".

Немногочисленны лексемы, в которых метафорически передается малое количество: *просочиться*: "Не исключено, что опасные порошки каким-то образом просочились в коммерческую торговлю".

В газетных текстах используются также метафоры, реализующие значение количества через значение быстроты, скорости. Например, сметать: "Телевизоры сметались, как колбаса в застойные годы"; лететь: "Гибнут мирные жители. Народ ропщет, летят триллионы рублей, пресса воет. Запад начинает морщиться"; напечь: «Западноевропейский рынок нынче оказался переполнен тысячами стволов, которые за последние десятилетия "напекли" оружейники Чехословакии и Югославии...»

Типичны для газеты и такие глагольные метафорические обозначения количества, как расцвести (беспредел и коррупция расцвели...), заклебываться (город захлебывается от автомобильных выхлопов), душить (душат налоги и неплатежи), погрязнуть (...погряз в грехах).

Авторских глагольных количественных метафор в газете встречается крайне мало (*клубиться*: "Мальчики и девочки клубятся в тесной квартирке до позднего вечера").

Так что количественные метафоры в разных стилях речи неодина-ковы.

КАК ПОЯВЛЯЮТСЯ АРГОТИЗМЫ В НАШЕЙ РЕЧИ

М.А. ГРАЧЕВ, доктор филологических наук

Причины перехода арготизмов в общенародный язык можно объединить в две группы: собственно языковые (интралингвистические) и внешние (экстралингвистические).

Из первого круга причин наиболее значимая — отсутствие в речевом обиходе слов для обозначения тех реалий, которые имеются в среде деклассированных элементов. Особенно много арготизмов используется в художественной литературе, в произведениях, где описывается преступный мир.

Ряд арготизмов перешел в общенародный язык благодаря своей необычайно яркой эмоционально-экспрессивной окраске. Так, лингвист В.Н. Портянникова, отмечая образность и эмоциональность молодежных жаргонизмов, считает, что они "обогащают язык экспрессивными словами" (Портянникова В.Н. Некоторые проблемы лексической характеристики жаргонизмов... Дис. канд. фил. наук. М., 1971). Подойдя к этому утверждению дифференцированно, его можно в определенной степени принять и распространить на роль арготизмов, исключая при этом грубые слова с ярко выраженным антиобщественным значением.

Психолого-педагогические причины. Они больше всего связаны с

восприятием арготизмов молодыми людьми. Молодежь порой тянется к тому, что "нельзя" (Рыбникова М.А. Об искажении и огрублении речи учащихся // Родной язык в школе. 1927. Сб. 1).

Употреблению арготизмов способствует своеобразная мода на блатные слова, подражание, языковой нигилизм. Нередко использование арготизмов является своеобразным протестом против однообразия речи, бюрократических штампов. «Введение блатного слова дает отклонение от обычного, и выражение "винта нарезал" вместо "сбежал" не только поражает своей новизной, но и производит прямо чувственное впечатление» (Малаховский В.А. Изучение детского и юношеского творчества как основа для построения метолики речи // Родной язык в творчества как основа для построения методики речи // Родной язык в школе. 1927. Сб. 1).

Некоторым молодым людям, указывают авторы "Речи в криминалистике и судебной психологии", свойственно «отрицание общепринятых норм, в том числе и речевых. В таких случаях как бы возникает норма "наоборот" – "блат" воспринимается как заведомая "ненорма"» (Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М., 1977).

и судебной психологии. М., 1977).

С другой стороны, переходу арготизмов способствует и недостаток школьного образования. Почти все современные школьные программы по русскому языку рассчитаны на отвлеченного (идеального) учащегося. В школе учат грамотно читать и писать, но почти не обращают внимания на эстетическую значимость русского языка. В школе у молодых людей не формируется стойкое неприятие слов-сорняков, к числу которых относятся и арготизмы. В этом не столько вина, сколько беда школы, так как и в вузах арго почти не изучается. Большинство вузовских учебников нацелены на изучение литературного языка, а ненормированной лексике отведено очень мало места (Малаховский В.А. Указ. соч.).

Е.Д. Поливанов также считал, что переходу арготизмов в речь школьников способствует стремление последних быть похожими на беспризорников и хулиганов. «Отнимите эту психологическую почву, – указывал он, – уничтожьте с корнем обаяние "хулигански-анархического поведения", уничтожьте подражание беспризорному и та языковая надстройка ... падет сама собой» (Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. М., 1931).

языкознание. М., 1931).

Социально-политические причины: войны, мятежи, революции, "перестройка". Известно, что именно в это время происходит падение нравов, усиливается уголовный элемент и влияние его морали, криминализируется правосознание законопослушной части общества, увеличивается вследствие этого количество преступлений, наблюдаются смешение стилей, демократизация языка. Например, подобные процессы происходили во французском языке в эпоху Вели-

кой революции (Сергиевский М.В. История французского языка. М., 1947).

Только в течение нашего столетия общенародный русский язык испытал три нашествия арготизмов: в 10–20-х гг. (этому послужила I мировая и гражданская войны, две революции, беспризорность); в 40–50-х гг. (Великая Отечественная война, амнистия), в конце 80 – нач. 90-х гг. ("перестройка", развал СССР, амнистия).

Е.Д. Поливанов считал также одной из причин перехода арготизмов в общенародный язык революционный пафос эпохи. По его мнению, матросская среда, близкая к портовому "дну", оказалась подлинным авангардом революционного энтузиазма, «... это командное положение "морской братвы" именно и обусловило ее первенствующую инициативную роль в языковой культуре данного момента» (Указ. соч.).

Под влиянием резких изменений в лексике русского языка первых послевоенных лет у некоторых современников создалось впечатление, что образовался новый язык, в корне отличающийся от дореволюционного (Виноградов С.И. Дискуссии о языке первых послевоенных лет. Русская речь. 1977. № 2).

В конце 10 — нач. 20-х гг. была мода на блатной язык. Часть населения считала арго пролетарским языком и сознательно противопоставляла его литературному, "буржуазному" языку и даже обвиняла других в том, что те не употребляют арготизмы (Селищев А.И. Язык революционной эпохи. М., 1928). Любопытно, что ругань с использованием обозначений Бога, Богородицы, ангелов, святых и священников в годы революции была также революционной для деревни (Веселый А. Избранное. М., 1990).

Много уголовников участвовало в трех войнах: І мировой, гражданской и Великой Отечественной. Общаясь с законопослушными солдатами, они привносили в их речь элементы блатного языка.

Во всех трех крестьянских войнах также принимали участие деклассированные элементы: "воровские казаки", "гулебщики", каторжники. Проходя большие территории и общаясь с населением, они также способствовали распространению арготизмов. Например, выражения волжских разбойников сарынь на кичку — "бурлаки, на нос судна", "бить всех"; пустить красного петуха — "зажечь дом в деревне" перешли в общенародный язык во время крестьянской войны под предводительством С. Разина (Грачев М.А. За нами волна: О жаргоне волжских разбойников // Волга. 1994. № 1).

Одной из причин, способствовавших переходу арготизмов в речь социально благополучных школьников, является детская беспризорность. Так, в 20-е годы в стране, по данным Н.К. Крупской, насчитывалось около семи миллионов беспризорников, а в детские дома можно было поместить не более 800 тысяч человек (Крупская Н.К. Педагогич. соч. Т. 2. М., 1978).

Урбанизация. Распространению арготизмов, их проникновению в общенародный язык способствует и рост городов, городского населения, и — следствие этого — уменьшение количества сельских жителей. Вырастают города-конгломераты с более чем миллионным населением. Профессиональная преступность в настоящее время почти полностью концентрируется в городах. Б.А. Ларин считал, что с ростом городов увеличивается число деклассированных элементов и «происходит некоторая "легализация" их» (Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общего языкознания. М., 1977).

Криминогенные городские места (вокзалы, рынки, рестораны, пивные), тесное взаимодействие различных социальных групп в нынешних условиях — все это способствует распространению арготизмов в речи законопослушного населения.

В тех местах городов, где проживают лица, отбывавшие или отбывающие наказание, наблюдается более интенсивный переход арготизмов в общенародную речь. Например, в пос. Северный Автозаводского района Нижнего Новгорода имеются три спецкомендатуры для условно-досрочно-освобожденных, а также большое количество бывших заключенных. Непосредственное наблюдение за речью законопослушного населения показало, что оно гораздо чаще употребляет арготизмы, чем жители других районов Нижнего Новгорода.

Усовершенствование транспортных средств, всеобщая воинская повинность, работа на крупных предприятиях — все это способствует более тесному общению представителей различных социумов и обмену между ними специфическими речевыми средствами, в том числе и арготизмами.

Причины юридические и криминогенные. В сер. XIX — нач. XX вв. совершенствуется система исправительно-трудовых учреждений в России, происходит четкое разделение уголовников в местах лишения свободы на элиту и подчиненных ей. Централизация исправительно-трудовых учреждений привела к тому, что в них стали отбывать наказание представители всех регионов России. В заключении происходил обмен арготизмами, усвоение их непрофессиональными преступниками и, как следствие этого, перенос данных слов в законопослушную среду.

В 20–50-х годах нашего столетия образуется ГУЛАГ, в котором отбывали наказание не только профессиональные или случайно оступившиеся правонарушители, но и ни в чем неповинные люди. Поэтому артолически правонарушители, но и ни в чем неповинные люди. Поэтому артолические правонарушители, но и ни в чем неповинные люди. Поэтому артолические правонарушители, но и ни в чем неповинные люди. Поэтому артолические правонарушители, но и ни в чем неповинные люди. Поэтому артолические правонарушители и и в чем неповинные люди. Поэтому артолические правонарушители и и в чем неповинные люди.

В 20-50-х годах нашего столетия образуется ГУЛАГ, в котором отбывали наказание не только профессиональные или случайно оступившиеся правонарушители, но и ни в чем неповинные люди. Поэтому арго получило распространение «в социально-пестрой среде... им активно пользовались не только "воры в законе", "домушники", "медвежатники" и прочие представители уголовного мира, но и недавние инженеры, совпартслужащие, военные, крестьяне, артисты, врачи, поэты, журналисты, студенты, составлявшие многомиллионное население лагерей» (Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989). Некоторые исследователи арго и писатели, побывавшие в местах лишения свободы, свидетельствовали о глубоком проникновении арготизмов в сознание законопослушных (Шаламов В. Левый берег. М., 1989). Репрессии 20–50-х гг., в результате которых миллионы честных людей оказались в местах лишения свободы, способствовали проникновению арготизмов в речевой оборот всего народа.

В 1917 году Временное правительство объявило всеобщую амнистию: наряду с политическими заключенными вышли на свободу и уголовные преступники. По масштабу амнистию 1956 г. можно сравнить с амнистией 1917 г., хотя она и была неполной. Эти две амнистии не только активизировали преступность в стране, но и послужили толчком для криминализации правосознания и привнесение элементов арго в общенародную речь.

Причины культурно-просветительского характера. Арготизмы популяризируют некоторые журналисты, теле- радиокомментаторы, писатели, актеры, политики, то есть наблюдается принцип пирамиды, когда арготизмы первоначально используются на вершине, а затем спускаются к основанию (Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983). Они начинают употребляться широкими массами людей, которые как бы получают индульгенцию на использование данных слов.

Частое употребление по радио и телевидению блатных слов навязывает населению особое речевое поведение. Опрос школьников и студентов вузов показал, что средства массовой информации — один из главных факторов, способствующих проникновению арготизмов в речь молодежи.

Неоправданное использование арготизмов в художественной литературе также влияет на проникновение арготизмов в общенародную речь. Подобное явление наблюдалось в 20-х годах нашего столетия, когда появилось много романов, повестей, рассказов, стихотворений с большим количеством арготизмов (см., например, роман Л.М. Леонова "Вор", повести В.А. Каверина "Конец хазы" и В.Я. Шишкова "Странники". В небольшом стихотворении И. Сельвинского "Вор" имеется 18 блатных слов, делающих его непонятным для читателя).

Нижний Новгород

Старомосковский глоссарий

В.С. ЕЛИСТРАТОВ, кандидат филологических наук

Значение слова глоссарий примерно таково: это толковый словарь устаревших, диалектных и редких (окказиональных) слов. Глоссарии обычно пишутся к древним и "темным" текстам, которые трудно понять "обычному" человеку. Но мы говорим о "старомосковском глоссарии" метафорически. Тексты о старой Москве (например, книги В. Гиляровского) нам как раз читать нетрудно, даже очень легко и интересно. Книга любого москвоведа — это захватывающий письменный комментарий к быту и языку старой Москвы. Это — элемент реконструкции некогда существовавших речи и быта. Реконструируют же филологи хеттский, шумерский или древнеегипетский языки. Почему же не реконструировать язык нашего города столетней давности?

Конечно, вроде бы это тот же русский язык, примерно с той же грамматикой и лексикой. Но это только на уровне общих норм литературного узуса. Но как только начинаем погружаться в толщу повседневного быта наших московских предков, то вдруг оказывается, что мы как-то и не очень их понимаем. Жизнь состоит из каждодневных мелочей, из, казалось бы, ничего не значащих, "бренных" разговорных словечек. Все это нам известно меньше всего, и как раз это мы пытаемся по крохам восстановить из огромного моря текстов (художественных произведений, мемуаров, записок, дневников, газетных фельетонов и т.д. и т.п.). Наша задача не написать комментарий к имеющимся текстам, а по ним попытаться восстановить реальный облик живого, повседневного старомосковского языка и быта.

Здесь нам хотелось бы бегло осветить лишь один из аспектов этой проблематики: дать характерные образцы старомосковской разговорно-смеховой стихии. Речь москвичей прошлого и первой трети нашего веков (именно таков диапазон предлагаемого здесь материала) поражает своей меткостью и остротой восприятия мира. Москвичи всегда были склонны к емкому и сочному острословию, причем это острословие не было самоцелью. Шутка, смеховая образность органически входили в быт как его составная, неотъемлемая часть: парикмахер, не развлекавший своим острословием клиента, рисковал потерять его, неостроумный торговец в конечном счете не продавал своего товара.

В старой Москве все стремились острить, расцвечивать речь приговорками, смешными пустословицами и т.п. Даже могильщики и "тельные сторожа" (сторожа моргов) создали свой яркий смеховой фольклор. Радость, царившая в старой Москве, поразит каждого, кто хотя бы поверхностно прикоснется к этому миру. Страшнейшим из смертных грехов у наших предков был, пожалуй, грех уныния. Вся структура низового старомосковского быта (вопреки, кстати, "антимещанским" концепциям сначала продворянских, а позднее — нигилистических и официальных просоветских литераторов) была направлена на радость, смех, созидание. Достаточно непредвзято перечитать мемуары таких москвоведов, как Е. Иванов или хорошо известные всем тексты А. Островского и И. Щмелева. Лингвистический и бытовой облик старой Москвы во многом искажен предвзятыми интерпретаторами и толкователями. Такие штампы, как "Кабаниха", "Дикой", "темное царство", "замоскворецкие ханжи" и т.п. — все это идеологические призраки, но отнюдь не истинная история.

Старомосковская живая речь — феномен уникальный и еще очень мало изученный. В последнем квартале 1996 года мы собираемся опубликовать первый опыт лексикографического исследования старомосковского языка. Издательство "Русские словари" планирует выпустить в свет наш "Словарь старомосковского языка и быта" (объем около 40 п.л.), в котором будут обработаны самые различные материалы москвоведов-бытописателей (В. Гиляровского, П. Боборыкина, И. Кокорева, Е. Иванова, П. Богатырева, А. Островского и многих других). Однако для достаточно полного освещения быта и языка старой Москвы необходимы десятки подобных работ. Данная тема неисчерпаема, старомосковский глоссарий — вселенная, объять которую — дело нелегкое.

В данной небольшой работе мы, разумеется, не в силах наглядно и полно развернуть всю необходимую систему лингво-этнографической аргументации. Надеемся, читатель обратится к "Словарю старомосковского языка и быта". Здесь же приведем лишь некоторые образцы старомосковской смеховой стихии, той низовой, площадной разговорной образности, которая, как нам кажется, говорит сама за себя. Надеемся, образцы из глоссария старой Москвы будут небезынтересны современному читателю.

азовские басни – ложь, обман алхимик – жулик ангел в бархате – скромник англичанин – туалет, уборная антикварвар – антиквар арбуз – нажившийся на мастерах хозяин аршин – большая селедка атмосфера – дурной запах, вонь, зловоние

ах, ах, комплимент в стихах - франт, ухажер

баба с калачом – богиня славы с венком на триумфальных воротах бабьей спины друг – банный веник

бабушки наши на одном солнышке чулочки сушили – о мнимом родстве баран лохматый – доверчивый, наивный человек

барин - чирий

Бахарева Сушня - Сухарева башня

благостыня - живот

блудуар – будуар

бляха - городовой

боженята - иконы

божий дар - лысина

божий бык - дурак, простофиля

большая - тысяча рублей

брат меньший — чиновник, стоящий ниже на служебной лестнице *брыкаловка* — дешевое вино

Брысь! – крик, которым в московских театрах выгоняли со сцены плохого актера

бухвостить языком - болтать

важнючка - заносчивый человек

вентилятор - шулер, который проиграл и возмущается

ветрогон - клиент, не дающий на чай

ветряное гумно - лысина

взасос читать с большим интересом (о газетах)

византийцы - сторонники традиций, консерваторы

вместиться в дело – научиться ремеслу

воробья причащать - пить помалу

вприкуску говорить – говорить, употребляя много слов-паразитов врозь полэти – толстеть

всклычка - трепка

в черновом виде - в пьяном виде

вша в прическе Аполлона - плохой, но тщеславный поэт

вывеска - нарядная женіцина

выворотить кафтан - не заплатить долгов

вызвездить - сказать истину, открыть глаза

вязка - финансовое соглашение

гаврилка - манишка

гасильник - консерватор (ср. "светильник")

генерал от драки - скандалист

глаза в зубы взять – сосредоточиться, внимательно смотреть

голик - никчемный человек

головорукий – предприимчивый человек

голос из оврага – реплика из зала

голубя пустить - намекнуть

горами качать - распоряжаться большими капиталами

грызик – мелкий хозяйчик

губернаторствовать – шуметь, напившись

дачник – нищий, живущий летом на газоне, в парке и т.п.

девья коса – священник

девятиногая буфетчица из помойной ямы – ворона

дрань – бывалый охотник, которого "драл" медведь

дрожемент - страх

душу на покаяние пустить - вызвать рвоту

есенинский коктейль - водка с пивом

есть собак по икроножной части – быть балетоманом

жевать во сне онучи - бедствовать

жир закопался - о человеке, желающем получить лишнее, о жадине

жулик - маленькая бутылочка со спиртным

забирательное - крепкое вино

загородиться - не участвовать в совместной попойке

зайцы - биржевые работники

замком по морде – заместитель комиссара по морским делам (прозвище Л. Рейснер)

зашиваться – увлекаться

зверье – вши

змеиный глаз – опытный торговец

змея чукотская – бранное

изъяниться – сильно тратиться

индейский петух – разорившийся, но продолжающий чваниться дворянин

как рыжик в уксусе - как белка в колесе

канарейка - неверная жена

карась - тот, кто оплачивает попойку

качательность - неопределенное положение

кирпич в сюртуке - нелюдимый, угрюмый человек

кисляй кисляич - слабохарактерный человек

китаизм – удовольствие, получаемое от чая

клеевар копытный – неопытный реставратор

клопосдохс - дешевая сигара

комодная архитектура - т.н. купеческий, тяжеловесный стиль

конфетный язык – язык рекламы

копейка гвоздем прибита (у кого-л.) - о жадном человеке

костяная яичница – скупец

краснокожие - большевики

кубические цены – высокие цены

куценосый – ограниченный, некультурный человек

лачком покрывать - пить пиво после водки

лихорд - рекорд

лоском лежать - быть сильно пьяным

лучезарные щепки - декаденты-символисты

лысина в кармане - нет денег

мазепы - торговцы с Украины

мордальон - медальон

марксистка - мужская прическа с длинными волосами

марксята - марксисты

мать бегом родила - о проворном, подвижном человеке

мертвой чашей пить - запойно пить

мильоном глазки протереть - промотать большие деньги

могила любви - брак, свадьба

мордография – лицо

Москва на воде - пустая похлебка

мочальная сбруя - дешевый извозчик

мухобой – крепкий табак

надворный советник - дворняжка

на колу у турка встретит троюродную тетку – о человеке, у кото-

рого всюду родственники, знакомые, связи

наливной - толстый

намосквичиться - освоиться в Москве

народы – просители (у чиновников)

насандалить нос - напиться

нахальные - о большой сумме денег

невест выплясывать - часто бывать на балах, вечерах

носоногий - с большим носом

обжигать - обгонять (на санях)

обмывать копытца – выпивать в конюшне (у жокеев)

обрезанье - цензура

обуй очи – смотри внимательно

объедки в салфетке – официант

орган - организм

осман-паша - полицейский

отворяйло и запирайло – швейцар

отдыхать – быть в запое (у портных)

откровение - декольте

отчаюта - отчаянный человек

палую суку за хвост тянуть – лечить безнадежно больного человека

(у цирюльников)

парить сухим веником - бить розгами

пасквильмахер - пасквилянт

певунчик - самовар

пеньковая гвардия - будочники

перевертываться - менять фамилию с еврейской на русскую

перец горошчатый – человек с трудным характером

перчаточник - неженка, белоручка

пеструшечки – деньги

пирамидальный – гордый, надменный, глядящий свысока

плутище о семи пальцах – пройдоха

погонялка – извозчик

подняться с подошвы - разбогатеть

подсвистывать - подхалимничать

покойников в сортир водить – о плохой музыке

полечиться чем ущибся – опохмелиться

полоскание зубов – прелюдия (у музыкантов)

порхать по работе - быть профессионалом своего дела

поумнеть - стать чистой (об улице, у дворников)

похожалка - повседневный костюм

поцарапаться – испытать любовное увлечение

предвкусие - первое впечатление

прикосновенен - о человеке, любящем выпить

принудительный ассортимент – "блеклый", "бесцветный" муж преус-

певающей, популярной в обществе жены

проспект на свалку – спина

протереть глаза денежкам – пропить

профессор гребенки – парикмахер

пузанос – толстый человек

пупком вверх лечь - умереть

пятками вперед жаловать - хоронить

рабочее колесо - много работающий человек

разрумянивать - ругать, ругаться, браниться

рублем прост буду – чтоб мне с этого места не сойти

рыба-спутница – поклонница какого-л. писателя

салфетка – официант

сальник - живот, брюхо

самоварно-калачный – патриархальный, консервативный, мещанский

сатанинская кровь – спиртное

сбрыкнуть с жирку - похудеть

святые места – распивочные заведения

сёмар - семинарист

сердяга - сердечный, закадычный друг

сесть на черный камешек - разориться

скоробрех - пустомеля, болтун

сногсиибаловка - водка

собаку через "ять" писать - быть неграмотным

спичка в нос - обилное слово

статуй небесный - городовой

сухими брать - брать взятки деньгами, а не "натурой" (подарками) тараканолюбцы - хлебные промышленники Москвы

твердая любовница - постоянная

телесный - толстый

товар в расход пустить – подготовить (одеть, причесать и т.п.) невесту к свадьбе

трем свиньям корму не раздаст – никчемный человек

трехпогибельный - о плохом тротуаре

трехчетвертинка - толстая жена

трясучка - жадина

тугие харчи - скудная пища

угостить чем ворота запирают - прогнать со двора

узкорожий - интеллигент, аристократ, который чванится

укомплектовать - избить

ушиб – запой

Филипп сбоку прилип – надоедала

фунт дыму – ерунда

хвост в зубы взять - прикусить язык

храм обжорства - Елисеевский магазин

храпесидии - ягодицы

хребтом вилять - кокетничать

чай испить с лица заказчика – добиться от заказчика, клиента, чтобы он дал на чай

чекушка – ЧК (Чрезвычайная комиссия)

человек без дна - пьяница

червонный валет - аферист

червячок - червонец

чёрствые ребята – плохо продаваемые книги

чёрта за уши подержать - уйти в запой

чухонский мозг - о глупом человеке

шарики на блюде поднести – обеспечить победу на выборах в Думу

шаркнуть - продвинуться по службе

шелохнуть - произвести впечатление

шестиствольная пустомеля – ужасный болтун

шиш-голь – бедняк

шлепохвостая тварь – проститутка

штабс-маляр - критик, журналист

щетину на копытах брить - быть плохим парикмахером

щи – хоть портки полощи – о плохой пище

эгоистка - одноместная пролетка

юс - юрист

язычник - красноречивый адвокат

БЛУЖДАЮЩИЕ ОГНИ

О РЕДКИХ И РЕДЧАЙШИХ ФАМИЛИЯХ

А.В. СУПЕРАНСКАЯ. доктор филологических наук

В США проводился машинный учет всех фамилий, встречающихся в стране. Оказалось, что у половины жителей – небольшое число достаточно частотных фамилий, а у другой половины – практически необозримое количество редких и редчайших. Подобным учетом в нашей стране никто не занимался, но выборочный анализ показывает, что и с русскими фамилиями дело обстоит таким же образом.

в предыдущих очерках мы говорили о фамилиях, происхождение которых понятно. Такие фамилии неоднократно повторены в разных семьях, а их написание и произношение более или менее стабильны. Теперь обратимся к редким и редчайшим фамилиям, которые зафиксированы в документах некоторых людей, и, стало быть, они существутия и произношение бака в произношение обратимся и произношение обратимся к редким и редчайшим фамилиям. ют. Но встречаются они в языке настолько редко, что их как бы вовсе нет. Если они употреблены изолированно, без пояснительных слов, то не каждый поймет, что это фамилия.

Мир имен

В ясную ночь над нами горят мириады звезд. Среди них есть крупные, яркие. Их не очень много. И есть множество едва различимых, составляющих фон особо крупным. Мир окружающих нас собственных имен подобен звездному. Одни имена хорошо известны благодаря тем, кто ими зовется. Они часто встречаются в текстах разных жанров и служат хорошими ориентирами в пространстве и во времени. Так, Архимед или Аристотель напоминают нам о древнегреческой науке, об отдаленной эпохе, Лондон ассоциируется с одной из столиц мира, а Джек Лондон – с американской литературой, со смелыми людьми и заснеженными просторами.

Другие имена не известны за пределами тех мест, семей или специальных областей знания, где они употребляются. Но они также существуют в языке и составляют фон, на который проецируются более известные.

Фамилии как особый класс собственных имен, нередко тесно сближаясь с именами личными и географическими названиями, остаются самими собой из-за своей особой системности и специфики своего

функционирования. Среди них есть такие, форма которых ассоциируется в первую очередь именно с фамилиями (Иванов, Захарьин, Новгородцев), а есть иные, не отличающиеся по форме от обычных прилагательных (Маленький, Красная, Невский), от числительных (Первая), от существительных (Ступа, Малина), от глаголов и причастий (Брей, Брит, Сладь, Нестреляй), и есть вообще непохожие ни на одну часть речи (Баг, Бан, Башуп). Происхождение их неясно, а облик непроизвольно искажается, потому что люди их не понимают и не связывают с какими-либо словами или реалиями, хотя и стремятся к этому. В них часто делаются опечатки, описки (Башуп из Башун). Такие фамилии подобны блуждающим огням, которые то, казалось бы, приближаются и становятся яркими, то удаляются и едва мерцают.

Немного психологии

Когда учительница в классе, знакомясь со своими учениками, вызывает их по фамилиям, всегда найдется какой-нибудь комментирующий умник: Гусев – Гусь, Киселев – Кисель или Киса, Андрейчиков – Андрей-Чик-Чик. Так умник сам запоминает фамилии посредством филологических зацепок, а заодно и развлекает класс. Одному маленькому мальчику купили игрушечную машину с надписью Беларусь – слово непонятное. Он тут же превратил его в Белую Марусю, сделав для себя понятным. Поиск знакомого в незнакомом постоянно сопровождает процесс познания. Для "слабых" слов подыскиваются более "сильные" опорные, благодаря которым происходит запоминание. А поскольку среди фамилий немало таких "слабых" слов, при запоминании их ассоциации играют не последнюю роль.

слова слова слова слова слова слова слова слова при запомилати по ассоциации играют не последнюю роль.

О фамилиях говорят как о десемантизированных, т.е. лишенных своего первоначального значения словах. Ведь от какой бы основы ни была образована фамилия, ее главное значение и назначение — выделение личности из массы остальных. Значение основы фамилии лишь помогает ее запомнить, но отнюдь не характеризует человека: Мокроусов не ходит с мокрыми усами, а если это Мокроусова, то и усов у нее нет. Горохов не питается горохом и не ходит в "гороховом" пальто, а у Краснова не обязательно красная физиономия. Чем менее ярко значение основы фамилии, тем она более абстрактна, тем ближе к условному знаку, к чистому звучанию, не подкрепленному смысловыми ассоциациями. Но такова особенность нашего языка и восприятия его людьми: чистым звучанием, подобным музыкальным нотам, мы не довольствуемся и продолжаем поиск смысла даже там, где его нет.

Самые короткие фамилии

Нами проведен сплошной анализ фамилий, образованных от неясных основ, у жителей Москвы. Москва — особый город, расположен-

ный на пересечении дорог, ведущих на восток и на запад, в ней живет много иностранцев, чьи фамилии мы по возможности отсеивали. Обнаружилось два типа фамилий от неясных основ: 1 – имеющие традиционное для русского языка оформление ($A6\kappa uh$, Ahob) и 2 – не имеющие такого оформления (A6, Ah). В последнем случае возможны недописки, усечения или вообще особые образования, но их невозможно отбросить как нерусские, потому что вокруг них создались русские словообразовательные гнезда, и основу таких гнезд составляют именно эти неясные фамилии. Так, фамилия A6 подкреплена календарным именем A6o и упомянутой фамилией $A6\kappa uh$, образованной от фамильярной формы этого имени $A6\kappa a$. Приводим неполный список неясных коротких фамилий на букву B. Курсивом даны подкрепляющие ее фамилии:

Баг – Багон, Багуш, Багута. Баганик; Бадо – Бадов, Бадюк; Базь – Базых, Базюк; Бай – Байко, Байков, Байчук; Бак – Баков. Бакин, Бакий, Бакой; Барг – Барган, Баргин, Барк – Баркан, Барковец, Баркович, Барковой, Барковский; Бас – Басак, Басюк, Басик, Баско, Басон, Басюра, Басов; Бать – Батюк, Батюня, Батский; Бах – Бахан, Баховец, Бахеко, Бахов, Бахун; Бахта, Бахто – Бахтин, Бахтов; Бач – Бачай, Бачко; Баш – Башун, Башук, Башев, Башенко; Бевз, Бевза – Бевзюк, Бевзенко: Бега – Бегай, Бегак, Беган, Беганов, Бегин, Бегасов, Бегичев, Бегишев, Беганский; Безь, Безя – Безик, Безейко, Безак; Биль – Билич, Билик, Билин; Биск – Бискун; Бит – Битко, Битяй, Битный, Битов; Биц – Бицко, Биценко, Бицуев, Бицюк; Бот – Ботан. Ботко, Боташев, Ботов, Ботнев; Буз, Бузо – Бузук, Бузько, Бузин, Бузов, Буй – Буйко, Буев, Буевич, Буевцев, Буйкин; Бук, Буко – Букач, Букан, Буковец, Буков, Букович, Бучик, Бучко, Бучный, Букарь, Букас, Букин; Бурд, Бурдо, Бурда – Бурдон, Бурдун, Бурдыга, Бурдаков, Бурданов, Бурдасов, Бурдастиков, Бурдастов, Бурдин, Бурдов, Бурдынь.

Обратим внимание на словообразовательные особенности этих "странных" фамилий. В них отражены древнерусские семейные отношения, в значительной мере утраченные в наши дни. Так, суффиксы ук, -юк, -чук обозначали (а в некоторых местах и сейчас обозначают), что включающие их имена относятся к детям человека, в чьем имени этого суффикса нет: Бадюк – сын человека по имени Бад или Бадо; Бевзюк – сын Бевза; Бузук – сын Буза; Бицюк – сын Бица. О том же свидетельствовали суффиксы -ик и -ек: Басик – маленький Бас; Бучик – маленький Бук, как теперь иногда говорят, "второе издание" человека по имени Бас или Бук. Суффикс -овец свидетельствует о том, что перед нами человек из дома и рода того, в чьем имени этого суффикса нет: Буковец – из дома Бука; Барковец – из рода Барка. Наконец, сохранившийся до наших времен суффикс -ич (-ович) оформляет имено-

вание сына по отцу (то, что сейчас называется отчеством): Баркович,

вание сына по отцу (то, что сейчас называется отчеством): Баркович, Билич, Буевич, Букович.

Такие фамилии, как Бинкин, Бинов, Биненко, заставляют думать, что была (а может быть, у кого-нибудь и сейчас есть) фамилия Бин. И таких фамилий или прозваний должно быть немало, но они очень редки. Не исключено, что это древнейшие дохристианские (языческие) имена славян. Они были у русских, украинцев, белорусов, поляков, литовцев, частично – у германцев, с которыми тесно контактировали балтийские и славянские народы. Так, с основой буг- у русских отмечены фамилии Буг, Буга, Бугарь, но фамилия Буга есть и у литовцев. Фамилия Буга и Бирк есть и у немиев правда вуслят они в абсолютно разные лии Бах и Бирк есть и у немцев, правда входят они в абсолютно разные словообразовательные ряды: у русских — Бахов, Баховец; Бирков, у немцев — Бахер, Бахманн; Биркнер.

Именная непрерывность
При сплошном анализе фамилий мы встречаемся с интересным явлением, которое можно назвать именной непрерывностью, когда имена личные, фамилии, географические названия и обычные слова столь тесно примыкают друг к другу, что занимают практически все возможные звуковые (буквенные) сочетания и позиции в нашем языке.

Покажем именную непрерывность на материале некоторых русских фамилий на м-.

фамилии на м-.
От имени Максим, помимо Максимов, есть фамилии Максимин, Максимачев, Максишин, Максимкин. Максимычев, Максимец, Максичев, Максимец, Максичев, Максимец, Максичев, Максимец, Максичев, Максимец, Максичев, Максин и через о — Моксин, Моксяков. Последние образования вплотную примыкают к возможным производным от слов макса, мокса "рыбыи потроха" и мокс, мокса "туго свернутый кусок хлопка, ваты, тряпок, сжигаемый знахарем на теле больного при ломотах или параличе". Однако образование фамилий от имен личных бо лее вероятно.

лее вероятно.
От имени Макрина и его варианта Макрида образованы фамилии Макрина, Макринин, Макрынин, Макридов, Макрынов и через о — Мокридов, Мокринцев, Мокринский. Окончание имени Макрина аналогично окончаниям фамилий Самарина, Соломина, Катина, а само имя малоизвестно, откуда фамилия Макрин (у некоторых мужчин). Словообразовательное гнездо фамилий от имени Макрина пересекается с гнездом фамилий, производных от прозвищного имени Мокрый/Мокрой, куда входят фамилии Мокренский, Мокренских, Мокрий, Мокрецов, Мокров. В результате теряются границы обоих словообразовательных гнезд тельных гнезд.

В церковных календарях есть малоизвестное имя *Мар* с вариантами *Марий*, *Марей*, *Марес*, *Маресий*, откуда фамилии *Мар*, *Марр*, *Марич*, *Марычев*, *Марец*, *Марцев*, *Марук*, *Мареев*, *Мариев*. Их словообразова-

тельное гнездо пересекается с гнездом фамилий от имени Мария, где, кроме Марьин, есть Марьев, Марийко, Марьюшкин, Марьинский, Марюнин, Марюмин, Марюхин, Марюшко, Марюшин, Маряшин, Марьяш. Казалось бы, непомерно большое число фамилий, производных от ласкательной формы имени Мария — Маня — Манев, Манеев, Маник, Манейчик, Маньшин и через о: Монин, Монич, Монов, Монко в большинстве своем возводятся к малоизвестному календарному имени Мания (с безударным а, откуда написание через о). Само по себе обилие этих образований подтверждает то, что имя Мания в прошлом было довольно известным.

От имени Марк известны фамилии Марк, Марков, Марков, Маркин, Марковец, Марковцев, Маркович, Марковичев, Маркуши, Маркухин, Марочкин, Марочко, Марчик, Марчук, Марушко, кроме того, через о: Морков, Моркушев, Морочко. В результате — смешение с гнездом фамилий, производных от прозвищного имени Морковь, Морковка: Морковин, Морковкин, Морковников, Морковский (но есть и Марковский).

Тесно смыкаются словообразовательные гнезда фамилий, образованных от малоизвестного календарного имени Март с вариантами Мартий, Мартей и более известного имени Мартын, Мартин: Мартов, Мартеев, Мартёхин, Мартников; Мартынов, Мартинов, Мартынко, Мартын и Мартын.

Омонимия

Широко представленная в нашем языке омонимия, т.е. разное значение слов, звучащих одинаково (лук, который едят и из которого стреляют), осложняет поиски истоков фамилий. Может быть омонимия имен нарицательных: трус, кто всего боится, и трус землетрясение, омонимия имен собственных и слов общего языка: Мишка — производное от Михаил, мишка — детская игрушка, "Мишка" — сорт конфет, Мишка — кличка медведя. Возможна также омонимия имен собственных: Дима — сокращенная форма имени Дмитрий. В старину было и самостоятельное календарное имя Дима. Фамилии Вареня, Вареха могут быть производными и от имени Вар и от Варвара. Петя — в русском языке — сокращенная форма имени Петр, а в болгарском — самостоятельное женское имя. Так что фамилия Петин теоретически возможна от обоих имен.

От имени *Харитон* – самая распространенная фамилия *Харитонов*, есть также *Харитошин*, *Харитошкин*, *Харитончик*, *Харитончиков*. В прошлом была также сокращенная форма этого имени *Харя* с вариантом *Харько*, откуда фамилии *Харин*, *Харьков*. Фамилия *Хорьков*

(через о) может быть в равной степени производной от прозвищного имени Хорёк и от Харько/Хорько, производного от Харитон.
От имени Павел наиболее частотная фамилия Павлов, есть также Павликов, Пашин, Павшин. Была еще стяженная форма этого имени Пал (сравните, как звучит в беглой речи сочетание имени и отчества Пал Палыч), откуда фамильярная форма имени Палка и фамилия Палкин, которую сегодня мы сопоставляем со словом палка.

Фамилия Охромеев не связана с глаголом охрометь, стать хромым. Она образована от одной из многочисленных народных форм имени Варфоломей. Фамилии Лактионов и Локтионов не имеют отношения к локтю. Они образованы от народных форм церковного имени Галактион.

Встречающаяся фамилия Лимонов, возможно, образована от назва-Встречающаяся фамилия Лимонов, возможно, образована от названия экзотического для России плода. Но настораживает, что нет фамилии Апельсинов (апельсин и лимон для России плоды, в равной мере редкие). Ю.А. Федосюк высказывал предположение, что Лимонов может быть усечением от Филимонов. Это вполне вероятно. Но в материалах Иосифо-Волоколамского монастыря встретилось обозначение должностного лица лимонис — вроде садовника, а словом "Лимонарь", или "Цветник", называлось церковное сочинение — позднейшая редакция памятника XII века "Патерик Синайский", изданная в 1627 году в Киеве Симеоном Соболем. Слово лимон в греческом языке означает "луг, пастбище". Поэтому фамилия Лимонов может быть также своеобразным "переводом" фамилий Луговой, Луговцев, Луговской, что практиковалось в духовных семинариях.

Анализ фамилий от неопределенных, неясных основ обнаруживает их словообразовательные связи с более "сильными" и распространенными фамилиями. Это позволяет выявить различные формы имен личных, неактуальных сейчас, которыми звались в прошлом наши предки. Не имея опоры в общеупотребительных словах и именах, такие фамилии нередко становятся жертвами произвола людей, старающихся их "подредактировать", как, например, фамилию Шулятиков (от Шуляк, Шулятик – прозвание левши) превращают в Шулятников – по названию коррумия устативка нию коршуна-утятника.

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ*

Г.П. СМОЛИЦКАЯ, доктор филологических наук

Красная Пресня (Краснай Пресня). Мокшанский поселок в Мордовской республике. Основан в 1931 году. Название дано в память о боях на Красной Пресне в Москве в 1905 году. Поблизости мокшанско-русский поселок Красная Пресня. Как считает И.К. Инжеватов (Топонимический словарь Мордовской АССР), это название дано в память трех революций, в которых участвовали рабочие Красной Пресни в Москве.

краснопресненцы

краснопресненский, -ая, -ое

Красная Яруга (1958). Рабочий поселок в Белгородской области. Название составное, отражает природные особенности местности: красная "красивая" или "красная, красноватая по цвету" и яруга (еруга) "овраг, буерак; балка, образованная в известняках Среднерусской возвышенности, заросшая лесом или кустарником и поэтому переставшая расти"; отмечено В.И. Далем в бывшей Тульской губернии (Даль. Т. IV). Слово в форме яруг (еруг), яруга известно на огромной территории всего славянства в разных значениях от "углубления в почве" до

^{*} Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1994. №№ 4-6; 1995. №№ 1-6; 1996. № 1-3.

"лужа", "ключ, родник". Довольно активно ведет себя в топонимии, точнее в микротопонимии, как название небольших речек, вероятно, носящих сезонный характер, протекающих по дну оврагов (яруг). На центральной территории России оно распространено к югу и юго-востоку от Москвы.

краснояружцы, краснояружец

краснояружский, -ая, -ое

Красноармейск (1947). Город в Московской области. Возник как рабочий поселок при бумагопрядильной фабрике Лепешкина, получившей название *Воскресенская мануфактура*. В советское время фабрика названа *им. Красной Армии и флота (Крафт)*, и поселок, впоследствии город, стал называться в связи с этим *Красноармейск*.

красноармейцы, красноармеец

красноармейский, -ая, -ое

Красного́рск (1940). Город в Московской области. Возник как рабочий поселок на основе села Банька (на реке Баньке), получивший в 1932 году название *Красногорск*, т.е. "красный, революционный город" как символ Октябрьской революции 1917 года. Надо иметь в виду, что основа *красн*- в составе топонима может иметь и старое русское значение "красивый". Ср. город *Красноярск*, *Красная площадь* и т.п.

красногорцы, красногорец

красногорский, -ая, -ое

Краско́во. Дачный поселок в Московской области. Название, видимо, дано по фамилии владельца.

Здесь на даче в разные годы жили А.М. Горький, Вл. Гиляровский, бывали А.П. Чехов, А.И. Куприн, Ф.И. Шаляпин.

красковцы, красковец

красковский, -ая, -ое

Красное Село. Город в Ленинградской области. Название прозрачно: *Красное* "красивое", *село* "тип поселения".

По сведениям историков, в 1882 году А.В. Можайский проводил здесь испытания своего, первого в мире самолета.

красносельцы, красноселец

красносе́льский, -ая, -ое

Красное-на-Волге (1957). Рабочий поселок в Костромской области. Обращает на себя внимание древний способ словообразования, известный, например, у западных славян и сейчас (ср. Чиерна-над-Тисой). По этой модели образуются и более поздние русские топонимы: Камень-на-Оби, Комсомольск-на-Амуре, Ростов-на-Дону. Это своеобразное уточнение местонахождения (как правило, по реке) добавляется в том случае, если имеются одноименные аналогичные объекты. Красное "красивое" – как название широко распространено в русской топонимии — Красная площадь (во многих древнерусских городах), село Красное (в Белгород-

ской, Липецкой, Кировской и др. областях России; в Белоруссии) и др.; -на-Волге — уточнение местонахождения именно этого, в прошлом известного села, центра старинного русского промысла — ювелирного дела. красносёлы, красносёл, красносёлка и красносёльцы, красносёлец

красносельский, -ая, -ое

красносельский, -ая, -ое **Краснозаво́дск** (1940). Город в Московской области. Первоначальное название – *Краснозаводский* (Загорский) рабочий поселок (1939). Название прозрачно: *Красный* в составе этого топонима значит "революционный", "советский" как символизирующий развитие нашей промышленности + завод – и суффикс -ск. краснозаво́дцы, краснозаво́дец

краснозаводский, -ая, -ое

Краснослободск (1627). Город в Мордовии. Название образовано из двух частей – *Красная Слобода*, так назывался этот город до 1780 года. *Красный* "красивый", *слобода* "тип поселения, жители которого пользуются определенными льготами от государства", например, освобождаются от каких-либо пошлин, поборов, обязательных работ.

О красоте этих мест писали известные русские историки и литераторы (Инжеватов. Указ. соч.).

краснослободцы, краснослободец

краснослободский, -ая, -ое

Кра́сный Холм (1776). Город в Тверской области. В названии отражены природные условия местности: *красный* "красивый", *холм* "возвышенность, холм". Апеллятив *красный* в этом значении довольно активен в образовании русских топонимов, как вся терминология рельефа, поскольку рельеф местности играл большую роль при основании селения и вообще в жизни человека.

краснохолмцы, краснохолмец

краснохолмский, -ая, -ое

Кра́сный Яр (**Красно́й Яр**). Эрзянский поселок в Мордовской республике. В названии отражены природные особенности местности, где находится поселок: *яр* "крутой берег, обрыв", *красный* "красноватый цвет почвы". Такое же название имеют еще два русских населенных пункта в Мордовии.

красноярцы, красноярец, красноярка

красноярский, -ая, -ое

Кратово. Поселок городского типа и железнодорожная станция в Московской области. По сведениям Е.М. Поспелова (Имена городов: вчера и сегодня), назван по фамилии первого комиссара Московско-Рязанской железной дороги И.А. Крата (1895–1923). Первоначальное название поселка *Прозоровский* по фамилии князя А.А. Прозоровского-Голицына, на земле которого в 1809 году была установлена железнодорожная станция Прозоровская. Кратово возникло в результате объединения поселков Прозоровский и Юбилейный.

кратовцы, кратовец, кратовка

кратовский, -ая, -ое

Кре́ни. Деревня в Ленинградской области. Исследователи выводят название из новгородского слова *крень* "полоз от саней", *крени* "сани". Оно широко известно в северных и северо-западных диалектах русского языка в разных значениях, среди которых "сани с полозьями из цельного дерева" и "сани с широкими полозьями для летних полевых работ" (СРНГ. Вып. 15). Вероятно, подобные сани (*кре́ни* или *крени́*) использовались для перетаскивания мелких судов, так как около деревни когда-то проходил волок из бассейна реки Луги в бассейн Плюссы.

кренинцы, кренинец

кренинский, -ая, -ое

Крестцы (1776). Рабочий поселок в Новгородской области. Название образовано от слова крестцы "перекресток дорог, развилка" (в городе – перекресток улиц); селение возникло у перекрестка или развилки дорог. Крестцы (Кресты), Крестец и т.п. активны в русской топонимии, поскольку перекресток дорог – важное место в жизни человека; на перекрестках ставили знаки, предостерегающие от чего-л., показывающие направление и т.п. Часто на перекрестках ставили часовни, это было местом поклонения.

– В поселке имеется фабрика "Крестецкая строчка", на которой продолжает развиваться старинный народный промысел – изготовление строчевышитых изделий, так называемая крестецкая строчка.

крещане, крещанин, крещанка

крестецкий, -ая, -ое

Крещане – лапотники. Речь идет о том, что крещане по бедности своей обувались в лапти – обувь, сплетенную из лыка, коры деревьев. Кречевицы (1935). Рабочий поселок в Новгородской области. На-

Кречевицы (1935). Рабочий поселок в Новгородской области. Название несомненно связано со словом *кречет* (*кречат*, *кречень*, *кречин*) "ловчая птица кречет". Форма топонима во мн. числе дает основание предположить, что это было поселение кречетчиков (кречатников) "охотников, которые ловят и обучают для охоты птиц кречетов". Аналогичное *Сокольники* (в Москве, Тульской и Калужской областях) "поселение людей, которые добывают и обучают для охоты птиц соколов".

кречевики, кречевик (?)

кречевицкий, -ая, -ое

Кривко. Поселок в Ленинградской области. Как пишет С.В. Кисловский (Знаете ли Вы?), поселок назван "в честь капитана Д.З. Кривко (1914—1944), павшего смертью храбрых 11 июля 1944 года в бою за освобождение селения Вехмайнен".

кривковцы, кривковец

кривковский, -ая, -ое

Крома. Река, левый приток Оки. Есть основания видеть в этом названии апеллятив крома "край, рубежная полоса, граница чего-л." Ср. одноменные кромка, кромина. кромица (Даль. Т. II). Крома в значении "край, конец чего-л." известно в говорах Среднего Урала (Словарь говоров Среднего Урала). В современном литературном языке известно и слово кромка "продольный край ткани, узкая полоса на краю ткани", а также сочетание кромка льда. Такая интерпретация гидронима находит и историческое подтверждение. По свидетельству многих историков, река Крома в XVI веке находилась на южной границе Русского государства с так называемым Диким Полем, откуда постоянно совершались набеги на русские города, расположенные на Оке, и даже на Москву. Она сама была своеобразной границей, на которой задолго до основания города Кромы было городище с постоянными сторожами – нарядами сторожевой службы из городов Карачев и Орел. Возможно, о нем упоминается в Воскресенской летописи (под 1147 годом записи), а возможно, и о реке: "И поиде ко Крому" (о князе Святославе). Гидроним Кроми известен и как Кром., в источниках XVI и XVII вв., относящихся к этой территории (Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877. Ч. II). Небольшие речки с названием Кромища, Кромница известны в бассейне Оки. Кстати, на одной реке Кромнице есть и деревня Кромница (Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки). Ср. Закромский Хутор (в Орловской обл.) — за рекой Кромой, если смотреть на него с левого берега реки.

Кромы (1957). Рабочий поселок в Орловской области. Название упоминается в 1147 году (Воскресенская лет.), но неизвестно, по отношению к чему — реке или населенному пункту. Существует несколько предположений о происхождении этого топонима, не учитывающих того факта, что название в XVI веке (ранняя точная фиксация) относилось к реке Кроме, на которой позже появилось селение Кромы. В.И. Даль считал, что в основе названия — слово кромы в значении "ткацкий стан", известное во владимирских народных говорах, но Кромы прямо не высказывался о происхождении этого топонима, но пр

сведения о том, что большинство исследователей связывают его со словом кромка "граница" или "укрепление" (ср. псков. Кром. моск. Кремль) и др. (Никонов. Краткий топонимический словарь). См. Крома. кромчане, кромчанин, кромчанка и кромцы, кромец; устар. кромичи, кромичи, кромичи, кромичи, кромичи, кромичи, кромичи, -ая, -ое и кромской, -ая, -ое

кромскии, -ая, -ое и кромской, -ая, -ое Орел да Кромы – первые воры. Эти города в XVI веке были пограничными, окраиной Русского государства. Сюда стекались беглые, преследуемые законом люди. А все, кто нарушали закон, назывались в то время ворами. Не случайно именно здесь постоянно вспыхивали антиправительственные мятежи и смута.

Кронштадт (1710). Город в Ленинградской области и др. В переводе с немецкого *Krone* "корона, венец" и *Stadt* "город", т.е. "город-венец". Он был основан Петром I — на острове Котлин как крепость для обороны Западных подступов к Петербургу.

кронштадтцы, кронштадтец

кронштадтский, -ая, -ое

Кстово (1957). Город в Нижегородской области. Название, возможно, происходит от мордовского *ксты* "земляника", тем более, что в источнике 1623 года он известен под названием *Кстово-Поляны*, т.е. "земляничная поляна". Форма топонима также косвенно подтверждает мордовскую основу. Можно предположить в основе и устную форму *ксты* от *кресты* "перекресток, развилка" (дороги).

кстовчане, кстовчанин

кстовский, -ая, -ое

Кстово-Христово: чарочка маленькая да винцо хорошо. В этой старой пословице отражается то обстоятельство, что Кстово небольшое, но хорошее, приятное место, благословенное Богом.

Кувшйново (1938). Город в Тверской области. Происхождение названия не установлено, но, видимо, в его основе фамилия *Кувшинов* или прозвище *Кувшин*, известные в русских источниках с 1500 года: Иван Иванович Кувшин Заболоцкий, 1500 г. Балабон Кувшинов, дьяк великого князя, 1521–1525 г. (Веселовский, Ономастикон).

кувшиновцы, кувшиновец

кувшиновский, -ая, -ое

Кузне́цк (1780). Город в Пензенской области. Как считал В.А. Никонов, название городу дано по развитому когда-то здесь кузнечному промыслу. Более ранние названия: *Нарышкино* дано по фамилии бояр Нарышкиных, известных здесь в XVII веке (Никонов. Указ. соч.); *Труево* – возможно, по прозвищу человека.

кузнечане, кузнечанин, кузнечанка

кузнецкий, -ая, -ое

Кузра. Река в Ленинградской области. Поблизости реки Большая Кузра, Кузринское озеро. Исследователи видят в каждом из этих названий вепсские слова куз "ель" и ра (из ранд) "берег". Все эти объекты имеют берега, заросшие еловым лесом.

кузринский, -ая, -ое

Кулебаки (1932). Город в Нижегородской области. Происхождение названия неясно. Неубедительны попытки связать его с мордовским кулей "улей" и баки "сосуды" или с русским кули "мешки" и баки, связанные с бортничеством, смолокурением (Трубе. Как возникли географические названия Горьковской области).

кулебакцы и кулебчане, кулебчанин

кулебакский, -ая, -ое; устар. кулебацкий, -ая, -ое

Кулига. Населенные пункты в Ленинградской и Рязанской областях. В основе названия географический термин кулига, известный во многих диалектах русского языка с широким спектром значений, объединенных признаками "отдаленности, труднодоступности", а также в значении "расчищенное под пашню место в лесу", "низменный, влажный луг у реки", "клин луга или пашни", "крутая излучина реки". В одном из этих значений слово кулига дало название указанным населенным пунктам. Топонимы Кулига, Кулички и микротопонимы Кулижки известны по всей Центральной России, в частности, в Москве — церковь Всех Святых на Кулижках. Есть предположения о финском происхождении слова кулига: ср. финское kulki "бок", "сторона" или вепсское kula "чужие села".

кулижане, кулижанин, кулижанка кулижанский, -ая, -ое

У черта на куличках (кулижках). Так говорят об отдаленном, труднодоступном месте.

Куликово поле. Обширное пространство у слияния рек Дона и Непрядвы. Происхождение и значение топонима окончательно не установлено. По мнению Е.С. Отина (Русская речь. 1980. № 5), название это принято объяснять в связи с обилием болотной дичи; особенно куликов. Как аргумент он приводит несколько микротопонимов города Данкова, имеющих птичью тематику: *Орлова степь, Гусева поляна*; переправа через Дон, возле которой стояло войско Мамая — *Гусин брод*. Но он не исключает, что название *Куликово поле* имеет антропонимический характер — от прозвища *Кулик*.

– Здесь в 1380 году происходила жестокая битва русских воинов во главе с князем Дмитрием Ивановичем, получившим впоследствии прозвище (фамилию) Донской и татарских войск под предводительством Мамая. В этой битве русские одержали победу, хотя потеряли много убитых.

кулико́вцы, кулико́вец, кулико́вка кулико́вский, -ая, -ое

Продолжение следует

топонимический заповедник*

АЛ. ШИЛОВ, доктор химических наук

Значительную часть русских топонимов Карелии составляют кальки (истинные и ложные) и переосмысления. Но издавна здесь появлялись и собственно русские названия — названия безлюдных и безымянных доселе речек, болот, холмов, островов, порогов, а также те, которые можно отнести к переименованиям по незнанию (не у кого было спросить). Чаще всего они встречаются в юго-восточной Карелии и в Поморье — районах, наиболее активно осваивавшихся новгородцами. Неудивительно, что многие названия несут не себе колорит северорусских диалектов, а от иных веет глубокой древностью, и смысл их порой уже непонятен без соответствующих разъяснений. Вслушаемся же в них:

Баенная гора. Диалектное байна "баня" живет на Севере до сих пор. Порог Буй, остров Буян. Русские буй, буян имели много значений, здесь: "открытое, возвышенное место".

Варничная губа. Варница – место (и строения) выварки соли, составлявшей значительный доход населения Поморья.

Верес-ручей, Вересовая Луда. Верес – диалектное название можжевельника.

Верхотинный ручей, Верхотинное болото, озеро Верхотинное. Верхотина "верховье" часто встречается в документах XV-XVI веков.

Остров Голомянный. Голомя – водное пространство вдали от берега (ср.: "Лех-Луды бережные и голомянные" в документе середины XVII в.).

Порог Гремяха, ручей Гремячинский. Поморское гремяха "падающий со скал поток воды".

Остров Дрестной Баклыш. Дресва (из первоначального дряства) "гравий", а поморское баклыш "камень, не покрываемый водой в прилив".

Озеро Крошнозеро (в 1563 г.: "деревня на Крошне озери") крошни -

^{*} Окончание. Начало см.: Русская речь. 1996. № 3.

устройство для переноски тяжестей на спине, прообраз станкового рюкзака.

Нос Куревин (мыс). От диалектного курева "метель".

Деревня Куток, деревня Кута. На севере кут "вершина, угол залива". Порог Лапужный, озеро Лапушечное. Лапуга, лапуха может означать различные виды травянистых растений с широкими листьями — лопухами.

Порог Мневец. Старое мень "налим" до сих пор живет в диалектах.

Деревня *Обжа*. *Обжа* – старинная мера земли под пашню.

Озеро Остречье. Старое русское острец "окунь".

Росоховатый ручей. Росоха (современное *рассоха*) – это развилка, раздвоение (дороги, реки).

Порог Рынь. Северное рынь "подводная гряда (каменная, глиняная)". Остров Стамик (Бережной Стамик, Хенекоргский Стамик и т.д.).

Архангельское *стамик* "высокая отвесная скала морского берега; гряда, на которой останавливаются ледяные торосы".

Река Сторонница. У поморов сторонняя река означает "приток".

Деревня Шелойникова. Шелойник, шелонник – юго-западный ветер.

Этот термин перенесен новгородцами с берегов озера Ильмень, в которое с юго-запада впадает река Шелонь. На Онежском озере ветер считается опасным: "ветер шелойник – на Онеге разбойник".

Вспомним еще строки Ф. Глинки:

... И мертво все... пока шелойник В Онегу с свистом, сквозь леса И нагло к челнам, как разбойник И рвет на соймах паруса...

Значительна доля названий, основанных на заимствованных терминах, многие из которых вошли не только в диалекты, но и в русский литературный язык. Заимствования эти достаточно ранние, для иллюстрации укажем даты первого упоминания терминов и соответствующих названий в письменных памятниках.

Болото Бугровый мох: бугра "шалаш, укрытие" (рыболовов, охотников) – из карельского pugri.

Деревня Колово (в 1563 г. названа "деревня на Коловом плесе"): кол (начало XVI в.) "рыболовный закол на реке" – из финского, карельского koli.

Порог Коровий: название идет не от корова, а от карава, гарва, харва (ок. 1450 г.) "сеть для ловли семги" – из карельского harva.

Мыс Корожный, острова Угловые Корги (1640–1645): корга (1563) "подводная гряда, риф" – из карельского korko или саамского kuorgka. Река Кумжевка (1610), острова Кумяжьи: кумжа (1568) – "озерный лосось" – из финского kumsi или непосредственно из саамского kudtša.

Мыс Моржовый, в 1591 году – Моржовец; морж (1526 – из саамского morša).

Гора Мяндова: мянда (1462) "молодая сосна; сосна с рыхлой древесиной" – из финского, карельского manty.

Остров Нергас: нергас "горная форель" – из карельского nieries.

Острова Нерпичьи, озеро Нерпозеро (1658): нерпа "вид тюленя" (1568) – из финского, карельского погрра.

Сигостров (1540), ручей Сиговец (1609), деревня Сиг-наволок (1680); сиг (1224–1238) – из финского siika, карельского šiiga. Тиндо-остров (1563): тинда (1582) "мелкая семга" – из саамского tindta.

Порог Хариус, залив Гарюс-губа: хариус (конец XVII в.), харьюс (1588), гарюс (1582) "вид форели" – из вепсского harjus, карелького harjus.

Деревня Хухорево: хухор, хухорь в олонецком говоре "мельник". В словаре М. Фасмера происхождение этого диалектизма считается неясным, но, на наш взгляд, весьма вероятна его связь с карельским huhmar "мельничная ступа, толчея, ручная меленка".

Некоторые названия вроде бы и не требуют пояснений. Но их смысловая прозрачность кажущаяся, ибо их диалектные основы лишь созвучны с тем или иным общерусским, но отнюдь не совпадают с ними по значению: Озеро Верховское – не от верх, а от верховский "юго-западный". "Ориентационный" смысл названия подтверждается свидетельством документа 1658 года: "на Орлове на Верховском озере" – Орлово с саамского uorjal, oarjel "запад, северо-запад". Деревня Гнильня, остров Камень Гнилец – не от гнилой, а от гнила

"глина"

Порог, пролив Железные Ворота: названия не связаны с железом, ибо железными воротами на Севере называют теснину, узкий и опасный пролив, проход. Этот образ имеет очень древние корни, исходно символизируя место перехода из нашего в иной, потусторонний мир.

Ободной ручей, деревня Обод: не от обод (колеса), а от обод (из объводъ) "группа полей, обнесенных оградой".

Ручей Сковородный, порог Сковородка: северное сковорода "плоская подводная мель".

Порог Спорный: не от спор, а от спорное течение "участок, где сшибаются струи воды, образуя водовороты".

Мыс Толстик, мыс Толстый Наволок: не от толстый "широкий", а от толстик, толстой мыс "высокий мыс с приглубой водой". Гора Топорная, озеро Топорное: не непосредственно от топор, а от

топорня - земледельческого термина "земля на месте вырубленного леса".

Пороги Щель, Щельный, Щелинный, Щельватик, мыс Крестна Щель, деревни Щелейки, Красная Щелья: не от щель, но от щелье, щелька "отлогий скальный берег; скала".

Немало в Карелии и всем понятных русских названий, хотя иные и требуют разъяснения причин, по которым они были даны. Так, остров Бабья Луда (в Соловецком архипелаге) обязан своим именем гостинице для приезжих богомолок. Близ деревни Медные Ямы существовал медный рудник. На пороге Частокол русло реки Выг разбито множеством островов. Река Коровья (по свидетельству Н.Я. Озерецковского) летом так пересыхает, что ее переходят вброд коровы. Название ручья Жемчужный надо понимать в самом прямом смысле: "тутошние жильцы и приезжие промышляют жемчюг..." (из сотной 1563 г.). Острова Карельский и Лопарский названы по былому проживанию там карел и лопарей (саамов), а вот ручей Финский – по своему положению у старой финско-русской границы.

Конечно же, есть названия, говорящие сами за себя. Не приходится сомневаться в нынешнем или былом существовании монастырей, церквей, часовен там, где мы видим названия типа: озеро Монастырское, поселок Ильинский, деревня Покровская, мыс Часовня, порог Часовенный, остров Троица. Происхождение таких названий легко угадывается и в карельских формах: Часоунан агью ("часовенный конец"), Богрочниеми ("мыс Богородицы"). Нетрудно также догадаться, по каким причинам могли получить свои названия озера Долгое и Трехгубое, болота Чертово и Трясливый Мох, остров Семиверстный, ручей Мельничный, пороги Кривой, Березовец, Островной, Ленивый, Шумячий, Волчий Зуб.

Впрочем, и "обычные" названия могут оказаться весьма интересными в том или ином отношении. Вот простое, казалось бы, название Сухое. Его носит деревня на Белом море, к востоку от устья реки Выг. Мотивировано название вполне прозаическими причинами: сильным высыханием прибрежной полосы в отлив, так что в это время к деревне невозможно приблизиться менее чем на 2-3 километра даже на легкой лодке (об этом в середине прошлого века писал С. Максимов в книге "Год на Севере"). Интересно же вот что. Деревня Сухое имеет от роду не более двухсот лет, но возникла она здесь не впервые, а после долгого периода запустения (начало этого периода мы датируем 1539-1548 гг.). Ранее же на этом месте существовала деревенька Сугея (варианты: Сугие, Сегуя, Сугово). Это название, очевидно, саамское, и замечательно здесь не случайное созвучие Сугея-Сухое, а закономерное совпадение смысла, ибо саамское suegges', sueggei значит "мелкий, неглубокий". Так географические реалии предопределили одинаковую семантику названий, данных различными народами совершенно независимо друг от друга.

Многочисленны в Карелии топонимы (особенно названия населенных пунктов), произошедшие от личных имен, прозвищ, фамилий. Но их мы касаться не будем, ибо это тема для отдельного разговора. От-

метим лучше малочисленные названия (обычно интересные в историческом плане), нерусские по виду, но русские по происхождению. Вот порог Кинский на реке Водле. Это название-метка. Оно сигнализирует о том, что рядом начинается знаменитый когда-то Кенский ("Киньский" в записи 1563 г.) волок, т.е. водно-волоковый путь в бассейн реки Онеги. Одним из его звеньев являлись река Кена и озеро Кенозеро в Архангельской области. Отсюда пошли имена волока и нашего "дорожного указателя". А вот деревня *Тихвин Бор*, по свидетельству П. Челищева (конец XVIII в.), была основана выходцами из *Тихвина*, П. Челищева (конец XVIII в.), была основана выходцами из Тихвина, т.е. это название – перенесенное (тут же предупредим читателя, что имена озера Валдай на Большом Соловецком острове и Валдозера на реке Онде не перенесены с Валдайской возвышенности, а имеют местное происхождение – из саамского valdtei "добычливый, уловистый"). В массе топонимов Карелии недвусмысленно заявляют о себе производственно-идеологические названия советского периода: поселки Пушной, Чкаловский, Авангард, гора Станционная, порог Колхозный, канал Пионерный (который, конечно, выкопан заключенными),

острова Изолятор и Перековка (на трассе Беломорканала). Но упоминать о них, право, не хочется.

Лучше напоследок поговорим о переименованиях. Бывало, что объект (чаще – деревня) по каким-либо причинам получал у русских свое название, никоим образом не связанное с исконным – карельским или вепсзвание, никоим образом не связанное с исконным – карельским или всисским. Хотя официальным в таких случаях в конечном итоге становилось русское название, обе его формы обычно сохраняются в бытовом употреблении и поныне: русское *Ильинский* и карельское *Alavoine* ("низовье"), русское Кузьминская и карельское Ylägd' а "верхний конец", русское Новоселовская и карельское Bošinkylä "баранова деревня", русское Плоскозеро и карельское Hedotišto "Федотово место". И нерусские и русские варианты возникли естественным путем и в равной мере подлежат охране. Иное дело переименования административные. Их было немноохране. Иное дело переименования административные. Их было немного, но каждое губило какой-нибудь из экспонатов нашего заповедника. Посмотрим же, что натворили "топонимические мичуринцы": деревня Княж Бор превратилась в идеологически выдержанное Красный Бор, острова Святой (на нем был крупный монастырь) – в Жилой, Попов – в ... Октябрьской Революции, а казенное Беломорск сменило древнее Сорока. Ранее это название звучало Сороки; традиционно объясняется из финского saari joki "река с островами" (здесь Выг разделяется островами на систему проток), хотя исторически оправданнее искать источник названия в саамском языке (например: suorr-jogk "река с протоками"). Поразительной неуклюжестью отличаются и бюрократические переименования внешне соблюдающие местные топонимические тра-

реименования, внешне соблюдающие местные топонимические традиции. Названием Полга именуются теперь старинные Койкиницы (еще ранее – Койкинский погост) – из саамского kuoikanetsk "часть озе-

ра у водопадного истока реки". Кстати, исходную семантику названия сохранила легенда о старике Койко, направившем в водопад (kuoika; речь идет о бывшем Воицком падуне на реке Выг) лодку с разбойниками.

А вот молодой карельский город Костомукша, выросший благодаря открытию рудного месторождения (лежащего близ оз. и дер. Костомукша). Как называлась деревня, на месте которой возник город? Ко-стомукша? Не угадали, Контокка (по-саамски "оленья река").

Очень обидно за деревню Парандово, переименованную в поселок Кочкома. Имя-то Кочкома и так носят три карельские реки. А вот Πa -рандово было уникальным. Известно оно с XV века и происходит из редкого имени *Парандой*: "куды володел Парандое туды володети Павлу и Ивашю и Борису". Имя это явно произошло от глагола *парандать* "устанавливать капканы, ловушки", заимствованного олонецкими говорами из вепсского *parandan* "ставлю ловушки". Помимо цитированного документа эта именная основа (в форме Парандуев) была зафиксирована еще в Кирьяжском погосте Водской пятины Писцовой книгой 1500 года. Единственным же топонимическим памятником, содержавшим ее, и являлось название Парандово.

Казалось бы, вполне разумно и деликатно отметили (в 1935 г.) столетие первого издания карело-финского эпоса "Калевала", переименовав Ухтинский район в Калевальский, но сохранив имя райцентра Ухта. Ведь Э. Леннрот большинство рун цикла о Вяйнямейнене, составивших стержень "Калевалы", записал не в самой Ухте, а в дальних деревнях Вокнаволок, Ченаниеми, Аконлахти, Латваярви, Вуоннинен, Понкалакси. Так нет, в 1963 году и сама Ухта превратилась в Калевалу.

Будем надеяться, что нынешние и будущие власти не охватит зуд топонимического администрирования, чем бы оно ни мотивировалось, и Карелия так и останется заповедником, хранящим ценнейшие следы времен минувших. А немногие уродцы? Ну что ж, они лишь наглядно оттеняют чудесные имена древней Карьялы – Обонежской и Водской пятин Великого Новгорода – Олонецкой губернии Российской империи – Карельской трудовой коммуны – Карельской АССР – Республики Карелия.

Рекомендуемая литература. Г.М. Керт, Н.Н. Мамонтова. Загадки карельской топонимики: рас-сказ о географических названиях Карелии. 2-е изд. Петрозаводск, 1982. В.Т. Лескинен. Семантика карельской гидронимики и некоторые случаи адаптации ее русским языком на территории Карелии // Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар, 1965.

Н.Н. Мамонтова, И.И. Муллонен. Топонимия и национальные проблемы в Карелии // Топонимика и межнациональные отношения. 1991.

"Голос мой – с купавой можжевель..."

Символическое значение можжевельника в мифологии, обрядах, культуре народов Европы и Азии

М Н КАПРУСОВА

В мифологиях разных народов, в их фольклоре, обрядах, культуре заметную роль играют растения (в том числе деревья и кустарники). Достаточно вспомнить культы дуба, берёзы, вербы, явора у славян; сакуры у японцев; фигового дерева, ивы у китайцев; сосны у корейцев и т.д.

Особое внимание к дереву отмечается у равнинных народов. Срединность — важная категория народной философии. Г.Д. Гачев в своей книге "Национальные образы мира" (М., 1988) на стр. 417 отмечает: "Человек вообще — срединное существо между небом и землёй. Поэтому он всегда себя моделирует между ними. У равнинного народа таким архетипом — братом человека по срединности является д е р е в о. И модель Мирового Древа руководяща в Логосе равнинных народов..." Как явствует из трудов А.Н. Афанасьева, В.Н. Топорова, мировое древо (небесное древо, дерево-туча) воплощает в мифологиях разных народов универсальную концепцию мира, служит для описания основных его параметров (см.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований... М., 1865–1869. Т. I–III; Топоров В.Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией "мирового древа" // Учен. зап. ТГУ. Тарту, 1971. Вып. 284. С. 9–62).

Русский поэт С. Есенин, желая познать и объяснить душу своего народа, писал в статье "Ключи Марии": "Древо-жизнь. Каждое утро,

встав от сна, мы омываем лицо своё водою. Вода есть символ очищения и крещение во имя нового дня. Вытирая лицо своё о холст с изображением древа, наш народ немо говорит о том, что он не забыл тайну древних отцов вытираться листвою, что он помнит себя семенем надмирного древа и, прибегая под покров ветвей его, окунаясь лицом в полотенце, он как бы хочет отпечатать на щеках своих хоть малую ветвь его, чтоб, подобно древу, он мог осыпать с себя шишки слов и дум и струить от ветвей-рук тень-добродетель" (Есенин С.А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1979. Т. 5. С. 173).

Практически каждый вид деревьев имеет, согласно мифологическим представлениям, своё символическое значение в фольклоре, культуре народа. Так, у славян ракитов куст - символ горя, смерти, разлуки, убийства; дуб – символ долголетия, силы, мощи, дерево Перуна; осина – проклятое дерево, средство против нечистой силы. Значение этих деревьев в фольклоре, роль их в обрядах достаточно хорошо известны, чего не скажешь, например, о можжевельнике.

Можжевельник относится к вечнозёленым хвойным деревьям и кустарникам семейства кипарисовых. Растёт он в подлеске лиственных, старникам семейства кинарисовых. Гастет он в подлеске лиственных, хвойных и смещанных лесов на сухих холмах и горных склонах. Можжевельник не боится холода и засух, доживает до 500 лет. Он довольно широко распространён по всей стране, за исключением равнинных областей и более тёплых мест. Ягоды можжевельника — старое лечебное средство, применяемое в народной медицине. По этому растению определяли сроки сева некоторых культур, погоду на завтра: Можжевельник зацветает – время сеять ячмень;

Длинные сухие ветки ели и можжевельника к метели сгибаются, к хорошей погоде – распрямляются (см.: Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде. М., 1991. С. 117, 91). Н.А. Ясаманов, автор книги "Занимательная климатология" (М., 1989), на стр. 64 пишет, что в Сибири и на Европейском Севере таёжники до сих пор по поведению кроны ели и можжевельника узнают погоду и даже делают своеобразные барометры: "К стене притально отходящей веткой. Под ней проводится горизонтально отходящей веткой. Под ней проводится горизонтальная линия. Поднимется ветка выше отметки — будет ясная погода, а опустится — предвидится дождь. Чем ниже опускается ветка, тем сильнее будет дождь, тем продолжительнее непогода".

В народе бытует отношение к можжевельнику как к средству очишения, оберегу от нечистой силы и других напастей. Ветки можжевельника используются во многих обрядах. Так, при подготовке к празднованию Рождественского Сочельника (6 января) русские крестьяне, делая большую уборку в избе, натирали можжевельником полы; желая очистить дом, двор, себя и скотину от грязи и нечисти, накопившейся за зиму, в Великий четверг (последний четверг перед Пасхой) принято было окуривать можжевельником внутренние помещения, огород, вымя коровам и козам, бочки для огурцов и капусты, через дымящийся верес (можжевельник) прогоняли скотину, перешагивали сами, чтобы обезопасить себя от болезней и нечисти, скотину ещё и стегали вересом, чтобы сделать послушной, отучить лягаться. Чтобы обезопасить дом от колдунов, можжевельник в Великий четверг жгли в печи, подтыкали его под матицу и сенные двери (см.: Грошев В.Д. Календарь российского земледельца: Народные обычаи и приметы. М., 1991. С. 6; Круглый год. Русский земледельческий календарь. М., 1991. С. 458; Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забылиным. М., 1990. С. 51).

Использование можжевельника для изгнания злых духов было издавна распространено в Европе. Например, в Тироле, готовясь к Майскому празднику, когда проходило изгнание нечистой силы (обычно этот обряд "сожжения ведьм" проходил в ночь на 1 мая), люди в последние три дня апреля чистили и окуривали дома можжевельником и рутой. В праздник Огни Великого поста жители Бельгии, севера Франции, многих частей Германии рубили кустарник, обычно ракитник и можжевельник, и вечером зажигали на холмах огромные костры. Существовало поверье, что, если развести семь костров, деревня избежит пожаров. Молодёжь танцевала возле костров, прыгала через угли — это, по поверью, обеспечивало хороший урожай и счастливую женитьбу или замужество (Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1986. С. 525, 570).

У древних тюрок и алтайцев шаманы можжевельником окуривали больных людей, чтобы очистить их от болезни, а также юрту умершего (после проводов его на 7-й день в "страну предков") (см.: Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. С. 158, 229). Подобную же функцию выполняет можжевель и у русских: им посыпают путь при похоронах, а его ягодами окуривают помещение (см.: Даль В.И. Толковый словарь. М., 1979. Т. II. С. 338).

Тибетцы, желая избавиться от сорняков, наряду с другими действиями, совершали воскурение можжевельником на деревенских алтарях, украшенных зелёными ветвями. Когда же урожай был собран, приходил черед обрядов благодарения. На плоской крыше дома разводили из можжевельника очаг, ставили чаши, наполненные водой, молоком и пивом, а затем из чаш брызгали всем этим в очаг, бросали туда горсть ячменной муки и т.д. (см.: Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1989. С. 281, 300). Кроме того, согласно тибетской мифологии, идивидуальное ла, то есть жизненная сила человека, или лашинг (ла — дерево), воплощается в можжевельнике или иве, связанных с рождением ребёнка (см.: Мифологический словарь. М., 1991. С. 308).

В шумерской мифологии можжевельник считается священным (см.: Мифологический словарь. С. 325).

Как мы видим, в мировой мифологии можжевельник наделяется сверхъестественной очищающей силой. На этой его особенности, а также как бы его избранности Богом, по-видимому, основывался культ можжевелового дерева, имевший место в Череповецком уезде в XIX веке. С.В. Максимов, известный в конце XIX – начале XX века писатель, этнограф, исследователь обычаев, традиций, верований русского народа, так описывает этот случай: "В Череповецком уезде (в Горской волости) кустарниковое растение – можжевельник, редко достигающее величины дерева, изумляет своими необычными размерами, которые тем более удивительны, что растёт этот можжевельник на рыхлом голом песке. Ясно, что дерево как будто стоит под особым покровительством какого-то таинственного существа, и за то, вероятно, этот можжевельник сплошь увешивается тряпками и даже полотенцами, на которых нашиты красные или чёрные крестики" (Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1989. С. 174–175). В библейской традиции можжевельник упоминается неоднократно: в книге Иова можжевеловые ягоды – пища самых бедных людей: "ягоды можжевельника хлеб их"; в Ветхозаветных преданиях (3-я книга

В библейской традиции можжевельник упоминается неоднократно: в книге Иова можжевеловые ягоды – пища самых бедных людей: "ягоды можжевельника хлеб их"; в Ветхозаветных преданиях (3-я книга Царств) повествуется, что под тенью можжевелового куста отдыхал пророк Илия на пути своём к горе Хорив. (Спасаясь от Иезавели, главной покровительницы пророков Вааловых, казнённых им, Илия уходит в пустыню. Усевшись под можжевеловым кустом, он просит у Бога смерти. Но ангел приносит спящему Илие пищу и предрекает дальнюю дорогу. Сорок дней и ночей идёт Илия к горе Хорив, там Яхве обнаруживает себя Илие.)

Это сказание о можжевеловом ангеле отразилось в русской поэзии, в частности, в творчестве Н. Клюева. В его поэме "Погорельщина" есть строки:

Но вспять сказанье! Зимой в Сиговце Помор за сетью, ткея за донцем, Петух на жёрдке дозорит беса, И снежный ангел кадит у леса. То киноварный, то можжевельный, Лучась в потёмках свечой радельной.

Эпитет киноварный, приданный ангелу, в свою очередь отсылает нас к Ветхозаветному сказанию, ведь киноварь (сурик, красная краска) в древности употреблялась при росписи еврейских жилищ и составлении различных изображений; ею в торжественные дни расписывали изображения Юпитера, киноварь почиталась священной краской. А то, что ангел снежный, ещё раз подчёркивает его небесную чистоту (ведь в народном творчестве: снежный – белый – чистый).

В стихотворении Н. Клюева "Мы старее стали на пятнадцать..." находим:

Голос мой - с купавой можжевель...

Сравнение голоса лирического героя с можжевельником, обладающим священными, отгоняющими нечистую силу и зло свойствами, и купавой (белой кувшинкой) — символом свежести, непорочности и нежности, характеризует его как человека с чистой и нежной душой.

С библейским сюжетом о явлении ангела Илие связано изображение можжевельника в стихотворении Сергея Есенина "Осень":

Тихо в чаще можжевеля по обрыву. Осень – рыжая кобыла – чешет гриву.

Над речным покровом берегов Слышен синий лязг её подков.

Схимник-ветер шагом осторожным Мнёт листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту Язвы красные незримому Христу.

Здесь переплетаются темы природы и религии. Наступление осени – это одновременно и повторение крестных мук Христа.

Однако, несмотря на приведённые примеры, приходится констатировать, что можжевельник сравнительно редко был объектом изображения русских поэтов, что и позволило ему оставаться в тени, не привлекая внимание исследователей.

Борисоглебск

ПОЛИЕЛЕЙ СИНОДАЛЬНОЙ УНИФОРМЫ

Р.Н. КРИВКО

Заглавный герой очерка Н.С. Лескова "Синодальный философ", секретарь духовного ведомства, отправляясь на свидания с дамой, надевал необычный полиелейный фрачок. Эта загадочная одежда синодального чиновника оказалась настолько прочно связанной с его обликом, что сама дама вспоминала героя не иначе, как в "его полиелейном фрачке". Более того, отправляясь однажды с визитом, хотя и не к своему, но к генералу, чиновник облачился "во весь полиелей синодальной униформы", поэтому можно сказать, что одежда героя была выдержана в странном полиелейном стиле не только на неофициальных встречах и даже была поименована полиелеем.

Сочетание синодальная униформа достаточно понятно и без специальных комментариев: отправляясь на визит к высокому начальнику, герой одевается так, как подобает чиновнику в соответствующей ситуации. Казалось бы, из приведенных примеров просвечивает и значение слова полиелей, связанного каким-то образом с парадной одеждой чиновника, или "праздничной одеждой духовного лица", как сказано в комментарии к последнему изданию "Синодального философа" (Лесков Н.С. Собр. соч.: в 12 т. М., 1989. Т. 6).

Однако рукоположение было необязательно для лица, получившего духовное образование и служившего в синодальной конторе, поэтому, строго говоря, героя очерка нельзя называть духовным лицом, так как прямых сведений о его священничестве нет. Вместе с тем, столь приблизительное объяснение контекста из самого же контекста дает понять, что и на свидания синодальный чиновник ходил, надевая особый праздничный фрак, подобающий секретарю церковного учреждения. Отказывая герою Лескова в чувстве меры, комментарий мало что дает и для понимания художественного смысла, заложенного в контексте, не прояснив прямого значения слова полиелей и лишив его поэтического звучания.

В современных толковых словарях полиелея нет, хотя еще в древнерусских "Азбуковниках", своего рода первых словарях иностранных слов, греческое заимствование полиелей (в древней форме полиелеос, более близкой к греческому звучанию и сохраняющейся до сего времени в речи старообрядцев) однозначно толкуется книжниками как многомилостивое... (Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI—нач. XVII вв. Л., 1975). Позже мнения разделились: В.И. Даль в

"Толковом словаре живого великорусского языка" объясняет полиелей как средний церковный праздник (Т. 3), а в специализированном
"Полном церковно-славянском словаре" Г.М. Дьяченко находим, что
полиелей — это пение на утрени 134-го и 135-го псалмов, причем для
этого слова выделено две статьи, полиелей и поліелей, так как в заимствованном из греческого языка слове буква и (ипсилон) средствами
старой русской орфографии могла передаваться через у (ижицу) или і
(а также через и). Г.М. Дьяченко объясняет происхождение полиелей
от греческих слов: либо eleos "милость", либо elaion "елей", так как во
время песнопения в храме зажигаются все светильники, питающиеся
также и елеем, особым образом приготовленным оливковым маслом
(М., 1900. Репринт 1993). М.Р. Фасмер, исследуя греческие заимствования в древнерусском языке, также колебался в истолковании слова полиелей, сначала объяснив его происхождение через греческое polyeleos
"многомилостивый", а несколько десятилетий спустя произведя его от
греческого же polyelaios "(потребляющий) много масла (для освещения)", где poly "много-" (Фасмер М.Р. Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке. СПб., 1909; Этимологический
словарь русского языка. М., 1971. Т. 1).

Стоит ли говорить, что все приведенные толкования мало что проясняют в том, какое отношение имеет *полиелей* к праздничной одежде "синодального философа".

В ранней византийской богословской литературе греческие слова polyeleos и polyelaios, возможные источники славянского слова, не использовались как литургические термины и не называли ни песнопения, ни церковного праздника (Lampe G.W. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1965).

Пение 134-го и 135-го псалмов, прославляющих милость Божью, было введено в последование праздничной утрени на исходе первого тысячелетия н.э. Попутно заметим, что впервые термин полиелей (polyeleos) отмечается в Дрезденском списке Софийского богослужебного устава (рукопись X–XI вв), однако, по мнению М.Н. Скабаллановича, это слово "едва ли... имеет нынешний свой смысл" в столь древнем источнике (Скабалланович М.Н. Толковый Типикон. Киев, 1910. Т. 1). В рефрене 135-го псалма повторяется слово милость (греч. eleos), это песнопение получило название многомилостивое – дословно полиелей, от греческого polyeleos. Во время пения 134-го и 135-го псалмов в храме положено зажигать все светильники, питающиеся также и елеем. Таким образом, в названии песнопения греческие слова polyeleos и polyelaios столкнулись, причем сущность явления стало выражать именно polyeleos, а polyelaios "светильник, люстра" приобрело в этой паре разве что метонимический оттенок.

Великие церковные праздники имеют ту особенность, что их молит-

вословия поются также на богослужениях некоторых предшествующих и последующих дней. Дни и числа, предваряющие праздник, в которые поются эти песни, называются днями предпразднества, а дни после праздника, в которые продолжают петься его песнопения, называются днями попразднества. Последний день, в который поются молитвословия праздника, называется днем отдания праздника, или просто отданием (Никольский К., прот. Пособие к изучению Устава богослужения Православной церкви. СПб., 1907).

Полиелей поется в средние церковные праздники, то есть в те, выше которых бывают только Богородичные и Господские, а также в воскресные дни между 22-м сентября и 20-м декабря по старому стилю, то есть после отдания праздника Воздвижения до предпразднества Рождества Христова, а также между 14-м (27-м) января, после отдания Крещения, и сырной неделей, последней перед Великим постом, а от сырной недели до 21-го сентября (4-го октября) полиелей поется в те воскресные дни, на которые приходятся Господские или Богородичные праздники, или праздники великого святого (Никольский К. Указ. соч.).

Исходное значение древнерусского слова *полиелеос* – пение 134-го и 135-го псалмов на утрени в средний церковный праздник. В Киево-Печерском патерике так описана интересующая нас часть службы: "И ныне, богородичен гласу, на заутрени стихология обычная бывает, полеелеос начинаем" (XIII в. по сп. XVI в.; Патерик Киево-Печерского монастыря. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1911). Автор более позднего памятника, описывая, когда в церкви "поют полиелеос", употребляет это слово в таком же значении (Прения с греками, Проскинитарий Арсения Суханова // Православный Палестинский сборник. СПб., 1889. Вып. 21).

Затем полиелеосом стала называться вся часть службы, во время которой поют положенные псалмы и зажигают светильники, произошло называние целого по части: "О святем, имущем полиелеос" — так в древнерусском переводе богослужебного Устава (1428 г.) озаглавлены правила, согласно которым положено петь полиелей (Отдел рукописей РГБ. Ф. 256 — Собрание Румянцевского музея, № 445. "Око церковное". 1428 г. Л. 1об., 3, 20об.). В других источниках у слова полиелеос находим то же значение: «Аще и полиелеос святому, то кто Псалтырь говорит, то же на налое на крылосе ... "Господи, помилуй" трижды, "Слава и ныне", два псалма иже на полиелеос, на конце слава и ныне»; 1653 г. (Прения с греками ...). Есть еще один пример подобного употребления слова полиелеос: "А случится святый во вторник, или в четверток имеяй полиелеос, ямы рыбу"; 1648—1649 г. (Столовый обиход Спаса, что на Новом, (Новоспасского) монастыря // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1914. Вып. 1. Отд. 2).

Поскольку 134-й и 135-й псалмы поются только в праздники, определенные Уставом, то словом полиелеос, а затем полиелей, стал называться и сам день, в который на утрени поют положенные псалмы и зажигают все светильники: "Аще ли суббота или полиелеос, то по дважды ирмос без запева, аще кроме субботы и полиелеоса, тропарь, ирмос" (Прения с греками...). Последнее значение отражено в словаре В.И. Даля.

Как от слова полиелей в значении "праздничный день, средний церковный праздник" образуется прилагательное полиелейный, так и в древности от слова полиелеос образовывалось прилагательное полиелеосный: "... да в воскресные же дни и в полиелеосные на утрени...", XVII в. (Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н. Субботина. М., 1878. Т. 4. Ч. 1). В средние церковные праздники положено звонить в особый полиелейный колокол (Даль, Т. III), а священнику надлежит облачаться для службы в полиелеосные ризы, которые отличаются от воскресных и повседневных. Выражение полиелеосные ризы встречается в памятниках древнерусской письменности: "... столп, а в нем росписи ... что роздано риз воскресных, и полиелеосных и повседневных на Москве..." (Дела тайного приказа // Русская историческая библиотека. СПб., 1907. Т. 21. Кн. 1). Полиелеосные ризы могли называться одним словом полиелеос: "На всенощном в полиелеос облачался и литургию служил Питирим митрополит"; 1661 г. (Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1990. Вып. 16. Далее – СлРЯ XI-XVII вв.).

Русское *полиелеос* на основе наметившегося еще в греческом языке созвучия слов *eleos* и *elaion* стало все более уходить от первоначального *eleos* "милость" и сближаться со словом *елей*, которое буквально означает "масло" (греч. *elaion*). В русском языке *елей* перестало быть родовым обозначением масла вообще, как его греческое соответствие. Основное значение слова *елей* сузилось, так как использовалось оно прежде всего в связи с церковной жизнью и в результате стало обозначать "оливковое масло, используемое в церковных обрядах" (Словарь современного русского литературного языка. М., 1994. Т. 5–6).

В древности елей употребляли как лечебное средство: в притче о путнике, исцелившем раненого, Иисус рассказывает, как "самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, <...> перевязал ему раны, возливая масло (elaion) и вино" (Евангелие от Луки. 10, 33–34). Апостолы, проповедуя покаяние, "изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом (elai \overline{o}) и исцеляли" (Евангелие от Марка. 6, 13).

В системе христианской символики смягчающее действие елея, которое он оказывает на раны, уподобляется божественной милости, исцеляющей человеческую душу: "Видите силу этого священнодействия? – пишет Симеон Солунский о елее. – И болезни разрешает, и больных

восставляет, и грехи отпускает" (Сочинения блаженного Симеона. СПБ., 1856).

Слово елей в языке Пушкина сохраняет смысл, заложенный в него древней книжной традицией:

Я лил потоки слез нежданных, И ранам совести моей Твоих речей благоуханных Отраден чистый был елей.

"В часы забав иль праздной скуки..."

Смысловой ореол, окружающий слово елей, отразился в прилагательном елейный "мягкий, добрый, умилительный": показательна ошибка автора одного из первых русских этимологических словарей Н.В. Горяева, который неверно производил елейный от греческого eleeinos "сострадательный" (Горяев Н.В. Опыт сравнительного этимологического словаря русского литературного языка. Тифлис, 1892).

Звуковое тождество слов eleos и elaion, как они произносились в византийскую эпоху, и их смысловая близость, развившаяся в контексте христианской символики, послужили основой для народной этимологии слова полиелей на русской почве и для истолкования его некоторыми лексикологами как "многомаслие, потребляющий много масла" и т.д. Это нашло отражение даже в изысканиях М.Р. Фасмера и церковного лексиколога Г.М. Дьяченко.

Конечно, церковные светильники. зажигаемые во время пения 134-го и 135-го псалмов, питаются и елеем, однако рождение слова полиелей напрямую связано с текстом Псалтыри, читаемым во время происходящего в храме священнодействия: "Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его" (Псалтирь, 135, 1).

Очерк истории слова полиелей — полиелеос будет неполным, если не сказать, что у него в истории русского языка был омоним со значением паникадило "церковная люстра" (СлРя XI–XVII вв. М., 1990. Вып. 16). Так как люстра имеет несколько масляных светильников, то полиелей в последнем случае значит именно многомаслие, что и подтверждается средне- и новогреческим polyelaios "люстра", буквально "многомасляный" (см.: Sophocles E.A. Greek Lexicon; Хориков И.П., Маляев М.Г. Новогреческо-русский словарь. М., 1980). Слово полиелей — полиелеос в значении "церковная люстра" так и не получило широкого употребления в русском языке (хотя известны примеры его использования) и было вытеснено другим греческим заимствованием паникадило.

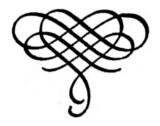
Слова, связанные с церковной жизнью, мало представлены в словарях, поэтому человеку, плохо знакомому с ней, зачастую бывает трудно понять, о какой реалии идет речь в художественном тексте, а разно-

го рода случаи звуковых совпадений могут заставить неверно прочитать текст. Поэтому неслучайно, например, у многих авторов слово паникадило "церковная люстра" неверно употребляется в значении "кадило", хотя этимологически эти слова не имеют ничего общего: первое происходит от греческого polykandilon "многосвечник, люстра с большим количеством свечей", а второе имеет исконно славянское происхождение от глагола кадить (Добродомов И.Г. Люстра и ее "конкурент" // Русская речь. 1988. № 3; Вариативность лексемы в диахронии и синхронии (форма и семантика грецизма паникадило) // Языковые и речевые единицы в лексике и фразеологии русского языка. Курск. 1986).

Выходя за пределы религиозных текстов и попадая в иные стилистические рамки, малоизвестные слова получают весьма интересную судьбу, зачастую меняя не только значение, но и звуковой облик. Так, русское слово аксиос (от греческого axios "достойный") произносится клиром при посвящении в духовный сан и означает, что посвящаемый достоин звания, в которое возводится. В семинарской среде слово аксиос обросло своеобразной метонимической семантикой, что нашло отражение, например, в творчестве Н.С. Лескова и А.Ф. Писемского: некоторые их герои, желая проучить кого-либо, не прочь оттаскать неправого за "аксиосы", то есть за волосы. Дело в том, что обряд посвящения сопровождается особым прикосновением посвящающего к голове посвящаемого. Это прикосновение при возгласе "аксиос!" воспринималось иронически как указание на волосы, что и дало в семинарской среде такой необычный смысловой сдвиг (Добродомов И.Г. Об одном периферийном слове русского языка // Язык и культура: Третья международная конференция. Киев, 1994).

Для того чтобы понять контекстное значение малоупотребительного слова, его роль в художественном тексте, необходимы, возможно, более полная реконструкция системы его значений, экскурсы в историческую лексикологию и этимологию, что позволит увидеть, как преобразился смысл слова под пером писателя.

У Н.С. Лескова слово *полиелей* звучит иронически, так как оно, будучи связано с большими церковными праздниками, употреблено по отношению к синодальному чиновнику для обозначения события, может быть, торжественного, а скорее, просто выходного, но совсем не праздничного, и тем более никак не связанного с высшей духовной жизнью, о которой поется в 134-м и 135-м псалмах.

Почему без соли стол кривой?

Е.В. ГЕНЕРАЛОВА

У П.А. Вяземского в Старой Записной книжке находим такую запись: «Однажды обедали мы с Плетневым у Гнедича на даче. За столом понадобилась соль Плетневу; глядь, а соли нет. "Что же это, Николай Иванович, стол у тебя кривой" — сказал он (известная русская поговорка: "без соли стол кривой"). Плетнев вспомнил русскую, но забыл французскую поговорку: "не надобно говорить о веревке в доме повешенного" (Гнедич был крив)».

Несомненно, Вяземский ("язвительный остряк, поэт замысловатый", как назвал его А.С. Пушкин) отметил для себя этот эпизод, будучи привлечен каламбурностью ситуации. Комический эффект здесь создается за счет столкновения различных значений слова кривой. Особого комментария, однако, требует поговорка Без соли стол кривой, ибо читателю наших дней, с ней незнакомому, она непонятна. В современном русском литературном языке прилагательное кривой известно лишь в значениях: "не прямолинейный, изогнутый (...) поврежденный или вытекший (о глазе) (...) Разг. Одноглазый, слепой на один глаз (...) Устар. Несправедливый, неправедный, ложный" (Словарь современного русского языка: В 4 т. М., 1982. Т. 2), но ни одно из них в данном случае не подходит. Литературным языком первой половины XIX века значение, использованное в поговорке, тоже уже было утрачено. В чем же оно состояло? На чем основана игра в каламбуре Вяземского? Как эти значения сформировались, в каком отношении они находятся друг к другу? Ответы на эти вопросы можно найти, обратившись к истории древнего корня -крив-.

Корень -крив- существовал уже в праславянскую эпоху, слова с этим корнем есть во всех славянских языках. В памятниках русского языка лексемы группы -крив- известны издавна, встречаются уже в Договоре Игоря с греками 945 года.

Древнейшим и исходным значением корня было название физиче-

ского признака изогнутости, искривленности, скрюченности — значение, хорошо известное нам. Но его нельзя однозначно приравнивать к современному, т.к. с накоплением опыта и знаний изменялось человеческое восприятие. Судя по данным славянских языков, можно предположить, что изначально -крив- указывал на кривизну объективно данную, не зависящую от человека, статическую, причем преимущественно — кривизну природных объектов. О таком значении корня -кривсвидетельствует и употребление лексем в памятниках русского языка: "от кривой ели", 1391 г.; "на две березы, на кривую да на розсоховатую", 1496 г.; "к кривому озеру", 1638 г.; "Пышма река мелка и кривлевата", 1677 г. (Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное изд. М., 1989. Т. 2. Ч. 2; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1981. Вып. 8. Далее — СлРя XI—XVII вв.).

Очевидно, за счет "объективности" называемого свойства, нейтральности внутренней формы и продуктивности корня, в памятниках русского языка XV—XVI веков более частыми становятся сочетаемость слов группы -крив- и их использование при номинации искривленных предметов. Расширение семантики корня приводит к тому, что прилагательное кривой по сути превращается в гипероним кривого. И в контексте "... косвенное же [на полях: кривое] древа еже совершает крст...", 1656 г. (СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 8), кривой — абсолютный синоним прилагательного косвенный в значении "косой".

Другая важнейшая ветвь значений корня -крив- так называемая семантика ущербности. В основе ее, вероятно древнейшее значение, указывающее на природную, естественную искривленность. Семантика ущербности в значениях слов с корнем -крив- заключается в том, что прилагательное кривой в славянских языках может обозначать различные физические недостатки (горбатый, без одного глаза, хромой); кроме того, на физические изъяны указывают и многочисленные сложения корня с основами, обозначающими органы тела человека и животных (типа криворотый, кривобокий). Именно одно из таких значений имел в виду П.А. Вяземский, подчеркивая, что "Гнедич был крив". Это значение — "без одного глаза" есть и в современном языке. В диалектах же семантика ущербности развита еще больше, чем в литературном языке (напр., диал. кривой как "хромой"), и, как показывают факты других славянских языков, диалекты в данном случае лучше сохраняют древнее, праславянское значение.

Очень интересно, что с идеей искривленности, ущербности в славянском архаическом сознании достаточно последовательно связывалось понимание левой стороны. Так, и этимологическое значение нашего корня -лев- (левый) — это "кривой", и, наоборот, прилагательные с корнем -крив- в некоторых славянских языках могли иметь семантику "левый".

Но, кроме уже отмеченных, у многих слов с корнем -крив- есть и отвлеченные, переносные значения, типа "неправый, несправедливый" (здесь и использование корня в древнейших терминах права), "ложный, лживый", "неверный" и др. Перед нами та же семантика отклонения, воспринимаемого и оцениваемого извне, только это отклонение, уже не в физическом, а в этическом или юридическом смысле: "Ни права, ни крива не убиваите", XII в.; "Прости ю кривины греха их", XIV в.; "На кривой суд обросца нет", XVII в. (Срезневский. Указ. соч. Т. 1. Ч. 2; СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 8).

Характерно, что развивается и общее оценочное значение, на разных этапах известное во всех славянских языках, "плохой, неправильный". В памятниках русского языка его можно видеть, например, в таких употреблениях: "Иде же криво, братие, исправивъще чтете", 1076 г., "кривобраздыник" — "тот, кто идет неправильным путем"; "Аще криво живу, исправте мя", 1673 г. (СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 8).

Это значение до наших дней не дошло, но поговорка Без соли стол кривой — один из примеров его сохранения. Стол без соли, таким образом, не изогнутый, неровный или расположенный под углом (как, напр., в тексте 1549 г.: "Царь и великий князь велел послом сести в кривом столе"), а плохой, неправильный, не должный, здесь ощущается и определенный оттенок ущербности. Такое же фразеологизированное значение сохранилось в диалектах. Так, в воронежских, калужских, костромских, владимирских, петербургских, вологодских, архангельских, онежских говорах кривой стол означает "обед, завтрак или ужин, к которым забыли подать соль", а в олонецких говорах известен оборот кривой обед (завтрак, ужин) "соответствующая трапеза без соли".

Описанные направления развития семантики корня -крив- неслучайны. В большей или меньшей степени они характерны и для других корней, обозначающих кривизну, и связаны с особенностями древнего мировоззрения. Дело в том, что корень -крив- следует рассматривать не изолированно, а как выражение в языке понятийной оппозиции "прямой — кривой". Оппозиция эта выступала как древнейшее средство и одновременно результат познания человском окружающего мира, играла большую роль в европейской и в славянской культуре.

О важности и древности оппозиции на славянской территории свидетельствует и большос количество корней, ее выражавших. Наряду с корнем -крив- разнородное понятие кривизны обозначалось корнями -лук- (ср. лук, лукоморье, излучина, лукавый), -кук- (ср. кукиш, кукан). -кос- (ср. косой, косоворотка, кособокий) и др., а понятие прямизны выражалось корнями -прям-, -прав-, -прост-.

Подчеркнем, что обозначая одни и те же понятия, корни отнюдь не дублировали друг друга, и разница в значении синонимичных корней особенно интересна. Так, среди корней с семантикой кривизны -крив-,

как было показано, называл наиболее широкий признак искривленности, изогнутости, неправильности формы, в семантике корня $-\kappa oc$ -, этимологически восходящего к значению "наискось срезанный" (ср. коса), своеобразно переплелись значения "кривое" и "срезанное", корень указывал на перекошенность, асимметричность, семантика $-ny\kappa$ - — это извилистость, дугообразность, $-\kappa y\kappa$ - и $-\epsilon opb$ - обозначали кривизну как отклонение от плоскости, т.е. возвышенность и т.д. Языковая картина в данном случае отражает реальное положение вещей, фиксируя познанные на практике разные проявления очень неоднородного признака кривизны. Свои особенности имели и корни с семантикой прямизны: например, особое значение -npab- как обозначение правой стороны.

С другой стороны, однако, важно, что корни со значением прямизны – кривизны оказываются семантически близкими, что и позволяет выделить их в единую группу. В результате этой семантической близости корни развивают регулярную многозначность, и, наряду со спецификой значения каждого корня, прослеживается ряд закономерностей развития семантики корневых групп, связанных с оппозицией "прямой – кривой".

Прежде всего, у всех корней есть прямые и переносные значения, причем отвлеченная семантика (значения мифологического, этического, религиозного плана) базируется на конкретной (обозначение физического признака прямизны или кривизны).

Практически для всех корней, обозначающих кривизну, как, в частности, для корня -крив- типична уже отмеченная семантика ущербности, т.е. указание на физическую неполноценность, в то время как корни, обозначающие прямизну, связываются с понятием нормы, здоровья (см. диал. прямоглазый "имеющий оба глаза"). Представляется, что такая системность непосредственно следует из связи оппозиций "прямой кривой" и "здоровье — болезнь" ("жизнь — смерть"). Связь эта проявляется не только на языковом уровне, но и в приметах, поверьях, например, о том, что русалки поджидают людей на кривой дороге, в народных представлениях о кривой неделе и кривой среде, в сказочном мотиве выбора дороги, в былинных описаниях прямоезжей и кривоезжей, окольной дороженьки и т.д.

В основе переносных значений корней тоже ощущается глубинная мифологическая связь оппозиции "прямой — кривой" прежде всего со сквозной оценочной оппозицией "хороший — плохой". Все корни, связанные с идеей кривизны, имеют отвлеченные значения, окрашенные отрицательно, негативно, а корни, обозначающие прямизну, напротив, — значения, заключающие яркую положительную оценку. В исследованиях И. фон Леевен-Турновцовой сделан интересный вывод о том, что такие представления о прямом как благоприятном, правильном, а о кривом как плохом, неверном восходят к главенствующей организа-

ционной роли принципа прямого в европейской культуре на протяжении многих тысячелетий (I. van Leewen-Turnovcova. Warum ist das Recht gerade? // Zeitschrift für slavische Philologie, 1991).

Безусловно, содержание и объем понятий "прямое" и "кривое" и роль оппозиции "прямой — кривой" в системе славянской культуры многоплановы, неоднозначны и, главное, исторически изменчивы. На праславянском уровне оппозиция восстанавливается как одна из основных, характеризует дуальную организацию мышления и древней культуры (см. работы В.В. Иванова, В.Н. Топорова). Применительно же к периоду средневековья следует говорить уже не о семиотической оппозиции "прямой — кривой", а о понятиях "прямое" и "кривое" как символах культуры, причем они получают связь с важнейшим противопоставлением той эпохи "Бог — дьявол" (см., напр., простославие и православие как синонимы, праведъныи, а, с другой стороны, кривоверие "заблуждение в вере, религии; ересь", лукавый, косой как табуистические имена черта). Позже наблюдается значительное расхождение, с одной стороны, остаточно-мифологического, "иррационального" (кривить душой, коситься, прямодушие), а, с другой стороны, логико-понятийного, "рационального" восприятия прямизны и кривизны (в результате последнего сформировалось в итоге и современное математическое определение этих свойств).

Таким образом, значения прилагательного *кривой*, на которых построен каламбур, записанный Вяземским, — древнейшая семантика корня -*крив*-, имеющая еще мифологическую основу. Когда же мы углубляемся в историю формирования и развития различных значений корня, перед нами предстают наслоения разных культурных периодов, особенности мировосприятия людей разных эпох.

Санкт-Петербург

Л.К. ГРАУДИНА, О.Л. ДМИТРИЕВА, Н.В. НОВИКОВА, Е.Н. ШИРЯЕВ. Мы сохраним тебя, русская речь!

Когда "отброшены и скомканы" вековые традиции, а развалины мифов и образов переполняют сознание, никак не выстраиваясь в единое целое, можно говорить об остром кризисе, захватившем общество и каждого человека в отдельности: кризисе культуры. Особенно болезненно он отражается на языке. Поэтому книга, о которой пойдет речь, не могла не появиться, она закономерное следствие сегодняшнего состояния языка.

Потери, которые несет наш язык, неисчислимы. Наводнение языка элементами, глубоко чуждыми ему, отражающими особенности совершенно других культур, сегодня переходит все границы. Национальная специфика языковых норм теряет свои ориентиры.

Авторы книги "Мы сохраним тебя, русская речь!" (М., Наука. 1995) говорят о культуре речи как необходимой составляющей современного языкознания и "культурного фонда" каждого человека. "Стоит ясно осознать: язык как достояние нации требует нашей постоянной заботы и, если угодно, охраны. Это, несомненно, касается каждого из нас". Эти слова лейтмотивом проходят через всю книгу, являются своеобразной осью, на которую нанизаны все рассуждения, исследования и выводы. Проблему определения предмета культуры речи соавторы решают.

Проблему определения предмета культуры речи соавторы решают, показывая основную задачу дисциплины: охрану литературного языка и его норм. Говоря о нормативном аспекте, исследователи все же не ограничиваются им одним. Цитируя слова чешского лингвиста К. Гаузенбласа "Нет ничего парадоксального в том, что один способен говорить на ту же самую тему нелитературным языком и выглядеть более культурно, чем иной говорящий на литературном языке", они переходят к коммуникативному аспекту. Эта тема рассматривается более подробно.

Язык "вообще" не может выполнять коммуникативные задачи, т.к. они непосредственно связаны с различными сферами общения. И каждая из них предъявляет свои требования к правильности речи. Поэтому авторы говорят, что речь должна идти о культуре владения различными функциональными разновидностями языка.

ными функциональными разновидностями языка.

Отсюда — необходимость "творческого процесса" при создании текста отдельной функциональной разновидности. Речь может идти лишь

о рекомендациях, но в основе создания текста (кроме некоторых жанров официально-делового стиля) лежит всегда проявление речевой индивидуальности, личностного подхода. Чем выше культура речи, тем больший простор для индивидуальности.

В последующих главах подробно освещаются наиболее острые вопросы культуры речи в современном обществе. В статьях "Культурноязыковая инициатива в публицистике" и "Мы, мода и язык" обсуждаются проблемы культуры речи в массовой коммуникации: "наводнение" и "засорение" языка терминами и иноязычными словами, вопрос о необходимости изучения процессов вхождения в новые стилевые сферы различных терминов, о преодолении термином его профессиональной ограниченности.

При анализе примеров, взятых из журналов, газет, телерепортажей, становится ясно, что коммуникативный аспект часто не берется во внимание. Иначе откуда бы там появлялись слова и выражения, не известные носителю языка, оставляющие его в недоумении. Так вырастает "стена" между читателем и текстом, и тогда понимание не только усложняется, но часто становится почти невозможным.

Проблема иностранных заимствований в русском языке подробно рассматривается в главе "Звонкое иноязычие". "Донести до сознания масс, что борьба со злоупотреблениями иноязычными словами – это не борьба одиночек, не проявление индивидуального вкуса писателей или ученых, что это забота и боль каждого любящего свой родной язык человека" – дело первостепенной важности. При этом необходимо опираться на чувство "сообразности и соразмерности", которое не всегда можно обнаружить в сегодняшней речи.

Помимо коммуникативного аспекта изучения языка, сейчас важны и исследования нормативного характера, направленные на выяснение тенденций и перспектив развития литературной нормы на всех уровнях языка. В главе "Наш век породил подснежник и цифру" речь идет о существующих методах изучения современных литературных норм, в первую очередь статистических, о том, как они могут помочь в решении многих культурно-речевых проблем.

нии многих культурно-речевых проблем.

В главах "Красно слово жемчугом по бархату катится", "Духовной силою и разума и слова" остро встают проблемы, связанные с красноречием, искусством ведения спора, с риторикой в ее античном понимании. Сократовская майевтика, предполагавшая рождение истины только в споре, путем вопросов и ответов, т.е. диалога, "настоящего разговора" в герменевтическом смысле, когда искусство состоит в том, чтобы услышать вопрос и именно на него ответить так, чтобы в самом ответе содержался последующий вопрос — особенно актуальна сейчас, когда характер дискуссий в парламенте, в печати, по телевидению оставляет желать лучшего. Необходимо выработать "словесную форму спо-

ра, обязанности соблюдения логических правил мышления и определить формы речевого этикета".

лить формы речевого этикета". Здесь мы сталкиваемся с еще одним аспектом культуры речи — этическим. Традиция ведения спора на Руси опиралась на необходимость соблюдения приличий и сохранения благородства. В книге очерчиваются несколько типов речевых ситуаций, связанных со спором: спордиалог, спор-дискуссия и спор, который по праву можно назвать атакой, набором взаимных оскорблений, нарушений всех этических и логических правил. Но неуместные, опасные элементы типа "приклеивания ярлыков", "отвода" (перехода темы разговора на другой предмет) могут появляться во всех трех разновидностях спора. Все это усложняет диалог, общение вообще, рождает непонимание и, как следствие, отчужденность и неприязнь. Вслед за Л.А. Шкатовой автор говорит об основных элементах общения, своеобразных правилах спора, которые оправданны как с этических, так и с коммуникативных позиций. В осоправданны как с этических, так и с коммуникативных позиций. В основу современного ведения дискуссий должен быть положен принцип взаимного уважения сторон. Остальные правила и нормы подчинены этому главному принципу.

Но непонимание рождается не только из-за пренебрежения этикой ведения диалога, но и из-за того, что не всегда мы можем выразить свою мысль убедительно и доходчиво. Доказательное, хорошо аргументированное слово не лежит на поверхности, его надо искать в своем языковом арсенале, и это - огромное искусство, очень важное и необходимое.

Особое внимание в книге уделено "языковому тормозу" – ярлыкам и штампам: "У штампа нет эволюции, но есть рождение и смерть". И эта ограниченность подобна уничтожению живого языка, превращению его в мертвую систему стандартов.

Язык СМИ часто наполнен подобными элементами, а ведь он явля-

Язык СМИ часто наполнен подобными элементами, а ведь он является тем фундаментом, на котором строится и читательское сознание. Установка на незыблемость и вечность, специфическая черта штампов и ярлыков, "тормозит" развитие как языка, так и мышления. Поэтому надо поскорее освободиться от подобных явлений и впустить в языковую стихию возможность свежего восприятия и выражения.

Подход к проблемам, связанным с сегодняшним состоянием языковой системы, с нравственных, этических позиций — то, чем отличаются все статьи книги. В них не абстрактные рассуждения о существующих трудностях, а руководство к действию. Тем, кому небезразличны современные проблемы общества, языка, будет интересна эта книга. Она, как "вспышка", на мгновение осветила состояние нашего языка на сегодняшний день и предложила пути выхода, что особенно важно сейчас. няшний день и предложила пути выхода, что особенно важно сейчас.

Ф.Д. АШНИН, В.М. АЛПАТОВ. "Дело славистов": 30-е годы.

Константин Кедров рассказывает в "Известиях" (1995. 17 июля), что сотрудник архива ФСБ полковник В.А. Гончаров, передавая документы личного происхождения (как говорят архивисты) репрессированного некогда профессора Алексея Николаевича Некрасова внучке ученого, сказал о наметившейся в нашем обществе амнезии, потере памяти: журналисты теряют интерес к теме репрессий. А это, по мнению полковника, может закончиться тем, что "все мы – и журналисты, и работники архива ФСБ – окажемся за колючей проволокой".

Книгу Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова «"Дело славистов": 30-е годы»

Книгу Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова «"Дело славистов": 30-е годы» (М. 1994) можно рекомендовать в аптечку лекарств против социальной амнезии.

Авторы рассказывают о созданной воображением секретно-политического отдела ОГПУ в конце 1933 г. Российской национальной партии. Книга раскрывает механизм фабрикации дела. Он типичен для фальсификаторской деятельности ОГПУ.

В сентябре 1933 г. арестовали инспектора Ленинградского земельного управления Ф.В. Ховайко и зоотехника молочной опытной фермы В.Г. Шийко. Видимо, кто-то донес, что они в разговорах обсуждали страшный и, как мы теперь знаем, искусственный голод на Украине. Дело этих людей живенько подверстали под фабрикующееся дело о ленинградских украинских националистах, хотя Ховайко и Шийко совершенно не знали тех, кому приписывалось членство в организации украинских националистов. "Подельниками" Ховайко и Шийко стали зав. украинским отделением Русского музея, бывший председатель Украинского научного общества в Ленинграде этнограф Б.Г. Крыжановский, сотрудник Института славяноведения в Ленинграде и активный член Украинского научного общества В.В. Дроздовский, а также известный искусствовед Н.П. Сычев. Организация, в которой они якобы состояли, в ордерах на арест квалифицировалась как украинская контрреволюционная организация. При этом выдававших ордер на арест Н. Сычева не смутило, что он не был украинцем и уже только потому не мог быть украинским националистом. Вспоминается рассказ Сандро Канделаки — знакомого моих родителей, которому лубянский следователь в 1937 г. сказал: "Ты дашнак", на что несчастный отвечал:

"Гражданин следователь, не могу я быть дашнаком, ведь я же грузин". Однако арест Н. Сычева подвиг фальсификаторов рассматривать

Однако арест Н. Сычева подвиг фальсификаторов рассматривать вымышленную организацию уже как русско-украинскую. Фальсификаторская преступная мысль продолжала работать и породила московскую часть мнимой организации. Для рождения этой части стали достаточными показания арестованных ленинградцев об их московских коллегах. Так оказались арестованными в октябре 1933 г. москвичи: известный реставратор и архитектор П.Д. Барановский и этнограф-украинист Н.И. Лебедева. Так возникло дело о Российской национальной партии. Ее ряды усилиями ОГПУ стали пополняться ускоренными темпами. Пришла пора выделить в этой "партии" террористическую группу. Как это сделать? Очень просто. Научный работник Московского об-

Как это сделать? Очень просто. Научный работник Московского областного бюро краеведения А.В. Григорьев в прошлом работал в милиции. Отсюда следовал вывод, что он добывал оружие и выяснял маршруты передвижения "вождей". Сотрудник Госбанка А.А. Устинов с 1902 по 1908 г. был эсером, увлекается охотой (при обыске изъяты два ружья, боеприпасы и билет члена охотничьего общества). Ну чем не основание для зачисления в террористы? А рабочий Электрокомбината В.Э. Розенмейер — офицер царской армии, потом командир Красной Армии — разве не подходит в террористы? Детскому врачу Г.А. Тюрку было за шестьдесят. Он был сугубо штатским. Зато — сын саксонского подданного и имел в Германии мать и брата. Ему отводится роль "теоретика", получившего инструкции прямехонько от немецких фашистов. Теракта не было, выдумать его не могли, придумали попытку теракта: "попытка покушения" на В.М. Молотова, посетившего в начале 1933 г. предприятие, на котором тогда работал В.Э. Розенмейер.

"Российская национальная партия" росла как на дрожжах. "Новый толчок к развитию дела и подключению к нему самой многочисленной группы (...) дали показания арестованного осенью 1933 г. по делу "эсеровской организации" сотрудника иностранного отдела Главлита М.Н. Скачкова. Это был донской казак (...), белый офицер, эмигрировавший (...) в Чехословакию, где сначала сблизился с эсерами, а затем перешел на просоветские позиции". Он сблизился с чешскими революционными писателями. С 1925 г. – сотрудник советского торгпредства в Праге, а в 1926 г. возвращается на Родину, пишет статьи о чешской литературе, первым переводит Я. Гашека, М. Мейерову, И. Ольбрахта и др. Показания М. Скачкова направили действия по славистической дорожке. Отсюда второе название дела – "Дело славистов". На допросе 21 декабря 1933 г. М. Скачков показал: «Якобсон (Роман Осипович Якобсон – тот самый Ромка Якобсон, упомянутый Маяковским в стихотворении "Товарищу Нетте...", один из ведущих языковедов ХХ в., в 1920–39 гг. жил в Чехословакии и работал в советских учреждениях. – Э.Х.) являлся учеником известного профессора-слависта Дурново Ник. Ник., с которым я

познакомился у Якобсона в 1925 году, когда мне были ясны резко антисоветские позиции Дурново. Он обратил на себя тогда внимание тем, что ел демонстративно где только возможно белый хлеб, ссылаясь на голод в Советской России и на тяжелое положение в ней ученых... В 1933 г. в марте месяце я возобновил в Москве знакомство с Дурново Н.Н., а через него познакомился с его сыном Андреем, ярым националистом, резко антисоветски настроенным человеком... В ряде бесед \(\lambda\), мне стали ясны антисоветские и националистические убеждения А. Дурново. Я узнал также, что вокруг него группируются активно антисоветски настроенные люди \(\lambda\). В июне 1933 года \(\lambda\), я сказал ему, что являюсь участником эсеровской организации и ее московской группы, что я приехал в СССР по поручению организации и предложил Дурново принять участие в работе организации \(\lambda\). Дурново мое предложение отклонил. Он сказал \(\lambda\), что вступать в эсеровскую организацию не считает возможным, так как стоит на других позициях и \(\lambda\). Является участником националистической организации, ведущей активную антисоветскую работу».

Затем Скачков называет (якобы со слов А. Дурново) членами этой организации академиков Н.С. Державина, В.Н. Перетца, М.Н. Сперанского (которого аттестует "монархистом по убеждению"), М.С. Грушевского (о нем Скачков сообщает, что А. Дурново охарактеризовал академика как вождя украинских националистов), членов-корреспондентов АН Н.Н. Дурново, Г.И. Ильинского (о котором сказал: "проявляет наибольшую антисоветскую активность"), профессора В.Н. Кораблева. Скачков упоминает о еженедельных собраниях на квартире Сперанского, информирует, что "руководящее ядро организации" состоит из Н. Дурново, Сперанского, Ильинского, Грушевского.

При допросах следователи предъявили обвиняемым причудливый сплав выдернутых фактов и фантастических комментариев и выводов. Например, из факта встреч за рубежом с видными лингвистами Н.С. Трубецким и Р. Якобсоном делается вывод о получении Н. Дурново от них директив по антигосударственной деятельности. Безо всяких оснований Н. Трубецкой объявляется руководителем зарубежного русского фашистского центра, а знакомство арестованных с профессором и его идеями евразийства истолковывается как превращение мифической организации "Русская национальная партия" в фашистскую. Подобно многим дореволюционным профессорам М. Сперанский с 1906 года один раз в неделю (по понедельникам) принимал у себя на квартире людей своего круга (сюда без приглашения мог прийти любой из коллег, посидеть за самоваром и поговорить на профессиональные темы). "Понедельники" продолжались и после революции. Во время следствия эти "посиделки" превратились в "нелегальные собрания". И стали главным обвинением против ученого.

Или вот еще. Крупный кавказовед А.А. Миллер, этнограф и архсо-

лог, окончил в 1902 году Антропологическую школу в Париже, был директором Русского музея в 1917–21 гг., а потом возглавлял его этнографический отдел, руководил многими научными экспедициями. Был дружен с выдающимся востоковедом В.Ф. Минорским, не оборвал с ним связи после эмиграции друга. Следователи по этой канве бодро вышивают: "Систематически выезжал по заданию центра организации на Северный Кавказ для собирания необходимых организации сведений о политических настроениях крестьянства национальных народов (sic!) и для фашистской агитации и пропаганды среди них, \(\ldots\), установил во время заграничных командировок личные связи в контрреволюционных целях в рядах белоэмигрантских деятелей, в том числе с крупным сотрудником контрразведки Минорским, и информировал последних о внутриполитическом положении на Северном Кавказе".

них о внутриполитическом положении на Северном Кавказе". Как же следователям удалось получить так называемые признательные показания у большинства "членов" мифической организации? Авторы говорят, что «методы следствия по данному делу были типичны для первой половины 30-х гг. (...). В эти годы избиения и другие методы прямого физического воздействия обычно не применялись, времена ежовских следователей-мясников еще не пришли. В секретно-политическом отделе ОГПУ работали "интеллектуалы", предпочитавшие использовать не физические, а психологические способы воздействия. Впрочем, подследственным пришлось испытать лишение сна, а в некоторых случаях – карцер. Но центральное место занимали допросы, как правило, ночные». Кстати, только в июле 1995 г. указом Президента РФ наконец-то запрещены ночные допросы (остается лишь надеяться, что указ будет выполняться).

та РФ наконец-то запрещены ночные допросы (остается лишь надеяться, что указ будет выполняться).

Следователи начинали с обвинений в самых страшных по тем временам преступлениях (вроде подготовки покушения на Сталина), с угроз расстрелом, расправой с семьей, демонстрации показаний уже "признавшихся". И все это на человека, не спавшего несколько суток. Зачастую пожилого, страдавшего несколькими заболеваниями. Яркое описание следствия, которое вели не костоломы, а душеломы, оставил антрополог Г.А. Бонч-Осмоловский. Копия этого документа обнаружена авторами в деле В. Перетца. Рассказанное Бонч-Осмоловским перекликается с рассказом П. Барановского, приведенным в книге полностью.

деле В. Перетца. Рассказанное Бонч-Осмоловским перекликается с рассказом П. Барановского, приведенным в книге полностью.

И еще может возникнуть вопрос: "А что, кроме признательных показаний ничего не надо было следствию, чтобы установить наличие партийной организации?" Ничего. И это популярно разъяснили одному из подследственных. Действительно, по советскому закону для вывода о существовании подпольной политической организации и не требуется наличия принятых ее членами устава, программы, не требуется документального подтверждения сбора членских взносов: никаких документов, созданных самой организацией. Понятно, как легко было печь

эти организации. Так испекли Всероссийский меньшевистский центр, так выпекли Промпартию.

Авторы книги "Дело славистов" – филологи-языковеды. Видимо, поэтому в центре их внимания судьбы филологов. Отдельная глава посвящена академикам М. Сперанскому и В. Перетцу. Первый был текстологом и палеографом, второй – специалистом по истории русской и украинской литератур XVII – начала XVIII в. и истории театра того же

украинской литератур XVII — начала XVIII в. и истории театра того же времени. В главе дана сжатая характеристика их трудов и описано их хождение по мукам. Есть глава "Судьба Селищева", в которой рассказывается о злоключениях исследователя славянских языков, автора изъятой из обращения в 1935 г. книги "Язык революционной эпохи", члена-корреспондента АН А.М. Селищева.

Члену-корреспонденту Н. Дурново уделено много страниц и большая часть главы "Исповедь Дурново". Исповедью названы собственноручные показания Дурново в августе 1934 г. Прокурору СССР И.А. Акулову, находившемуся с инспекционной поездкой на Соловках. Дурново решительно заявляет, что ни о какой организации, ставящей целью свержение власти, никаких разговоров не было, никаких директив от Трубецкого и Якобсона он не получал. Дурново коснулся и своих политических вглядов. Он заявляет себя противником революционных методов борьбы с существующим строем вообще, с советским в ных методов борьбы с существующим строем вообще, с советским в частности. "К идее коммунизма и принудительного коллективизма я относился отрицательно, но не менее отрицательно относился и к фашизму, не говоря уже о той форме, в какую он вылился в Германии (...). Что должно прийти на смену отжившим формам государственного строя, не знаю, но фашизм с его подавлением инакомыслящих и имеюстроя, не знаю, но фашизм с его подавлением инакомыслящих и имеющих несчастье родиться не от тех родителей, меня пугает, а коммунизм угнетает", — писал он. Понимал ли Дурново, что сказанное им о фашистском режиме очень похоже на подавление инакомыслия в СССР, рабский труд в лагерях и несчастье людей, родившихся не от тех родителей (там — от неарийцев, здесь — от дворян, купцов, кулаков, "врагов народа")?

Отвода у. Отводя обвинение в создании фашистской организации, ставящей целью свержение существующего строя, Дурново отводит и обвинения в националистических убеждениях: "Уважая права каждой нации, кажв националистических уоеждениях: Уважая права каждои нации, каждой народности, я всегда был против подавления одной национальности другой, против той русификации, которая проводилась императорским правительством России, Германии и отчасти Австрии, или полонизации в теперешней Польше, чехизации и словакизации в Чехословакии и сербинизации в Югославии ..." В судьбе Дурново эти показания ничего не изменили.

Всех проходивших по делу о Российской национальной партии ожидал не суд, как они думали и надеялись, а заглазное судилище в виде су-

дебного заседания коллегии ОГПУ либо Особого совещания при коллегии ОГПУ (март-апрель 1934 г.).

А. Григорьева, А. Устинова, В. Розенмейера и Г. Тюрка приговорили к расстрелу с заменой "заключением в исправтрудлагерь сроком на десять лет". Из этой четверки трое повторно осуждены в 1937 г. и расстреляны. Судьба Григорьева неизвестна.

десять лет". Из этой четверки трое повторно осуждены в 1937 г. и расстреляны. Судьба Григорьева неизвестна.

Н. Дурново, осужденный на 10 лет, в 1937 г. приговорен "тройкой" к расстрелу. Его сын, приговоренный к пяти годам, расстрелян по решению "тройки" в один год с отцом. Вообще "повторников" среди проходивших по этому делу было 19, большинство из них расстреляно.

Одним из них был известный ленинградский литературовед и критик Р.Ф. Куллэ. Когда в середине 50-х годов началась реабилитационная кампания, его дочери обратились с просьбой установить судьбу отца. Авторы книги цитируют позорное "заключение" от 17.01.56, подготовленное зам. начальника учетно-архивного отдела УКГБ по Архангельской области. Там читаем: "Учитывая, что Куллэ Р.Ф. осужден к ВМН и приговор приведен в исполнение — руководствуясь указанием КГБ при СМ СССР от 24/VIII 1955 года № 108 сс, полагали бы: Куллэ ⟨...⟩ зарегистрировать в Архангельском бюро ЗАГС управления милиции УМВД по Архангельской области как умершего от порока сердца. После регистрации смерти Куллэ в Архангельском горбюро ЗАГС объявить сестрам Куллэ, что их отец умер в местах заключения". На этом документе есть резолюции начальника упомянутого отдела ("Согласен") и начальника УКГБ по области ("утверждаю"). Авторы книги замечают: "Итак, мы теперь достоверно знаем о существовании и дате появления той инструкции, на основе которой не одно десятилетие, например, датой смерти маршала А.И. Егорова считался 1941, вместо 1939, а востоковеда Н.А. Невского — 1945 вместо 1937..." Это вранье происходило в оттепельные годы, а потом уже не поминали о репрессиях.

В книге приводится документ, относящийся к маю 1934 г.: «Совершенно секретно. Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину.

Направляем Вам меморандум на академиков Сперанского и Перетца, обвиняемых по делу к-р фашистской организации, именовавшейся "Российская национальная партия".

Виновность их доказана материалами следствия и очными ставками с рядом лиц, осужденных по данному делу.

Виновность их доказана материалами следствия и очными ставками

с рядом лиц, осужденных по данному делу.

ОГПУ считает необходимым исключить Сперанского и Перетца из состава Академии наук и выслать их на три года.

Зам. пред. ОГПУ (Агранов)».

И исключили. Они были единственными академиками, привлекавшимися по этому делу. В обвинительном заключении числились членами центра этой партии академики Н.С. Державин, М.С. Грушевский, В.И. Вернадский и Н.С. Курнаков, но они не были арестованы. Историка Гру-

шевского спасла смерть в ноябре 1934 г. После нее он был обвинен в контрреволюционной деятельности (якобы возглавлял буржуазно-националистическую организацию "Украинский национальный центр"), его сочинения много лет были под запретом. Тот факт, что он руководил в 1918 году Центральной Радой, давал простор для фантазии следователей. Остается лишь удивляться тому, что, упомянув его в обвинительном заключении по "делу славистов", сотрудники секретно-политического отдела дали ученому умереть своей смертью. Возможно, они хотели использовать его в другом деле, но смерть Грушевского их опередила. В.И. Вернадского и Н.С. Курнакова спасла мировая известность.

Зададимся вопросом. Зачем было сажать людей, не сделавших ничего антигосударственного, зачем лишать науку и производство высоко-квалифицированных специалистов? Если через несколько лет процессы над членами так называемой ленинской гвардии были затеяны непосредственно сталинской кликой, а массовость репрессий 1937-38 годов объясняется спущенными с самого верха разнорядками по выявлению "врагов народа" в каждой республике и области (а там еще и местной инициативой со "встречным планом", выполнением и перевыполнением), то кто же был инициатором "дела славистов"? Это инициатива ленинградских чекистов? Ими двигало желание не только выслужиться, но и показать, что не зря едят хлеб с маслом в стране, который уже год посаженной на карточную систему? К сожалению, книга не дает ответа на вопрос об инициаторах. Но ясно, что "дело славистов" ложится в контекст всех предшествовавших фальсификаций.

Режиму был нужен образ врага, нужно было воспитать в народе оборонное сознание, сознание живущих в осажденной крепости. И одновременно вселить в общество чувство страха перед "органами", которые ненароком могут зацепить и ни в чем не виноватого, объясняя это получившей в 30-е годы зловещий смысл поговоркой лес рубят щепки летят.

Книга Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова не только рассказ об одном из эпизодов репрессий в СССР. Она еще и фрагмент истории науки. Если история науки в демократических государствах XIX–XX веков — это история идей, школ, деятельности отдельных крупных ученых, то история науки в СССР пересекается с историей репрессий. Позволю себе процитировать профессора Н. Тимофеева-Ресовского: "Конечно, гитлеровская Германия была очень ужасна, но в каких-то отношениях все-таки не сравнима со сталинским режимом. Сталинизм был много ужасней, да и жизней требовал много больше" (Н. Тимофеев-Ресовский. Воспоминания. М., 1995. С. 324). Он знал положение в обоих государствах не с чужих слов.

> Эр. Хан-Пира, кандидат филологических наук

Когда появилось слово сиюминутный?

Н.А. ЕСЬКОВА. кандидат филологических наук

В "Сводном словаре современной русской лексики" против этого слова стоят индексы: НС Ож Орф ОЭ М-2. Расшифровка по списку источников дает: "Новые слова и значения" 1971 г. (первая фиксация), а затем – 10-е изд. словаря Ожегова (1973), 13-е изд. орфографического словаря (1974), 1-е изд. Орфоэпического словаря (1983) и 2-е изд. "малого" академического словаря (т. 4, 1984). (Замечу, что словарь Ожегова включил это слово уже в 9-м изд. 1972 г., но сводный словарь основывается почему-то на стереотипном переиздании 1973 г.)

В научно-популярной книге "Рождение слова" (1973 г.) В.В. Лопатин сопровождает слово сиюминутный таким примечанием: "Одно из самых новых слов" (с. 112), ссылаясь на его первую фиксацию в НС

1971 г.

Самые ранние примеры из периодики, на которых основывается словарная статья НС, относятся к 1964–1965 гг. Но ...
Приведу цитату: «В будущем все играющие, ставящие, читающие, печатающие "Мистерию-буфф", меняйте содержание, – делайте содержание ее современным, сегодняшним, сиюминутным». Это предисловие ко второму варианту пьесы Маяковского относится к 1921 г.

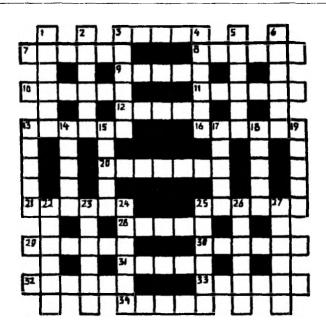
Составители словаря "Новые слова и значения" 1971 г. добросовестно фиксировали слова, не понавшие в толковые словари, из достаточно ограниченного круга источников – по материалам прессы и литературы 60-х годов. Употребление Маяковским слова сиюминутный, очевидно, не подлежало отражению в этом словаре, даже если оно было известно его составителям.

В цитате из Маяковского фигурирует его новообразование. В настоящее время *сиюминутный* встретишь едва ли не в любой газете. Что происходило с ним между 1921 годом и началом 60-х, когда составители НС обнаружили довольно много случаев его употребления, выделив даже три различных значения, зафиксировав и производное сиюминутность?

Словарь 1971 г. убеждает, что к середине 60-х гг. слово *сиюминут-ный* было уже достаточно употребительным, но судить о времени его появления в языке на основании этого словаря невозможно. То, что слово отсутствует в словаре Ушакова, в первых восьми изданиях словаря Ожегова, в т. 4 (1961 г.) 4-томного ("малого") академического словаря, в т. 13 (1962 г.) 17-томного ("большого") словаря, не доказывает, что тогда не существовало случаев его употребления. (Замечу попутно, что со словарной фиксацией бывают забавные казусы. Так, слово пупс, впервые зафиксированное в т. 11 (1961 г.) "большого" словаря, появилось в русском языке несколькими десятилетиями раньше. По крайней мере, Корней Чуковский в книжке 1929 г. "Маленькие дети" – "предшественнице" "От двух до пяти" – негодует по поводу непроизносимой строки из детских стихов "Пупс взбешен".)

Самое интересное: возникло ли слово сиюминутный независимо от новообразования автора "Мистерии-буфф" или в какой-то момент активизировалось и стало словом общего языка именно "маяковское" слово? Я могу только поставить этот вопрос, для ответа на него нужны факты, которыми я не располагаю и которые нелегко "добыть". Если кому-нибудь из читателей "Русской речи" встретятся случаи употребления слова сиюминутный в текстах 30-х, 40-х или 50-х годов, буду признательна за сообщение об этом. Адрес редакции известен.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Французский писатель-сказочник. 7. Нимфа, мать Ахилла. 8. Русский летописец. 9. Французский писатель, один из величайших гениев комического. 10. Персонаж из драмы А.С. Пушкина "Борис Годунов". 11. Русский писатель, автор рассказов "Из воспоминаний рядового Иванова", "Надежда Николаевна" и сказки "Лягушка-путешественница". 12. Английский поэт, автор драмы "Ченчи" и поэмы "Эллада". 13. Имя героини баллады А.С. Пушкина "Жених". 16. Русский поэт "Серебряного века". 20. Рассказ А.П. Чехова. 21. Остров нимфы Калипсо. 25. Очень хотела, чтобы ее пустили в Европу. 28. Древняя столица Японии. 29. Фамилия Бернадетты из романа Э. Золя "Лурд". 30. Французский поэт, автор сборника "Цветы зла". 31. Что растоптал народ в Древнем Риме, по словам генерала из поэмы Н.А. Некрасова "Железная дорога"? 32. Персонаж "Зимней сказки" У. Шекслира. 33. Рассказ М. Горького. 34. Роман Б. Пруса.

По вертикали:

1. Героиня романа В. Брюсова "Огненный ангел". 2. Вид поэзии. 3. Героиня поэмы А.С. Пушкина "Медный всадник". 4. По мнению многих, он был ученый малый, но педант. 5. Имя шведской писательницы Линдгрен. 6. Повесть Э. Сетона-Томпсона. 13. Роман П.Н. Лукницкого (1946 г.). 14. Остров в Тихом океане, место действия ряда рассказов С. Моэма. 15. Фамилия семьи, описанной Л. Стерном. 17. Бразильский писатель. 18. Французская писательница, автор романа "Дельфина". 19. Кем была мифологическая Эгерия? 22. Город, описанный М.Е. Салтыковым-Щедриным. 23. Участник Отечественной войны 1812 года, автор "Писем русского офицера". 24. Город в Восточной Сибири, через который возвращался И.А. Гончаров из плавания на фрегате "Паллада". 25. Роман Э. Золя. 26. Древнерусское название выходного дня. 27. Французский поэт, член Парижской Коммуны.

1. Рената. 2. Лирика. 3. Параша. 4. Онегин. 5. Астрид. 6. "Домино". 13. "Ниссо". 14. Таити. 15. Шенди. 17. Амаду 18. Сталь. 19. Нимфа. 22. Глупов. 23. Глинка. 24. Якутск. 25. "Добыча". 26. Неделя. 27. Клеман.

По горизонтали 12. Перро 7. Фетида 8. Нестор 9. Рабле. 10. Марина. 11. Гаршин 12. Шелли. 13. Наташа 16. Надсон 20. "Невеста" 21. Огигия 25. Дунька. 28. Киото. 29. Субиру. 30. Перинер. 31. Термы. 32. Доркас. 33. "Челкаш" 34. "Кукла".

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД